

МОСКОВСКИЙ ПАТРИАРХАТ
ТАШКЕНТСКАЯ И УЗБЕКИСТАНСКАЯ ЕПАРХИЯ

Восток Свыше

ДУХОВНЫЙ,
ЛИТЕРАТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

ИЗДАЕТСЯ С 2001 ГОДА

ВЫПУСК
XLII

№ 4–1
октябрь-декабрь 2016 –
январь-март 2017

ТАШКЕНТ
2017

**По благословению
высокопреосвященнейшего
ВИКЕНТИЯ,
митрополита Ташкентского и Узбекистанского,
главы Среднеазиатского митрополичьего окръга**

Главный редактор

Евгений АБДУЛЛАЕВ

Литературный редактор

Лейла ШАХНАЗАРОВА

Редакционный совет

Протоиерей Игорь БАЛУХАТИН

Протоиерей Сергей СТАЦЕНКО

Протоиерей Андрей ТУГУШЕВ

Валерий ГЕРМАНОВ

Роман ДОРОФЕЕВ

Татьяна КОТЮКОВА

Вадим МУРАТХАНОВ

Рубен НАЗАРЬЯН

Екатерина ОЗМИТЕЛЬ

Кирилл СУЛТАНОВ

Алексей УСТИМЕНКО

Юрий ФЛЫГИН

На обложках:

Стр. 2: Преп. Лев Оптинский. Преп. Амвросий Оптинский. Оптиная пустынь (рисунки 1826 года) (С. 6).

Стр. 3: Епископ Кирилл (Поспелов) (1949). Протоиерей Григорий Брицкий; слева стоит Е.В. Бахвалова) (Фотография из личного архива Н.П. Гомолицкого). Почтовая карточка, отправленная прот. Григорием Брицким архим. Гурию (Егорову) (письмо 1) (С. 30).

Восток Свыше. № 4, 2016 – № 1, 2017 (XLII)

Издается с 2001 года

ISSN 2010-5568

© Ташкентское и Узбекистанское Епархиальное управление Русской Православной Церкви
© Журнал «Восток Свыше»

...Посетил нас Восток свыше,
просветить идущих во тьме и тени смертной,
направить ноги наши на путь мира.

Евангелие от Луки 1, 78-79

СОДЕРЖАНИЕ

СТИХОТВОРНЫЙ КАМЕРТОН

Елена ЛАПШИНА. «От земли поднимутся холода...» 5

СООБЩЕНИЯ. СОБЫТИЯ. ДАТЫ

Календарные страницы *главного редактора*

«Неслыханное по России новшество». 175 лет преставления
преподобного Льва Оптинского (11 октября 1841 года)
и 125 лет преставления преподобного Амвросия Оптинского
(10 октября 1891 года) 6

Новостные страницы *иеродиакона Михаила (СТОЛЯРОВА)*

Выставка «Радость Слова», фестиваль колокольного звона
и 25-летие Свято-Владимирского храма 11

ИЗ ИСТОРИИ ЦЕРКВИ В СРЕДНЕЙ АЗИИ

Архимандрит *Иринарх (ШЕМАНОВСКИЙ)*. Дневник о разгроме Иссык-
Кульского монастыря. Публикация *Екатерины Озмитель* 13

Роман *ДОРОФЕЕВ*. «Последний бой» протоиерея Брицкого 30

ТУРКЕСТАНОВЕДЕНИЕ

Тема: Средняя Азия в мемуарах русской эмиграции

Всеволод *СТРАТОНОВ*. Туркестан. Главы из воспоминаний
«По волнам жизни». Публикация, предисловие и примечания
Татьяны Котюковой 65

Борис *ШИРЯЕВ*. «Здесь жилось тогда много вольнее...».
Воспоминания о Средней Азии 1920-х – начала 1930-х годов.
Публикация, предисловие и примечания *Михаила Талалая* 94

ИСКУССТВО ПАМЯТИ

Наталья *СЕЛУЯНОВА*. Семейная хроника Селуяновых.
Публикация *О. Илюшкиной* 126

Содержание (окончание)

ЛУГ ДУХОВНЫЙ

О созерцании Вселенной как творения Божия. О добродетельной жизни	142
--	-----

ОБЩЕСТВО. ЛИТЕРАТУРА. ИСКУССТВО

Социальные страницы <i>Лилии КАЛАУС</i> О мультфильмах и ценностях	146
Литературные страницы <i>Вадима МУРАТХАНОВА</i> Встреча в пустыне	149

РЕЦЕНЗИИ

<i>Александр ДЖУМАЕВ. Двойной портрет в интерьере ушедшей эпохи.</i> <i>Об издании воспоминаний Галины Герус-Козловской</i>	153
--	-----

Авторы номера	163
----------------------------	-----

Содержание журнала «Восток Свыше» за 2016 год	164
--	-----

Информация для авторов	166
-------------------------------------	-----

СТИХОТВОРНЫЙ КАМЕРТОН

Елена ЛАПШИНА

От земли поднимутся холода,
незаметно с ночи повалит снег.
Ты увидишь небо из-под льда,
ты проснёшься рыбою, человек.

Неусыпным оком гляди во тьму,
серебристым телом – плыви, плыви...
И не думай: Это зачем Ему? –
всё, что Он ни делает – от любви.

Не ропщи, что речь твоя отнята,
не по небу ходишь, не по земли.
Если рыбе дадена – немота, –
то самым дыханьем Его хвали.

Календарные страницы *главного редактора*

«Неслыханное по России новшество»

175 лет преставления преподобного Леонида (Льва) Оптинского (11 октября 1841 года) и 125 лет преставления преподобного Амвросия Оптинского (10 октября 1891 года)

Купчиха умирала тяжело. От мучений у несчастной вывалился язык, который и после смерти не смогли вправить. Так с высунутым языком и похоронили.

Купчихина кончина вызвала широкие толки.

Ты спрашиваешь причину такой страшной кончины. Судьбы Божии для нас неисповедимы, а можно только сказать, что, во-первых, неблагонамеренно брать у бедных людей деньги, без уплаты оных... А во-вторых, должно быть, особа эта много грешила языком... и видно – в этом не покаялась; в-третьих, такие страшные кончины бывают и для вразумления оставшихся живых, чтобы были осторожны и страшились нарушать заповедь Божию...

Так писал оптинский старец Амвросий одной из инокинь, знавших покойную. Дело в том, что, проживая некоторое время в обители, покойная много задолжала инокиням, да и мирским бедным людям; не расплатившись, отбыла восвояси.

Таких писем, шедших из Оптиной, – сотни, тысячи... Поясняющих, ободряющих, предостерегающих; купцам и военным; мастеровым, едва владевшим грамотой, и первейшим русским писателям... Всем, кто прибегал к оптинским старцам со своими тяготами, недоумениями и тревогами. А сколько было тех, кто сами приезжали в Оптину, подолгу останавливаясь в ней...

Оптина пустынь, официально именуемая Свято-Введенским ставропигиальным (подчиняющимся напрямую патриарху) мужским монастырем, возникла в четырнадцатом веке недалеко от Козельска – того самого «злого города», который был спален за столетие до того Батыем. По преданию, основателем пустыни был разбойник Опта, шайка которого хозяйничала в густых козельских лесах. Причины, заставившие Опту оставить разбойничество, неизвестны. Покаявшийся лиходей принял монашеский постриг под именем Макария и стал первым насельником

основанной им обители. Которая в честь него и стала называться Макарьевской, или Оптиной.

Со времен Годунова имя Оптиной пустыни появляется в писцовых книгах; в Смутное время обитель терпит разорение от поляков; при первых Романовых возрождается; при Петре Первом снова приходит в запустение и даже на короткий срок упраздняется... После Петровой кончины воссоздается, но к концу правления Екатерины Второй снова приходит в упадок: в ней остаются всего два монаха, оба глубокие старики.

...Монастырь наш ничем особенно не был до тех пор знаменит: в нем не было ни мощей святых угодников, ни явленных чудотворных икон, не было даже славных преданий, связанных с нашею историей, не числилось за ним исторических подвигов и заслуг отечеству («Братья Карамазовы»).

Эти известные слова об Оптиной пустыни совершенно справедливы. До XIX века этот монастырь ничем особым не выделялся.

Начавшееся возрождение русского монашества затрагивает и Оптину пустынь. В 1809 году в обители числилось уже тридцать насельников. В 1821-м в ней был устроен скит, а через восемь лет в него, для обустройства скитской жизни, прибыл старец Леонид (Наголкин, 1768–1841), подвизавшийся до того в Александровском монастыре и славившийся строгостью жизни и прозорливостью.

...Старцы и старчество появились у нас, по нашим русским монастырям, весьма лишь недавно, даже нет и ста лет, тогда как на всем православном Востоке, особенно на Синае и на Афоне, существуют далеко уже за тысячу лет. ... Возрождено же оно у нас опять с конца прошлого столетия одним из великих подвижников (как называют его) Паисием Величковским и учениками его, но и доселе, даже через сто почти лет, существует весьма еще не во многих монастырях и даже подвергалось иногда почти что гонениям, как неслыханное по России новшество («Братья Карамазовы»).

Старец Леонид не был новичком в Оптиной. Здесь в 1797 году он начинал еще иноком, однако через два года перешел в другую пустынь, Белобережскую, в Орловской губернии.

Белобережская пустынь (в советские годы полностью разрушенная) в те времена первенствовала в восстановлении старчества на Руси. Настоятелем ее был подвижник Василий (Кишкин, 1745–1831), обучавшийся подвигу непрерывной молитвы у святителя Тихона Задонского, затем у старцев на горе Афон, а после – в молдавском Нямецком монастыре. В Нямце и трудился тот прославленный подвижник Паисий (Величковский), о котором пишет Достоевский. Эти аскетические традиции Василий попытался ввести затем и в российских монастырях. Вначале – в Курской Коренной пустыни, где встретил, однако, резкое недовольство остальной братии... В Белобережской пустыни, куда Василий был вскоре определен настоятелем, усилия его увенчались большим успехом. Прежней братии в этой запустелой обители почти не было, а новая, пришедшая при настоятельстве Василия (включая и инок Леонида), с рвением обучалась у него тем правилам аскетической жизни, которые были забыты за время угасания старчества на Руси.

Утверждают, что существовало старчество и у нас на Руси во времена древнейшие или непременно должно было существовать, но вследствие бедствий России, татарщины, смут, прерыва прежних сношений с Востоком после покорения Константинополя установление это забылось у нас и старцы пресеклись («Братья Карамазовы»).

Все это справедливо – однако главной причиной было другое... Не помешала же «татарщина» преподобному Сергию Радонежскому устроить свою общину на строгих афонских правилах. А «перерыв прежних сношений с Востоком» – провести патриарху Никону реформу обрядовой традиции, чтобы привести ее в соответствие с греческой (что, как известно, привело к расколу)...

Главной причиной угасания старчества была политика московских князей (позже – царей) – а также части союзного им в этом духовенства. Политика эта ведет начало с Василия Третьего, воздвигшего гонение на цвет тогдашнего русского старчества – нестяжателей. Усиливавшейся царской власти было неуютно терпеть близ себя мощную и самостоятельную духовную силу. Традиция старчества прерывается; непрерывное молитвенное делание, «умная» Иисусова молитва без опытного и искусного наставничества невозможны. Независимый дух в русском православии не выветривается – но проявляет себя отныне во внешних, демонстративных формах – веригах, железных колпаках... В том русском юродстве, которое расцветает в шестнадцатом – восемнадцатом веках, от Василия Блаженного до Ксении Петербургской. И, закономерно, с возрождением в начале девятнадцатого века старчества, юродство постепенно угасает (чтобы снова воскреснуть на гребне сталинских гонений, просияв именем Матроны Московской)...

Но вернемся в Оптину пустынь, вместе с возвратившимся туда в 1829 году старцем Леонидом.

Оптина встретила своего прежнего насельника на первых порах приветливо. Игумен Моисей передал старцу все духовное руководство братией. Так же поступил и скитоначальник Антоний, – ничего в скиту Оптиной, где поселился инок Леонид, не совершалось без его благословения.

Вскоре, однако, стали собираться тучи. Как и в Белобережской пустыни, введение афонских правил в Оптиной вызвало ропот и противление. Восстал некий инок Вассиан, почитаемый братией как строгий постник и умерщвлятель плоти. У Достоевского этот тип монаха изображен в образе Ферапонта – «великого постника и молчальника», врага старца Зосимы.

– Сатана, изыди, сатана, изыди! – повторял он с каждым крестом. – Извергая извергну! – возопил он опять. Был он в своей грубой рясе, подпоясанный вервием. Из-под посконной рубахи выглядывала обнаженная грудь его, обросшая седыми волосами. Ноги же совсем были босы. Как только стал он махать руками, стали сотрясаться и звенеть жестокие вериги, которые носил он под рясой («Братья Карамазовы»).

Но Ферапонт, при всей своей зловещести, хотя бы не писал кляуз – чего нельзя сказать о его реальных прототипах. На отца Леонида потекли ручьем доносы.

Первое время игумен мог защищать старца, но с каждой новой кляузой достигалось это все труднее. Стояла эпоха царя Николая Павловича, с ее казенным холодом, показным благочестием и мелочной подозрительностью. Особенно

смущались местные власти тем потоком людским, который шел и шел к отцу Леониду, к тому времени уже постриженного в схиму под именем Льва.

Непорядок! Почто приходят? Почто собираются? Для чего такие собрания? А вдруг там что злоумышляется противу властей?

Стали в монастырь наезжать следователи... Изъявил свое неудовольствие и епархиальный архиерей, епископ Николай (Соколов): вызвал к себе для объяснений игумена Моисея... Был владыка Николай человек незлобный и простой, добрый строитель, много делал для обустройства вверенной ему епархии. Однако в деле отца Льва взял сторону его противников: не поверил в искренность его подвигов, видя в них соблазн и прелесть. Поверил чернилам и бумаге; посетить же Оптину не удосужился – поважнее дела были. После кончины старца Льва, по исконному российскому обычаю, мнение свое о нем переменял: самолично прибыл в Оптину и отслужил панихиду на могиле старца.

Но все это было уже после. А покуда архиерей, раздосадованный монастырскими нестроениями, строжайше повелел старцу Льву переселиться из скита в обитель и прекратить принимать посетителей. В противном случае грозил выслать «под начала», на Соловки, место суровое.

Старец принял переселение в обитель с полным благодушием, но принимать народ не перестал: «Хоть в Сибирь пошлите, хоть костер разведите, хоть на огонь меня поставьте, я буду все тот же Леонид! Я к себе никого не зову: кто ко мне приходит, тех гнать от себя не могу».

Туго пришлось бы старцу, если бы не заступничество митрополита Филарета Московского (Дроздова), помнившего его еще насельником Белобережской пустыни. «Ересь предполагать в отце Льве нет причины», – отписал митрополит епископу Николаю.

От старца отступили, но – ненадолго. Вскоре было воздвигнуто новое гонение, уже не на самого старца, а на его духовных дочерей, монашествовавших в женских обителях. Отца Льва при этом называли масоном, а те книги, которые он давал своим дочерям – творения аввы Дорофея и другие, – чернокнижием. Монахини были изгнаны и оправданы лишь перед самой кончиной старца, последовавшей 11 октября 1841 года...

От старца Льва повелась в Оптиной та школа старчества, которая просуществовала до самого закрытия монастыря в 1924 году. Ученик преподобного Льва старец Макарий (Иванов, 1788–1860) продолжил дело своего наставника. При старце Макарии в Оптиной было начато издательское дело. «...В короткий срок в читательский обиход был введен ряд образцовых книг для духовного чтения и размышлений. Духовный спрос на эти книги уже существовал...» (прот. Георгий Флоровский).

Последователем отца Макария был отец Амвросий (Гренков, 1812–1891), – с его письма о загадочной смерти купчихи мы и начали. Годы его старчества – высший расцвет Оптиной, ее пронизанное духовным солнцем время. Кончилась пора недоверия и притеснений, слава об оптинских старцах раскатилась по всей России. В Оптину хлынул людской поток. Мещанка Авдотья из Воронежа и богач-чаеоторговец Перлов, помещица Ключарева и философ Константин Леонтьев...

Кто только не перебивал в Оптиной у старца Амвросия, принимавшего по тридцать-сорок посетителей в день. Не случайно Амвросий стал главным прототипом старца Зосимы и черты оптинского святого просвечивают сквозь густой слог романа.

Он... до того много принял в душу свою откровений, сокрушений, сознаний, что под конец приобрел прозорливость уже столь тонкую, что с первого взгляда на лицо незнакомого, приходившего к нему, мог угадывать: с чем тот пришел, чего тому нужно, и даже какого рода мучение терзает его совесть («Братья Карамазовы»).

Последним в ряду великих оптинских старцев – а тут упомянуты далеко не все – был иеромонах Нектарий (Тихонов, 1853–1923). Ему довелось пережить и закрытие монастыря, и арест. Одним из учеников его был выдающийся ташкентский исповедник, архимандрит Борис (Холчев, 1895–1971). Именно по благословению старца Нектария будущий архимандрит отказался в 1927 году от защиты кандидатской диссертации и полностью посвятил себя Церкви. С отцом Борисом, служившим в Ташкентской епархии с середины 1940-х до конца своих дней, свет Оптиной пустыни достиг и Средней Азии...

От ограды скита ничего не осталось... Но линию этой ограды легко проследить по стоявшим у стен домикам «старцев». Здесь в скиту с каким-то недоумением думаешь о людях, которые не могли примириться с миром зла и стяжательства, скрылись от него в этих стенах и забыли о его существовании. Но мир от этого не перестал существовать, и разразившаяся наконец буря захлестнула крошечный мирок скита. А когда волны схлынули, здесь не осталось ничего, кроме остова построек.

Так в 1968 году писал, не без грусти, в книге-путеводителе «По Калужской земле» Е.В. Николаев (отсюда и взятое, по советской редакторской традиции, в кавычки слово «старцы»). От некогда процветавшей обители и ухоженного скита, с его кельями, цветочными полями и церковью Иоанна Предтечи, остались одни погорелые и загаженные руины... Точно кто-то отмотал историю назад, ко временам, когда орды Батыя жгли Козельск, а в местных лесах лютовала шайка еще не показавшегося разбойника Опы.

В 1988 году Оптина пустынь была возвращена Церкви. В 1990-м – скит. Началось восстановление.

Купчиха отходила светло.

Нет, не та, о которой шла речь в начале, а вдова чаеоторговца Перлова, одного из попечителей Оптиной пустыни. Было это уже в Париже, в эмиграции.

Перед смертью, как сообщал очевидец, было ей видение. «Старушка Перлова... в течение получаса разговаривала с оптинскими старцами, называя их поименно. Дети думали, что она бредит, и всячески лаской старались успокоить ее, а она, переводя на них совершенно ясный взгляд, говорила: “Ну как вы не понимаете, как там хорошо...”».

Новостные страницы *иеродиакона Михаила (СТОЛЯРОВА)*

Выставка «Радость Слова», фестиваль колокольного звона и 25-летие Свято-Владимирского храма

Обзор начнем с самого, пожалуй, яркого события, – торжественного празднования 145-летия образования Ташкентской и Туркестанской епархии.

10–15 ноября 2016 года в Ташкенте прошла II Международная православная книжная выставка-форум «Радость Слова». Накануне торжественного открытия выставки в Свято-Успенский кафедральный собор был доставлен ковчег с частицей мощей святого великомученика и целителя Пантелеимона.

10 ноября в епархиальном духовно-административном центре в рамках выставки-форума были подведены итоги епархиального этапа Конкурса детского творчества в области изобразительного искусства «Красота Божьего мира». Было отобрано 15 работ, которые затем были отправлены в Москву для участия во втором, заключительном этапе Конкурса.

11 ноября в конференц-зале Ташкентской и Узбекистанской епархии прошла творческая встреча с писателем, духовником Московской епархии, настоятелем Покровского храма села Акулово Одинцовского района Московской области протоиереем Валерианом Кречетовым. Во второй половине дня здесь же, в конференц-зале, прошел мастер-класс фотографа и куратора фотовыставок Вячеслава Лагуткина (Россия) на тему «Фотография в Церкви».

12 ноября на соборной площади Свято-Успенского кафедрального собора состоялся Первый международный фестиваль колокольного звона «Колокольный звон – музыка Небес» с участием звонарей из Минска, Москвы, Санкт-Петербурга и Ташкента.

13 ноября в конференц-зале епархиального Духовно-административного центра прошла встреча митрополита Калужского и Боровского Климента, председателя Издательского совета Русской Православной Церкви, со студентами Ташкентской Духовной семинарии и прихожанами кафедрального собора.

14 ноября в ташкентском Русском драматическом театре состоялся гала-концерт в честь 145-летия Ташкентской епархии и 5-летия образования Среднеазиатского митрополичьего округа.

15 ноября в малом конференц-зале Духовно-административного центра Ташкентской и Узбекистанской епархии прошел круглый стол «Обзор перспективных

медиапроектов, направленных на развитие интереса к литературе и чтению».

Финальным аккордом в череде торжественных мероприятий стал творческий вечер иеромонаха Фотия (Мочалова), победителя четвертого сезона телевизионного проекта «Голос» на Первом телеканале (Россия).

Второе полугодие 2016 года в епархии было ознаменовано еще одной юбилейной датой – 25-летьем со дня совершения в храме святого равноапостольного великого князя Владимира первой Божественной литургии*. Этот храм расположен на городском кладбище на Домбрабаде. С момента закладки первого камня в основание храма до сегодняшнего дня настоятелем прихода является митрофорный протоиерей Игорь Балухатин. 30 октября 2016 года за Божественной литургией митрополит Ташкентский и Узбекистанский Викентий наградил отца Игоря за понесенные труды орденом святителя Луки, а также юбилейным крестом. Владыка Викентий также наградил наперсным крестом за пастырские труды клирика храма иерея Кирилла Пачина.

В этот же день за Литургией архипастырь рукоположил студентов Ташкентской Духовной семинарии Тимофея Балухатина в сан диакона, а иеродиакона Модеста (Бузина) – в сан иеромонаха.

28 августа 2016 года в конференц-зале Духовно-административного центра прошел Первый фестиваль церковно-певческих коллективов. В фестивале приняли участие архиерейский хор Свято-Успенского кафедрального собора, малый хор Свято-Успенского кафедрального собора, хор молодежного отдела при соборе, камерный хор «Светилен», а также хоры церковно-певческого отделения «Славнички», «Колокольчики» и «Звонница». В исполнении хоров прозвучали песнопения, посвященные Пресвятой Богородице.

20 сентября 2016 года в епархиальном конференц-зале прошла конференция «1000-летие присутствия русских иноков на Святой горе Афон», организованная совместно с Представительством Россотрудничества в Узбекистане. На конференции состоялся показ нового документального фильма «Русская лампада на Афоне», снятого сотрудниками Института Русского Афона совместно с братией афонского Русского Пантелеимонова монастыря. В фильме отражена вся 1000-летняя история русского святогорского монашества на Афоне, обителей Ксилургу, Старого (Нагорного) и Нового (Прибрежного) Русика, от основания во времена святого равноапостольного князя Владимира Киевского и преподобного Антония Печерского до сегодняшнего дня.

Конец года для большинства верующих Ташкентской епархии омрачился печальным известием: 24 декабря на 82 году жизни отошел ко Господу один из старейших священнослужителей епархии – протоиерей Димитрий Козулин, настоятель самаркандского храма святого великомученика Георгия Победоносца. Отец Димитрий был настоящим пастырем словесных овец; благодаря его непоколебимой вере и самоотверженным пастырским трудам множество людей пришли к Богу, прошли путь воцерковления и ныне являются верными чадами Православной Церкви. Светлая Вам память, отец Димитрий, и Царства Вам Небесного!

* См. об этом храме: Ташкентский Свято-Владимирский храм. Материал подготовлен при участии И. Сержановой и игумена Григория (Палехова) // ВС. 2012. № 2 (26). С. 26–30.

Архимандрит Иринарх (ШЕМАНОВСКИЙ)

Дневник о разгроме Иссык-Кульского монастыря

*Публикация Екатерины Озмитель**

26-го августа [1916 года]

Сегодня село Преображенское соединено телеграфом и с гор[одом] Пржевальском. Восстановление телеграфа, если он только не будет вновь поврежден киргизами, для нас большое благополучие, так как до сих пор все донесения и обращения в город делались с нарочными, вследствие чего сильно тормозилась переписка.

Начальник уезда отказал коменданту Перемитину в добавлении военной силы, ослабленной выбытием из села казаков Николаевской станицы, и вместе с тем известил о <...> нашествии на наше село, будто предполагаемом мятежниками к осуществлению на 28 августа. Как подтверждение этих сведений, прибывший из Сазановки беженец-крестьянин передал, что видел между Григорьевским и Сазановским селами бесконечное число киргиз; будто некоторые из них поклялись спалить Преображенское. Значит, снова надо готовиться к неожиданным сюрпризам.

Возвратилась часть монахов, вчера оставшихся в монастыре. Некоторые из них остались еще на ночь для печения хлебов. Как бы с этой выпечки, без которой в Преображенском мы могли обойтись, не произошло несчастья. Если киргизы действительно двигаются к Преображенскому, то монастырь будет [им] по пути. В монастыре остались: иеромонах Геннадий, иеродиакон Порфирий и монах Валентин.

Мне передал сегодня комендант Перемитин о судьбе моего предложения от 22 августа по вопросу перемещения части беженцев в монастырь. Начальник уезда, словесно, через учителя Шахворостова, нашего председателя Продовольственного комитета, мое предложение признал не заслуживающим удовлетворения. Ну что же, пусть будет и так. В своем предложении я высказал только то, к чему призвал меня голос совести и честь русского человека.

* Окончание. Начало в ВС №№ 1-2 (XL), 3 (XLI), 2016.

27-го августа

Обеспокоенный вчерашними вестями о предполагаемом нападении киргиз на Преображенское и принимая в соображение неприбытие монахов, оставшихся в монастыре по утро сегодняшнего дня, решил послать кого-либо за ними. Ведь они, ничего не зная о движении на Преображенское киргиз, могут и не торопиться выездом, на свою погибель.

Ехать в монастырь вызвались о. Феогност с монахом Саватием и послушник М[ихаил] Гузев. С ними вместе, но в отдельной лодке выехал на свой хутор В.П. Колотилин. У него на хуторе был караул, и его, в видах осторожности, потребно было снять. Несколько часов спустя В.П. Колотилин вернулся и передал страшную весть об атаке монастыря киргизами. О. Феогност со своими спутниками решил выждать на озере и затем сделать попытку проникновения в монастырь.

Можно представить, как все-таки были огорчены мы этим сообщением. Ведь мы уже потеряли 7 человек убитыми и 2-х тяжело ранеными. А тут, может быть, новые жертвы.

К счастью, все обошлось благополучно. С о. Феогностом вернулись оставшиеся в монастыре совершенно здоровыми. В монастырь, действительно, проникло было несколько киргиз, но они так же напугались присутствием здесь русских, как сами монахи появлением киргиз.

В [связи] со слухами о движении на Преображенское село мятежных банд, комендантом сегодня запрещен выезд для поливных работ.

Приблизительно с половины дня со стороны Алексеевского села, в 25 верстах от нас, показались громадные облака пыли. Это, очевидно, двигались киргизы. Началась подготовительная к бою суета.

В стратегических соображениях по приказанию коменданта был уничтожен сад крестьянина Усенкова, к безграничному его огорчению. На выездных дорогах закопошились крестьяне, наблюдая за передвижением по степи наших разведочных отрядов.

Между крестьянами все об одном и том же толк. О безумно громадном количестве киргиз, их изумительной стойкости, высоком военном духе, храбрости и удали. Неприятно было слушать болтовню эту. Крестьяне от страха предстоящей битвы, очевидно, успели позабыть, как от горсти защитников родного села, с несколькими ружьями старых образцов и в большинстве с пустыми руками, бежали толпой мятежные орды, делавшие попытку взять Преображенское в первые дни бунта. Делая оценку доблести русского казака и солдата, они с удивительным нахальством уменьшали силу и отвагу воинов, крошечному отряду которых уже дважды обязаны были своим спасением.

Кем-то распространен был слух о движении к нам из Верного больших военных сил. Это известие влило дух бодрости в скверное настроение этих болтунов. Как это кстати. Ведь бабы гораздо их спокойнее и рассудительнее теперь. Право, становится обидно за преображенских крестьян. Нет киргиз – в селе только и слышишь о покражах, иногда самых дерзких. Приближаются киргизы – начинаются страхи за шкуру, как у последних трусов.

Из Пржевальска получена телеграмма о посылке в помощь Преображенскому

селу 60 казаков. Вместе с приближением киргиз переполох в селе стал расти. Обитатели окраинных домов начали выбираться со скарбом в центр селения, к церкви, как более безопасному месту. Наша конница двинулась за село навстречу врагу. Мы слушали ружейные залпы наших и обратили внимание на то, что направление пыли свернуло с трактовой дороги в сторону к горам. Киргизы от боя уклоняются. Значит, опасность миновала почти, а селу не предстоят сегодня испытания нападения на него, так как мятежники ночью не наступают.

Каркавшие о предстоящей гибели своей, преображенские крестьяне уже с шапками набекрень задорно стали говорить о необходимости преследования киргиз по пятам. Но военные власти порешили иначе, отложив преследование врага до утра следующего дня. Киргизам был потребен после целодневного пути отдых, и уйти далеко со скарбом и со скотом они не могут. По направлению их движения к Текесу¹ можно было предположить, что целью своего прихода они имеют китайскую границу. Что могло понудить киргиз к тому? Ведь они имели в виду овладеть всем Пржевальским уездом. Потеряли надежду на успех намерений или убоялись приближения русских войск? Всего вероятнее последнее. Ведь уйти за границу они еще вполне могли успеть и после. У киргиз же, как известно уже, блистательно поставлена разведочная часть. Не получили ли они сведения о движении русских сил из Верного или Ташкента?

Вечером мы были свидетелями [совершенных] проходящими в горы киргизами грандиозных поджогов уцелевших пока и покинутых владельцами хуторов, раскинутых по степи стогов сена и сложенного в скирды хлеба. На 10 верст <...> появились факелы пожаров. Была удивительно красивая картина, но сердце сжималось от боли, так как выгорали русские дома и тлели те хлебные запасы и сена, которыми должны были питаться зимою и люди и скот.

Огни, показавшиеся в направлении монастыря, давали серьезные опасения предполагать, что пожарища захватили и наши строения и церкви. И только на следующий день мы успокоились, узнав, что горькая чаша пожара монастырь миновала. Киргизы выжгли все русские строения, кроме монастырских. Это, быть может, потому, что монастырь находится в 2-х верстах расстояния от почтовой дороги и мятежники, торопясь уйти, держались ближе к горам, тогда как монастырь расположен в приозерной стороне.

Позднее вечером в Преображенское прибыла обещанная из Пржевальска военная подмога силой в 60 казаков под командою хорунжего фон-Берга.

28-го августа

Хорунжим фон-Бергом и комендантом Перемитиным было решено загнать мятежников в два расположенные недалеко от Преображенского горные ущелья, между собою соединяющиеся <...>. Для достижения этой цели они разделились на два отряда. Фон-Берг свою задачу выполнил, а Перемитин сделать возложенного на него поручения не сумел и оказался в хвосте отряда чужого. Вследствие этого разгром [восставших] киргиз не мог быть полным <...>. Как выяснилось после, киргизы шли к Преображенскому без цели атаковать его, а тем более осады. Они имели

[целью] со своим скотом и имуществом и семьями пробраться скорым маршем на Текес, будто узнав о движении русских со стороны Боамского ущелья².

Так или иначе, но киргизам порядочно досталось в бою, и, говорят, немало помешали их большому разгрому дружинники из преображенских крестьян. Казаки отрядов Фон-Берга, разделившись на отдельные команды и поручив дружинникам защиту одного пункта, пошли в обход киргизской силы. Дружинники, не выдержав натиска врагов и бросив свои деревянные пушки <...> бежали. Если бы не подоспевшие на выручку казаки, говорят, из них мало кто остался бы живым. Из преображенских дружинников в этой переделке был один убит и один ранен.

Однако натиск казаков был так решителен и силен, что мятежники, побросав свои семьи, пожитки и скот, бросились в неудержимое бегство.

Дружинники занялись грабежом киргизского обоза, а казаки продолжали преследование неприятеля по пятам. Потери русского воинства были ничтожны. Пропали без вести два казак и убит солдат. Отбитый у киргиз скот был исключительно рогатым. Помимо 30.000 (приблизительно) баранов было несколько десятков тысяч крупного рогатого скота. Почти с полудня до позднего вечера проходил этот скот большими и малыми стадами по улицам Преображенского по пути в Пржевальск, куда его погнали. К сожалению, вследствие отсутствия разумной распорядительности местных властей, он, охраняемый малым количеством солдат, легко отставал и разбредался по разным местам.

Несмотря на сравнительно достаточные в Преображенском запасы боевых припасов, их к вечеру этого дня уже стало не хватать. Пришлось вытребовать их из Пржевальска, откуда послан был еще новый отряд солдатиков в числе 60 душ. Но эти солдатики, как и казаки Николаевской станицы, прибыли уже к окончанию разгрома киргиз.

Вырученные сегодня из плена у киргиз крестьяне передали, что [те] скопом откочевали из-под поселка Рыбачье³ и что теперь горы северного побережья Иссык-Кульского озера можно считать очищенными от мятежников. Всех пленников киргизы принуждали к принятию ислама, и горе тому было, кто отказывал им в согласии на это. Такие бесцеремонно умерщвлялись. С бóльшим покровительством мятежники относились к женскому полу, который поступал в жены к «победителям». Женщины сказывали, что насколько киргизы относились к ним внимательно, настолько киргизки над ними издевались, заставляя их выполнять черные работы. В киргизских семьях русская крестьянка была последней женой. Особенно тяжело приходилось пленникам, попавшим к бывшим своим рабочим. Насколько тяжел был этот плен, видно из того, что даже теперь, девять месяцев спустя, воспоминания о плене вызывают у русских такое негодование <...> и такую ненависть, что становится жутко...

29-го августа

Сегодня с раннего утра спускался с гор киргизский приبلудившийся скот. Как и вчера, село оглашалось блеянием баранов и мычанием коров. Крестьяне с противной, отражавшейся на лицах, жадностью захватывали баранов, кто сколько хотел

и мог. Хорунжий Фон-Берг разрешил казначею монастыря собирать в отбитом сегодня у киргиз скоте принадлежавших монастырю коров, которые у нас обыкновенно метились особыми <...> металлическими марками, приделывавшимися к ушам скотины. Казначеем было собрано до 10 монастырских коров и быков. Однако собранный скот недолго пробыл у нас. Монастырские лошади и рогатый скот считались лучшими в Пржевальском уезде, и на обзаведение хозяйства нашим скотом охотников было много. Теперь же не стеснялись люди присвоения чужой собственности, и неделю спустя мы лишились этого маленького своего достояния.

Крестьяне, захватывая баранов, не забывали в то же время и горы, где напуганные русскими отрядами киргизы, поспешно убегая, оставляли свои пожитки. Крестьяне, имевшие лошадей, уже сегодня стали выезжать туда за добычей. И возвращались домой на перегруженных киргизским имуществом лошадях. Мне казалось, что войлок и киргизские ковры собираются русскими на собственную погибель. Весной среди киргиз свирепствовала эпидемия сыпного тифа. Не было сомнения, что киргизскими кошмами <...> для домашнего обихода они попривезли уже и заразу. Не желая уступать мужьям, к горам за киргизскими пожитками стали выезжать и бабы. Четырем из них за смелость пришлось поплатиться. Они были захвачены мятежниками в плен.

По словам доктора Степанова, первое донесение о положении дел в уезде начальником уезда было послано лишь 21-го августа. Поздно же схватился наш помпадур⁴!

Пропавшие вчера без вести двое казаков сегодня не вернулись. Вероятно, отбившись от своих, погибли от вражеской руки. Впоследствии времени отысканные, они были страшно обезображены. <...> Очевидно, предавали их медленным мукам: у них оказались отрезанными уши, вырванными языки, отрубленными на руках и ногах пальцы, повыколоты глаза и [нанесены] копьевые раны в грудь и спину. Предание мятежниками <...> русских мучениям практиковалось широко. Они, как уже упомянуто выше, оскопляли и оставляли умирать недобитых. [В селе]нии Курском /Сарай⁵/ привязывали живых мужчин к лошадиным хвостам и гнали животных вскачь. Женщинам обрезали груди, и одной врезали в грудь 4-х вершковый деревянный крест.

<...> Ожесточение русских против киргизского населения не окончилось и поныне /апрель 1917 г./, и, разумеется, надо принять все меры к успокоению русского люда в Пржевальском уезде, так как прошлого не вернуть, а жить с киргизами в добрососедских отношениях необходимо. Киргизы и так уже отомщены теми бедствиями, которые в зиму 1916–1917 года сыпались на них, как из рога изобилия.

30-го августа

В ночь на сегодняшнее число, как и во вчерашнюю ночь, киргизы вновь отбили много попавшего в наши руки скота. Значит, они, хотя, быть может, небольшими партиями, еще держатся в прилегающих к Преображенскому селу горах, умело укрываясь от зоркого глаза казака. Зато разведка в направлении к Сазановке продолжает подтверждать полное отсутствие мятежников на запад от нас.

Как вчера, так и сегодня, крестьяне продолжали вылавливать для себя баранов, беспризорно шатающихся в окрестностях селения. Говорят, что в силу особо последовавшего распоряжения генерала-губернатора края весь отбитый у киргиз скот считается принадлежностью казны. Почему же начальник уезда, приказавший не отправлять в город скот, не распорядился об окарауливании его? Ведь это легко можно сделать. <...>

Как мне известно, Фон-Берг уведомил об отбитии им у киргиз миллиона голов всяких пород скота. Впоследствии же времени, когда хватились, его оказалось что-то около 40 000, действительно захваченных казаками баранов, коров с быками. Нужно было сразу же по прибытии скота выделить для него из крестьянских обществ пастухов и, расчленив скот на отдельные стада, окарауливать его от раскражи, поставив в обязанность ночному военному караулу оказывать пастухам всякую помощь и поддержку в охране этого общественного достояния. Ведь если не для армии, то здесь же на месте он пригодился бы. Ведь хлеба убраны меньше чем наполовину и затаптываются этим скотом, бродящим где придется. В воздухе чувствуется призрак голода, и если отсутствие распорядительности полковника Иванова не прекратится, Бог знает, что ждет крестьянина к весне. Не надо нам забывать, что уезд еще должен будет пополниться приезжим людом, войском для охраны населения, и в хлебе нуждаться будут киргизы, которые, смирясь, останутся с нами жить. Пока они бегут, следовательно, мало помышляют об обеспечении себя продовольствием. Их, голодных, мы должны будем прокармливать.

К счастью для уезда, делом уборки хлебных злаков занялся переселенческий чиновник П.И. Шебанин, заботы которого русским людом не забудутся. К монахам то и дело приходят толпы беженцев, прося кусок хлеба. Это уже теперь, в первые дни постановления, преображенский крестьянин должен содержать беженцев. Сегодня нежданно-негаданно явился считавшийся убитым в бою 28 августа солдат. Он спасся, спрятавшись под убитой лошадей, и рыскавшие вблизи и около него киргизы не обнаружили его присутствия здесь. <...>

Сегодня прибыли в Преображенское трое челаказаков⁶, командированные из Верного, как они утверждали, военным губернатором с каким-то пакетом на имя начальника уезда. По их словам, захваченные мятежниками под Сазановкой в плен, они успели скрыть пакет, зарыв его в землю. При них оказалось распоряжение верненского полицмейстера с приказом оказывать должное содействие в выполнении возложенного на них дела. Это распоряжение оказалось с датой 17 июля, а они, как сами показывают, выехали из Верного не раньше 10-15 августа. Как подозреваемых в сообщении неточных сведений, их, по приказанию коменданта Перемитина, заключили под стражу, а на следующий день казнили. Говорят, что челаказаки появлялись за день до осады Фольбаумовки и в этом селе, но, немного повертевшись в нем, неизвестно куда скрылись. Утверждают, что приезжали челаказаки и в Пржевальск, где, доставив начальнику уезда какие-то бумаги, были им отпущены восвояси с миром. Что за таинственность?

Доктор Степанов сообщил мне, что сегодня им обнаружено было среди преображенских крестьян несколько случаев сыпного тифа и желудочных заболеваний. По поводу появления желудочных заболеваний я высказал доктору предположе-

ние, что они могут быть от двух причин – от обжорства бараниной, запахом которой проникся в селе даже самый воздух, и потому что по сию пору за селом, на скотном выгоне, валяются неубранные трупы убитых <...>. Об этом я говорил коменданту Перемитину еще 21 августа, но он не принял мер к уборке. Эти разлагающиеся трупы осаждаются массой мух. Появление в селе нового скота, отправляемого с деревенскими мальчуганами сюда для пастьбы на день и возвращаемого к вечеру домой, стало заносить в село со скотом и мух, зараженных трупным ядом. <...> Относительно появления сыпного тифа и говорить много не приходится: от войлочных киргизских изделий, еще весною зараженных этой болезнью. Напрасно преображенские крестьяне украшают полы своих домов этим киргизским добром. Напрасно ездят за ним в горы, рискуя погибнуть от киргизской пули или от сыпного тифа...

Отец иеродиакон Леонид передал мне, что при посещении 25 августа монастырской пасеки он застал на ней несколько преображенских крестьян, которые успели разорить до 17 ульев и пожирали мед. Преображенский крестьянин Тюрин, проезжая мимо своей маленькой пасеки с конным отрядом <...> дружинников, заметил в своем владении нескольких русских. Заинтересовавшись, он заехал туда с товарищами и опознал в посетителях сазановцев. Забравшись сюда и застав здесь жену Тюрина, сазановцы потребовали от нее меду. Она пыталась было уговаривать их не трогать ее маленького хозяйства, но один из воров, обнажив саблю, перерубив молоденькую яблоньку, предупредил, что с нею то же сделает, если она сейчас же не откроет улья для их угощения. Тюрин и его товарищи, узнав об этом, отхлестали воров плетьюми, так что они еле живые добрались до дому.

Крестьянин П. Дураков заявил сегодня коменданту, что преображенские крестьяне, пользуясь отдаленностью его заимки, находящейся вблизи монастыря, вырубili насаженный и взлелеянный фруктовый сад. Что же такое творится? Киргизы разорили русских, а русские доканчивают эти разорения, обворовывая и грабя друг друга.

31-го августа

Вернувшись сегодня из Пржевальска, учитель Шахворостов передал, что начальник уезда считает теперь возможным начать обратно выселение крестьян Каменки, Сазановки и Григорьевки на пепелища их селений, а в монастырь – фольбаумовцев и алексеевцев, с дачей надлежащей охраны.

Конечно, это хорошо, но беда в том, что привыкший расточать на все стороны обещания, он дальше слов обыкновенно не идет. Как бы и это принципиальное решение не осталось одними словами.

Комендант Перемитин поведал мне, что задерживаемые во время боя 28 августа киргизы на предлагаемые им вопросы о фамилиях главных виновников мятежа решительно уклонялись от ответов, причем старики говорили: «Мы ничего не знаем, спрашивай молодых»; киргизская молодежь, пытаясь изобразить на себе крестное знамение, упорно заявляла [готовность] принять христианство, а киргизки на те же вопросы предлагали себя в жены и просили окрестить. Об этом же мне передавали и другие. С такими просьбами киргизы обращались и ко мне, когда по

окончании бунта, все еще преследуемые русскими крестьянами, они попадали под защиту монахов. Даруя жизнь русским пленникам при условии обещания принятия магометанства, киргизы думали, что измена вере спасет и их в руках крестьянина.

Отсюда видно, как высоко в сознании киргиза значение веры и как ошибочно считали некоторые киргиз безразличными в делах религии. Хорошо, что в Иссык-Кульском монастыре за время его существования не занимались евангелизацией туземцев при посредстве открытой проповеди. В своих официальных отчетах о монастыре как миссионерском учреждении я настойчиво твердил, что среди киргиз нужна проповедь не словом, а самым делом монашествующих. В отчете за 1915 год, говоря об этом, я писал: «Самая жизнь монахов в отношении язычников-туземцев должна быть проповедью: первое всегда необходимей, потому что проповедь без молитвенной настроенности и по Бозе горения сердца не может быть плодоносной. От избытка сердца, по Писанию, и уста глаголют⁷. И потому, во-вторых, что слушатели проповедника веры всегда, везде и всюду следят за ним, уделяя немалое внимание даже его домашней частной жизни». «Покажи им веру от дел своих»⁸. Открытая проповедь Слова Божьего могла только пробуждать в киргизах дремавшее чувство к родной им вере, будоражить его и вызывать нежелательные эксцессы.

1-го сентября

Утром из Пржевальска прибыл корнет Покровский. Он прибыл с полномочиями от начальника уезда. Полковник Иванов будто бы назначил его «комендантом всего северного побережья Иссык-Куля». Таким образом, преображенский комендант Перемитин попал в некоторую зависимость от помянутого корнета. Это хорошо. Молодой Перемитин удивительно бездеятелен, и его теплохладность ко всему кругом происходящему горько отражается на нуждающемся в твердом руководстве крестьянстве. Корнет же Покровский, хотя тоже молод, но энергичен. Свою энергию он немедля же проявил в деле попытки налаживания хромавшего у нас продовольственного дела. Он созвал «совет» для обсуждения по этому вопросу мероприятий. Вот некоторые из постановлений этого совета:

§ 1. Сёла Преображенское и Григорьевское должны быть соединены воедино и могут быть обеспечены хлебами села Преображенского и монастырского района.

§ 4. Сбор этих хлебов может быть совершен общими народными усилиями в двухнедельный срок.

§ 5. Реквизиция хлеба у частных лиц должна быть произведена на следующих основаниях: хлебные запасы не подлежат реквизиции у частных лиц при наличности зерна до 500 пудов. Со второй полутысячи хлеб реквизируется в объеме до 50%. Начиная с третьей полутысячи все хлебные запасы реквизируются полностью. Таким образом, в руках частного человека не может быть свыше 750 пудов зерна.

§ 7. Для обеспечения населения рабочим скотом в Преображенское должен быть возвращен отправленный хорунжим Фон-Бергом в Пржевальск скот.

§ 8. Настоятель монастыря не может отказаться от возмещения монастырю понесенных им от нашествия киргиз убытков скотом.

§ 10. По данным от 20 августа при монастырском районе предполагалась на-

личность около 25 000 пудов зерна. Вследствие изменившихся обстоятельств, произошедших от уборки хлебов и других причин, наличность хлебных запасов необходимо проверить.

§ 11. Выделить Алексеевское и Фольбаумовку* для жительства в монастыре с тем, чтобы уборка беженцами хлеба совершалась на своих полях <...>

§ 12. Необходим секвестр запасов казенного леса для беженцев для возведения построек.

§ 13. Предупреждение спекуляции хлебными запасами.

§ 15. Овощи монастыря должны быть собраны в складах последнего и идти на нужды населения. Излишками, по требованию, может пользоваться население края, по предварительном исключении из годового довольствия монахов, как не пользующихся мясом.

§ 18. Должна быть учинена перепись лошадей и рогатого скота для равномерного распределения его между крестьянами.

§ 20. Излишек скота должен быть реквизирован.

§ 21. Должно быть обращено внимание на потребность населения в чае, сахаре, спичках и табаке.

§ 22. После 9-ти часов вечера все обитатели села Преображенского должны быть по домам.

§ 23. Об установлении в селе временной полиции и проч.

2-го сентября

Сегодня мы вновь собирались и обсуждали под председательством корнета Покровского вчерашний продовольственный вопрос. Сазановский врач Степанов, судебный следователь Кулаков, я и многие другие телеграммой просили начальника уезда для пользы дела отстранить от должности коменданта Преображенского села хорунжего Перемитина. Хорунжий Перемитин – не администратор. Если он останется комендантом, то благодаря его бездеятельности возможны разные осложнения у крестьян. Начальник уезда поручил корнету Покровскому не выезжать из села Преображенского до устройства продовольственного дела.

Прибыл отряд полковника Бычкова с пулеметом и 400 солдат. Посланный из города Верного на защиту уезда, этот отряд пришел с опозданием потому, что имел проводниками в горах верненских киргиз⁹. Теперь известно, что эти считавшиеся смирными киргизы нарочно блудили в горах с отрядом, чтобы дать возможность своим бунтовавшим сородичам ускользнуть от русского штыка и пули. Однако это удалось лишь отчасти, так как при проходе киргиз вблизи Преображенского они были достаточно помяты наличным в Пржевальском уезде казацким отрядом 20 августа.

Через два часа по прибытии к нам Бычков отбыл с отрядом в Пржевальск, куда по телеграфу [его] затребовал полковник Иванов, сообщивший о движении киргиз к Пржевальску со стороны города Нарына¹⁰. По сообщению полковника Бычко-

* Имеются в виду крестьяне этих сел. (Прим. ВС.)

ва, волнения киргиз в других уездах Семиречья были более слабы по сравнению с тем, как пострадал наш уезд. У нас оказались совершенно разрушенными мятежниками <...> следующие селения: Столыпинское, Рыбачье, Курское /Сарай/, Долинка /Корай/, Сазановское, Каменка, Алексеевское /Уйतालское/, Фольбаумовское /Кутурга/¹¹, Соколовка, Лизогубовка, Чулок, Бощик, Джергес, Великое, Липинское, Богатырское, Иваницкое, Светлая Поляна, Покровское, Тарханы, Барскаун, Тайша¹², Тонь¹³, Березовские хутора около села Липинского. Масса заимок и, разумеется, все почтовые станции. Повреждены пожарами селения Григорьевское, Семеновское и Отрадное. И остались в неприкосновенности только города Пржевальск, Нарын, Атайка, Преображенское /Тюп/, Михайловское, Теплоключинское и Николаевская казачья станица.

Сегодня возникло дело о порче ружей казаками Николаевской станицы во временной мастерской в Преображенском, когда комендантом был атаман Бедарев. Составление протокольных вопросов по этому делу было поручено мне. Между тем я слышал, что весь сыр-бор загорелся из-за того, что произошли какие-то недоразумения на личной почве между хорунжим Перемитиным и атаманом Николаевской станицы Бедаревым.

По протокольным материалам обстоятельства дела таковы: какой-то никому неизвестный Преображенского села крестьянин принес в мастерскую, теперь обслуживаемую сазановскими крестьянами, несколько патронов с просьбой [о] разрядке их для выяснения причин их дурного действия. В разряженных патронах оказалось совсем мало пороха, несколько дробинок и подсолнечная шелуха. На вопрос, кто изготовлял патроны, неизвестный сказал, что они изготовлены были казаками Николаевской станицы. В этот же день в мастерскую приходил опять-таки никому не известный человек с ружьем и просил произвести осмотр его, так как оно дурно бьет. В разобранном ружье оказалась взамен какого-то винта деревянная шишка. На вопрос мастеров, кто поправлял ружье, неизвестный указал на казаков Николаевской станицы. Свидетелями по этому делу являлись 9 мастеров из сазановских крестьян, обслуживающих теперь мастерскую снарядов. Странно, что никому из этих 9 свидетелей не пришло на мысль установить личность приносивших порченые патроны и ружье. Тогда как они все поинтересовались узнать о том, кто приготавливал патроны и чинил ружье.

Сегодня вечером выбыл проездом через Преображенское из Пржевальска в город Верный с донесениями о положении дел в уезде прапорщик Головин, с конвоем из 30 казаков. Воспользовавшись случаем, я отправил на имя преосвященного Туркестанского¹⁴ краткое сообщение обо всем у нас происшедшем и просил разрешения прибыть в город Верный для подробного доклада. Однако моя эта просьба была владыкой отклонена.

3-го сентября

Корнет Покровский выехал в Пржевальск с донесением о положении дел в селении Преображенском. Крестьяне селений Сазановки и др., на сделанное им начальником уезда предложение вернуться на свои места, ответили благоразумным реше-

нием произвести предварительные разведки. Хорунжий Перемитин подал мне сегодня резолюцию начальника уезда, сделанную им на моем предложении о переселении части беженцев из селения Преображенского в монастырь: «см. 22 августа». Оказалось, что резолюция эта приложена еще 22 августа и гласит приблизительно так: если представляется возможным выделить 25 человек солдат, то немедленно выселить излишек населения в монастырь. Не понимаю, зачем Перемитин задерживал по этот день уведомлением меня об этом. По глупости или нарочно? Вернее по причине первой.

Получено уведомление, что вчерашний спешный выезд полковника Бычкова в город Пржевальск по требованию начальника уезда, сообщившего о движении киргиз к городу, был напрасен. Киргиз вовсе не было в Пржевальске и никто в городе нападения не ожидал.

Сегодня у нас в Преображенском был ложный переполох. Какой-то крестьянин, прискакав с поля верхом, передал, что появившиеся у гор киргизы увели нескольких русских <...> Спешно выбыли в указанном направлении казаки и, выяснив полное отсутствие здесь врага, отхлестали этого мужика нагайками за распространение ложных слухов.

Казаки мне рассказали сегодня, что киргизы <...> не только вымаливали пощады обещанием креститься, но объявляли себя братьями русских и проч.

4-го сентября

Сегодняшний день не дал ничего интересного. Говорят, что киргизы с восстанием в Пржевальском уезде поспешили. Они предполагали начать мятеж в тот день <...>¹⁵ призванные для несения работ в тылу нашей армии, со вступления в город Пржевальск, самый разгром уезда они имели [в виду начать] с его сердца – города. Однако, узнав от почтовых чиновников из киргиз об отправлении в уезд транспорта с ружьями, они, соблазнившись захватом их, ускорили свое выступление; разумеется, это к нашему благополучию. Призыв киргиз [на тыловые работы] все откладывался временем. Между тем дело шло к осени, когда оканчивается сенокос, уборка хлеба и начинает блекнуть всякого рода травная и кустарниковая зелень. Начнись бунт в это время, особенно по появлении первого снега – русским негде было бы укрываться от врага. Если <...> как говорят, погибло от 8 до 10 тысяч русского населения, – тогда он достиг бы более внушительной цифры. Если киргизам, собравшимся в Пржевальском уезде, удалось [бы] овладеть этим городом, то погибли бы за ним и оставшиеся <...> села. Ведь солдаты, как ни мала была их численность, но порох со свинцом получали, хоть и скупо, из Пржевальска.

5-го сентября

Разведка <...> дала благоприятные результаты для возвращения на свои места крестьян [селений] Сазановка, Каменка, Григорьевка и Семеновка, если будут даны охранные отряды солдат.

Сазановка и Каменка выжжены целиком, а Семеновка с Григорьевкой – частич-

но. На полях неубранные хлеба остались неповрежденными. С переездом домой крестьяне, охраняемые вооруженными солдатами, могли бы заняться уборкой хлеба. Желанию возвращения домой для крестьян-беженцев послужило причиной и то обстоятельство, что здесь развилось такое воровство, что нет возможности учесть его размеры, так они велики. На сегодняшнем совместном сходе всех крестьян-беженцев, проживавших в Преображенском, вынесено постановление наказывать плетью воров.

Около 5 пополудни в Преображенское прибыл «спасательный отряд», как назвал его командир полковник Андрей Иванович Гейциг. В составе этого отряда было 100 казаков, 4 роты пехоты, 50 конных дунган, 50 саперов, 50 пулеметчиков с 4 пулеметами и 50 артиллеристов с 4 пушками. По рассказам прибывших офицеров, токмакские дунганы во время бунта были заодно с русскими. Киргизы наступали на Токмак в несметном количестве и в начале боев шли на русских сплошными массами. Однако действия пулеметов и артиллерии научили их рассыпному строю. Ко времени выступления отряда полковника Гейцига из Токмака¹⁶ в Пржевальск там еще восстание ликвидировано не было. Киргизы по почтовому тракту от Токмака до Преображенского уничтожили не только почтовые станции, но и мосты. В Боомском ущелье восстановление моста через реку Чую заняло до полутора суток времени. При выстроенном вновь мосте оставлен наряд солдат из 18 человек. То же самое около моста в селе Григорьевское. По пути следования сюда отрядом был задержан только один киргиз. Отряд встретил русского человека только в селении Фольбаумовском. На 250-верстном расстоянии следования отряда была пустыня.

Крестьяне, которых впервые встретил отряд Гейцига в Пржевальском уезде, были в Фольбаумовском селе на двух подводах. Увидев по трактовой дороге огромную пыль от движения войска, они, заподозрив, что [это] движутся киргизы, бросились бежать.

Между тем <...> казаки погнались вдогонку за беглецами, к невообразимому испугу крестьян. Один солдатик из отряда Гейцига вздумал было заглянуть в Иссык-Кульский монастырь, приняв бывших там монахов в скуфейках за киргиз, он так же, как крестьяне [от] казаков, пустился в постыдное бегство, к удовольствию разобравших дело солдатиков.

Благодаря прибытию войск у всех было праздничное настроение. С их приходом кончались наши мытарства, вызванные полнейшей бездеятельностью «коменданта» Пржевальского уезда, полковника Иванова. Да и пора. Уже почти целый месяц мы жили одними нервами, не зная, чем кончится наше «сидение» взаперти под угрозами <...> атак и осады.

6-го сентября

Сегодня утром полковник А.И. Гейциг со спасательным отрядом отбыл в Пржевальск. Проводы отличались торжественностью. По совершении молебна на церковной площади, в присутствии всего воинства и крестьян, священник Юзефович обратился с прочувствованной речью к начальнику отряда полковнику Гейцигу, а

я произнес слово для солдат. Полковник Гейциг в своем обращении к крестьянам просил их не обижать тех киргиз, которые не принимали участия в мятеже, и предлагал им, ничего не боясь, теперь же приступить к полевым работам.

Для охраны северного побережья Иссык-Кульского озера им была оставлена рота «сибирцев» с прапорщиком Ив. Ив. Листковым во главе, с тем, чтобы эти солдаты были размещены так: в Преображенском селении – до 70 человек, в монастыре – 12, в Сазановке – 70, в Семеновке – 30 и остальные в селе Григорьевском.

7-го сентября

Еще с вечера вчерашнего дня крестьяне Сазановского селения и соседних с ним стали готовиться к возвращению домой. Сегодня же с раннего утра подводы переезжавших крестьян заполонили трактовую дорогу. Отбыли к местам назначения и солдаты, оставленные для охраны северных селений уезда. Получены сведения, что киргизы, укрепясь около села Покровского и особенно у селения Борскады¹⁷, занялись там уборкой русских посевов хлеба для своих потребностей. Посланные туда 60 казаков для разгона мятежников успеха не имели. Присоединившиеся к казакам солдаты также в количестве 60 душ дела не улучшили. Завтра в монастырь выезжают монашествующие.

8-го сентября

Монашествующие переселились в монастырь, а я с казначеем монастыря отбыл по монастырским делам в г. Пржевальск. В Пржевальске мы пробыли до утра 14 сентября. В городе полковника Иванова поносят за бездеятельность открыто. Говорят, что если бы не переселенческий чиновник П.И. Шебалин, взявший в свои руки продовольственное дело, то горожанам пришлось бы плохо. Но, слава Богу, кошмарные дни канули в вечность и жизнь начнет устраиваться вновь.

Правда, пережитое не скоро забудется. Богатый Пржевальский уезд разорен. От 8 до 10 000 жителей погибло. Крестьянские хозяйства поуничтожены. Русским придется на первых порах туга. Раны будут заживать долго. Но все-таки, они залекутся. Другое дело, что станет с киргизами, откочевавшими в Китай. Нет оснований думать, что им удастся там осесть. В Китае и так много народу, и свои с трудом кормятся. Вернее всего, мятежникам придется вернуться в Россию, в Пржевальский уезд, который они разорили на свое также горе. Как же они будут встречены русским крестьянством, так много от них потерпевшим? Простит ли им русский человек? Боюсь, что нет. Почти во всех русских семьях имеется убитый <...>. Есть семьи русских воинов, сражающихся с немцем, у которых погибли <...> родители, жены и дети. Что они скажут, вернувшись на побывку с войны? И действительно, время показало, что вопрос об умиротворении русских в отношении киргиз не так прост, как можно было предполагать. Бог знает, сколько еще потребно времени для его разрешения. Лучше будет, если в разрешении его примет участие Временное правительство путем посылки в Пржевальск своих представителей. Пока же возвращающимся из Китая в насиженные места в уезде киргизам потребна охрана войском, как требовалась она для русского люда в августе-декабре 1916 года.

14-го сентября

Я с казначеем вернулся сегодня в монастырь. Вечером этого дня прибыли к нам и у нас заночевали русские, выбывающие из уезда на 500 подводах. Здесь были и коренные пржевальцы и приезжие, которых застал в уезде мятеж. Пользуясь случаем, я вновь отправил епископу Туркестанскому просьбу о разрешении прибыть мне в г. Верный, по делам благочиния и монастыря. Владыко разрешил мне «отпуск» и предупредил, что сам выезжает по делам епархии в Петроград. Нуждаясь не в «отпуске», а в личном свидании с ним, я не нашел нужным ехать и остался в монастыре разделять с братией все невзгоды первых месяцев жизни в разоренной обители.

До 20 числа октября мы приводили в известность понесенные монастырем убытки, они, как было выяснено по монастырским описям, достигали 135690 рублей. В частности, было утрачено: 1/ Именными на монастырь билетами и деньгами – 544 руб. 75 коп. 2/ Церковной утварью – на 1256 руб. 20 коп. 3/ Рогатым скотом и лошадьми – на 87386 руб. 20 коп. 4/ имуществом экономии – на 7682 руб. 20 коп. 5/ Имуществом маслодельного завода на 1072 руб. 70 коп. 6/ Хлебными злаками – на 12368 руб. 7/ Пасечным имуществом – на 2031 руб. 90 коп. 8/ Имуществом канцелярии на 370 р. 95 коп. 9/ Монастырским келейным имуществом на 1015 р. 50 коп. 10/ Личным имуществом монахов на 4792 руб. 45 коп. и 11/ Уничтоженным пожаром на 2169 руб. 30 коп.

Кроме уцелевших зданий и кое-какой обитой войлоком церковной утвари и облачений, в монастыре ничего не осталось. Возвращенная нам церковная утварь оказалась поломанной, помятой и разрозненной. А церковное облачение поперделано в конские попоны, запачкано грязью и кровью.

Из настоящего дневника видно, что монастырь чутко реагировал на развивавшееся среди киргиз волнение и принимал все зависящие от него меры к возможному освещению его, пока не было поздно. Во время бунта монастырская братия заботилась и о сторонних, сохранив жизнь до 70 русским людям. Силой обстоятельств оказавшись в положении беженцев, монахи не только не были в тяготу другим, но и сами принимали активное участие в помощи ближним, не гнушаясь никакими работами на общественное благо и пользу. Независимо от этого, монастырь, озабоченный бедственным положением тысяч беженцев, отдавал все оставшееся в его распоряжении сохранное имущество на нужды обездоленной бедноты. И не виновата наша обитель, если бескорыстное предложение монахов бездейственной военной администрации в лице полковника Иванова не было использовано и то, что могло бы пойти на прокормление 1500 бедняков, оставшихся без куска хлеба, погнило на монастырских полях и огородах. В настоящее время Иссык-Кульский монастырь открыл двери и зовет русских сирот, потерявших во время мятежа родителей, обещая воспитать их и приучить к разумному труду на предстоящую жизнь.

Что же послужило доминирующей причиной мятежа, охватившего не только Семиречье, но и Туркестан? <...> Пржевальский уезд ведь считался самым «благополучным» в крае. Нигде туземцы не проявили такой «любви» к отечеству, как у

нас в Пржевальском уезде. И ни один начальник уезда нигде не награждался так щедро /ежегодным повышением в чинах и орденами/, как наш полковник Иванов за свои труды по «благоустроению» Иссык-Кульского края. Мои записки были бы неполны, если бы я не ответил на этот вопрос. Лучшим ответом может служить мое показание мировому судье четвертого участка Пржевальского уезда Округа Верненского Окружного суда С.М. Кулакову, данное 7 ноября 1916 года. Вот оно в подлиннике: «Ненормальность отношений киргиз к русскому населению стала обнаруживаться еще задолго до начала бунта. Я слышал в монастыре, не помню от кого, что уже в 1915 году киргизы иногда загадочно поговаривали, что занимаемые русскими земли в Пржевальском уезде будут принадлежать им. С начала 1916 года обычно обильный избыток киргизской рабочей силы стал уменьшаться. Киргизская беднота будто перестала нуждаться в заработке куска насущного хлеба, а 7 марта духовным советом монастыря в журнальном постановлении за № 13 была установлена крайняя затруднительность [поиска] киргизской рабочей силы для летних поливных и иных в монастыре работ, даже за значительно повышенную плату и выгодные условия найма для семейных киргиз, о чем и было доведено до сведения епархиального начальства, а в копии журнального постановления 8 марта за № 14 о том же было сообщено председателю Елизаветинского Пржевальского комитета по оказанию помощи семьям лиц, призванных на войну, начальнику Пржевальского уезда полковнику Иванову. Одновременно с этим киргизы стали обнаруживать довольно широкую свободу действий в отношении русской собственности. Так, например, один из киргиз поселился на монастырской земле и стал возводить на ней постройки, о чем было зарегистрировано в журнале духовного совета за № 25. Другие захватили участок земли для добычи извести, посылая на работу до 40 человек ежедневно. О чем отношением 19 января за № 18 был поставлен в известность начальник уезда, а 17 февраля об этом же было доведено до сведения епархиального начальства в журнальном постановлении за № 10. Монастырские пастухи-киргизы, обычно аккуратные, стали «терять» монастырский скот, и прочее. Не ограничиваясь захватами земли и присвоением монастырского скота, киргизы в этом году удивляли монастырские власти развязностью обращения. Рабочие из киргиз еще в июне месяце отказывались от работы и вовсе остановили работу, предварительно забрав вперед свое жалование. 3 июня же рабочие-киргизы побили послушника Стефана Шилова, а в июле монаха Исидора.

Об этом своевременно было доведено мною до сведения епархиального начальства. Со второй половины июля немногие нанявшиеся на монастырские работы киргизы стали оставлять свой труд без объяснения причин нежелания работать, и к 31 июля ушедших с работ на монастырской экономии было до 70% общей рабочей силы. Духовный совет монастыря посвятил этому вопросу с 31 июля по 7 августа 5 заседаний и журнальные постановления за №№ 21-25, направленные к епархиальному начальству со своевременным препровождением журналов за №№ 21-22-25 в копиях начальнику уезда, что с получением им моего сообщения я слагаю с себя ответственность за могущие произойти в монастыре

осложнения. Вся переписка моя с начальником уезда направлялась мною обычно казенными наказными письмами. На последние мои обращения к начальнику уезда я ответов по обыкновению не получал. Если не считать присылки им 7 августа, как они сами сказали об этом, курметинского судьи Тортубека и брата курметинского волостного старшины киргиз /имени его не знаю/ для водворения бежавших с работ на монастырской экономии киргиз. Тортубек с своим спутником уверил меня, что наши рабочие вернутся в монастырь 10 августа. И действительно вернулись... Духовный совет монастыря, интересуясь причинами бегств киргиз с работы, вменил себе в обязанность заняться их выяснением. Собранные об этом данные зарегистрированы были в журнале духовного совета от 4 августа за № 24 и обращены к сведению епархиального начальства. Как видно из этого журнала, по собранным от самих рабочих в монастыре сведениям <...>¹⁸

<...> [Герман]ская война, подорвавшая экономическое благосостояние нашей родины, конечно, не могла не задевать в этом отношении и местное туземное население. Но насколько известно мне, борьба с дороговизной, если и коснулась, то очень мало предметов первой необходимости туземного рынка. Создавались разные таксы преимущественно на те продукты потребления, покупателем которых был русский человек. К этому нужно добавить, что самая регулировка цен на эти продукты была так неправильно поставлена, что не могла не отразиться на благосостоянии крестьянина, не вызвать вследствие взаимообщения русского населения с туземным элементом больших огорчений для последнего в нашем Пржевальском уезде.

По этому поводу в письме его преосвященству епископу Туркестанскому я писал: «Если гражданская власть окажется бессильной в оказании поддержки крестьянам-хлеборобам, то что же они будут делать, чем кормиться? Все меры борьбы с дороговизной направлены на помощь состоятельному классу. Такса на масло, мясо, жиры, яйца и проч., ведь это у нас в уезде забота об ожирелых. Почему параллельно не принимаются меры к удешевлению того, что потребно крестьянке, почему нет у нас такс на разные ситцы и прочее потребное в крестьянском быту. Крестьянок стараются урезать в намерении получить лишний грош за горсточку масла, десяток яиц, мясо с тощей коровенки, об их интересах не заботятся. Вот и неудивительно, что перед Святой Пасхой происходили в Пржевальске, Тюпе, Покровском, селе Сазановке чуть не открытые бунты с разгромом мелких сартовских лавчонок».

Глядя на это, киргизы не могли не думать, что подвергавшаяся сегодня [разгрому] частная собственность сартов завтра может быть разгромлена и у них.

Вместе с этим, киргизы не могли не раздумывать о надвигающейся со стороны русских на них опасности. Главными же причинами киргизского волнения было, по моему убеждению, ненормальное состояние социального строя их жизни. Управляемые старейшинами и судьями, они в массах страдали от произвола [своих] народных руководителей. Мне передавали, теперь не помню, кто, что киргизы иногда в частных разговорах высказывали пожелание об изменении им условий административного среди них управления.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Текес* – одна из двух рек (вторая – Кунгей), образующих реку Или. Текес течет с хребта Терской Алатау (Казахстан) и уходит на территорию Китая. Долина реки Текес, в которую можно спуститься из Иссык-Кульской долины через перевал Каркара – удобный путь из Семиречья в Китай.

² *Боомское ущелье* соединяет Чуйскую долину с западной оконечностью Иссык-Кульской котловины. Только через это ущелье по северному берегу осуществлялась связь уездных городов Пишпек (ныне Бишкек) и Каракол (ныне Пржевальск).

³ *Рыбачье* (ныне г. Балыкчи) – небольшой поселок на северном берегу Иссык-Куля при выходе из Боомского ущелья.

⁴ Имеется в виду полковник Иванов, военный начальник Пржевальского уезда.

⁵ Сары-Ой.

⁶ *Челаказаки* (чалаказаки, чолоказаки). Как писал в 1860 году известный краевед Н.А. Абрамов: «Под словом чалаказак известны были: или подданные владений Средней Азии: Хивинцы, Бухарцы и Коканцы, скрывшиеся от своих владетелей и избравшие себе места жительства между киргизами; или дети этих людей, рожденные от брака с киргизками» (Абрамов Н.А. Областной город Семипалатинск // Записки Императорского Русского Географического общества / Под ред. А.Н. Бекетова. СПб.: Типография В. Безобразова и комп., 1851. С. 146).

⁷ *Как вы можете говорить доброе, будучи злы? Ибо от избытка сердца говорят уста* (Мф. 12, 34). (Прим. ВС.)

⁸ Неточная цитата из Соборного послания св. ап. Иакова: *Покажи мне веру твою без дел твоих, а я покажу тебе веру мою из дел моих* (Иак. 2:18). (Прим. ВС.)

⁹ *Верненские киргизы* – кайсак-киргизы, или казахи, как их сейчас называют. «Киргизами» в имперский период называли и казахов, и нынешних киргизов.

¹⁰ *Нарын* – в имперский период – небольшой городок, возникший на берегу реки Нарын на месте русского военного укрепления в Тяньшанских горах вблизи китайской границы. Долина реки Нарын примыкает к Иссык-Кульской долине с юго-запада.

¹¹ До села Озерно-Фольбаумское /Кутурга/ перечисляются села северного побережья озера Иссык-Куль. Начиная с села Соколовка перечислены населенные пункты юго-восточной оконечности Иссык-Кульской долины и южного берега озера Иссык-Куль. Всего во время мятежа было разрушено более двадцати пяти населенных пунктов Пржевальского уезда.

¹² Тамга.

¹³ Тон.

¹⁴ Преосвященный Иннокентий (Пустынский), епископ Ташкентский и Туркестанский, возглавлял Туркестанскую епархию с 1913 по 1922 годы. До 1916 года кафедра находилась в Верном, затем – в Ташкенте.

¹⁵ Текст на странице сохранился плохо.

¹⁶ *Токмак* – ближайший к Иссык-Кулю, второй по значению после Пишпека город в Чуйской долине.

¹⁷ Борскаун.

¹⁸ В машинописи отсутствуют две страницы, 132 и 133.

Роман ДОРОФЕЕВ

«Последний бой» протоиерея Брицкого^{*}

На первый взгляд, взаимоотношения епископа Кирилла с протоиереем Григорием Брицким к сентябрю 1945 года были едва ли не идеальными. Однако в действительности все обстояло гораздо сложнее.

В том же сентябре архимандрит Гурий был вызван в Москву, а через некоторое время назначен на должность наместника Свято-Троице-Сергиевой лавры. Должность эта по тем временам была весьма трудная: Лавру недавно вернули Церкви, в монастырских корпусах и стенах еще долго проживали загорские горожане и располагался Пединститут, а у наместника почти не было монашеской братии.

С отъездом архимандрита в Москву расстановка сил в Епархиальном совете изменилась не в лучшую для о. Григория сторону. На освободившуюся вакансию секретаря Совета был переведен о. Павел Медведев, а казначеем назначен протоиерей Александр Щербов¹.

Оба эти назначения не могли радовать о. Григория. С о. Павлом у него были чрезвычайно напряженные отношения. Сложно было заподозрить в каких-либо симпатиях к бывшему обновленцу Брицкому и протоиерея Щербова. С 1930-х годов Щербов служил в «староцерковной» Скорбященской часовне на русском кладбище в Ташкенте². Часовня и обновленческий Александро-Невский храм, настоятелем которого был Брицкий, находились (и находятся по сей день) неподалеку друг от друга, и до марта 1944 года, когда состоялось присоединение ташкентских «живоцерковников», их соседство не отличалось взаимной терпимостью³.

В результате о. Григорий фактически остался в Совете в полной изоляции. Ему перекрыли почти весь доступ к епархиальной документации; епископ Кирилл и о. Павел теперь обсуждали все дела при закрытых дверях, не ставя его в известность⁴.

Однако о. Григорий не только не опустил руки, но и принялся плести интриги против еп. Кирилла, а в этом сложном деле он, как мы увидим далее, был безусловным мастером.

^{*} Окончание. Начало в № 3 (XLI), 2016.

На примере пятого письма в рассматриваемом собрании (от 26 февраля 1946 года) можно наглядно увидеть, какими методами о. Григорий при этом пользовался. В самом начале этого послания он доверительно сообщает адресату о своем искреннем желании отправить в Патриархию частное письмо с жалобами на, по его мнению, губительную для епархии деятельность владыки Кирилла. Затем достаточно твердо просит о. Гурия об *очень важном одолжении*... А именно – передать управделами Патриархии протопресвитеру Николаю Колчицкому или же самому патриарху «компромат», который Брицкий за это время собрал на епископа⁵. При этом Брицкий настаивал на непременно исполнении своей просьбы, выделяя в тексте письма две ключевые фразы: «Я обращаюсь к Вам официально» и «Я думаю, что Вы обязаны это сделать»⁶.

В прилагавшейся же к письму записке содержались инструкции на тот случай, если архимандрит Гурий не сочтет возможным передать «компромат» в личном порядке⁷.

Нам неизвестно, лег ли собранный о. Григорием материал на стол к патриарху Алексию I, и если да, то имел ли какую-либо реальную ценность с точки зрения Святейшего или протоиерея Колчицкого. Неизвестно, стал ли архимандрит Гурий вмешиваться в борьбу, теперь, по большому счету, его совершенно не касавшуюся. Неясно также, знал ли епископ Кирилл о тайных усилиях протоиерея Брицкого⁸.

Но уже 27 февраля того же 1946 года о. Григорий был отстранен от настоятельства в Александро-Невском храме. Решение владыки стало для о. Григория полной неожиданностью и большим ударом. «Свершилось то, чего даже я, так хорошо изучивший епископа Кирилла, – не ожидал», – с горьким изумлением писал он архимандриту Гурию [п. 6, л. 1].

На этот раз формальным поводом для устранения Брицкого послужили рапорты протоиерея Павла Медведева и протоиерея Петра Константинова, в которых опальный настоятель обвинялся в административных злоупотреблениях и в нарушениях богослужебной дисциплины. Сам о. Григорий все возводимые на него обвинения считал клеветой, сфабрикованной не без ведома епископа Кирилла⁹. Впрочем, как бы ни обстояло дело в действительности, Брицкому в приказном порядке было предписано уступить приход новому настоятелю – переведенному из Янгияля священнику Алексию Панкову [пп. 6, л. 1; 7, л. 1].

Несмотря на потрясение, явно сквозящее в тексте шестого письма, протоиерей Брицкий все же не собирался складывать оружие. Он отправлял срочные телеграммы в Патриархию и председателю Совета по делам РПЦ Г.Г. Карпову, организовывал протесты со стороны Церковного совета Александро-Невского храма... В конце концов, 18 марта 1946 года он был вынужден сдать дела по настоянию республиканского уполномоченного по делам РПЦ А.И. Степанова, обещавшего, что должность будет возвращена ему через два-три дня¹⁰.

По каким-то причинам Степанов так и не смог выполнить своего обещания, и до самого декабря 1946 года протоиерей Брицкий, скорее всего, находился на покое¹¹, пытаясь добиться пересмотра своего дела. Однако в конце апреля или в начале мая очередная его жалоба из Патриархии была отправлена в Ташкент, на отзыв епископу Кириллу, что означало нежелание высшей церковной власти вме-

шиваться в этот конфликт¹². После чего опальный протоиерей фактически впал в депрессию [пп. 8, 9].

Переживания о. Григория, на наш взгляд, были связаны не только с утратой настоятельства. Он действительно любил Александро-Невский храм, с которым было связано целых тринадцать лет его жизни. Самые пронзительные строки в публикуемых ниже его письмах посвящены именно этой церкви:

В день сдачи, 18 Марта провожая одного члена Церковного Совета, у ворот Кладбища, я остановился и оглянулся. И предстала пред моим взором моя стройная, беленькая церковь, как белая лебедь среди весенней листвы дерев. И сердце мое сжалось больно. Ведь это мое создание. На всем лежит печать моих забот и трудов...¹³

Это – пожалуй, единственное яркое проявление каких-то светлых эмоций в письмах о. Григория. Но искренняя привязанность к Александро-Невской церкви сочеталась у протоиерея Брицкого с собственническими чувствами. В пятом и шестом письмах он постоянно использует выражения «моя церковь», «мой храм», как будто забывая, что приходская церковь – не собственность настоятеля, а *храм Божий*...

Итак, епископ Кирилл имел все основания для того, чтобы праздновать победу. Он возвел священника А. Панкова в сан протоиерея и стал чаще служить в Александро-Невском храме, проводя здесь строгое говение первой и четвертой седмиц Великого поста. К поверженному противнику он, скорее всего, не испытывал какой-либо личной неприязни. Вскоре после смещения Брицкого епископ лично пришел к нему домой, чтобы проведать заболевшего протоиерея (хотя о. Григорий воспринял это посещение как издевку¹⁴).

Как же случилось, что через пять месяцев, в августе 1946 года, владыка Кирилл был внезапно смещен с Ташкентской кафедры?

Известные на данный момент документы не позволяют ставить перемещение епископа Поспелова в другую епархию в прямую зависимость от удаления протоиерея Гр. Брицкого. Слишком далеко по времени оба этих увольнения отстоят друг от друга. К тому же, дело с возвращением о. Григория к настоятельству было, по сути, отрицательно решено Патриархией еще в апреле-мае 1946 года.

Остается только предполагать, что Брицкий вполне мог сыграть какую-то роль в подготовке к смещению епископа Кирилла, действуя через А.И. Степанова или при посредстве той части среднеазиатского духовенства, которая была недовольна управленческими методами и деятельностью владыки. Но подтвердить эти догадки на данный момент практически невозможно.

Точные причины, по которым епископ Кирилл был переведен в Иваново, также неясны. Официальное объяснение этого события, приведенное в некрологе по случаю смерти владыки, не выглядит убедительным:

Тяжелый недуг давно подтачивал здоровье этого энергичного архипастыря. Перевод его из Средней Азии в среднюю полосу России обусловлен был болезненным состоянием его организма¹⁵.

Остается непонятным, почему этот тяжкий, но не названный недуг не стал поводом для почисления за штат, а епископ Кирилл, пробыв полгода в Иваново, был в начале 1947 года назначен на Пензенскую кафедру, на которой скончался 18 декабря 1953 года – т.е. почти через семь лет после отъезда из Средней Азии.

Впрочем, какими бы причинами ни было вызвано перемещение епископа Кирилла, оно стало для протоиерея Брицкого настоящим подарком. Еще больше его должно было обрадовать и известие о готовящейся хиротонии на Ташкентскую кафедру его постоянного московского адресата – архимандрита Гурия (Егорова).

Рукоположение состоялось 25 августа 1946 года. Но еще за две недели до этого события (4 августа 1946 года) о. Григорий, видимо, из предосторожности, чтобы не «засветить» свою связь с будущим епископом, отправляет весьма примечательное послание некоему отцу Иоанну – которого уверенно можно отождествить с духовным чадом архимандрита Гурия – иеромонахом Иоанном (Вендландом) [п. 10, лл. 1-2]¹⁶.

Содержание этого письма еще раз заставляет задуматься над тем, насколько большое влияние имел даже отстраненный от дел протоиерей Брицкий. А также демонстрирует, насколько острым и изощренным умом обладал этот, казалось бы, одряхлевший и очень больной человек.

Несмотря на относительную краткость, письмо 10 четко делится на две неравнозначные части. Содержание первой из них выглядит несколько странновато. О. Григорий снова жалуется на отсутствие четких решений Патриархии по его вопросу, но при этом просит дать ему разъяснение об этом деле у иеромонаха Иоанна – в то время рядового насельника Троице-Сергиевой лавры¹⁷.

Однако основная важность письма заключается не в первой, а во второй его части. В ней Брицкий, через посредство о. Иоанна, передает свои рекомендации (по тону даже похожие на прямые указания) человеку, которого, видимо, опять-таки из конспиративных соображений, именует «дедушкой». Впрочем, из контекста самого письма 10 и из сопоставления с прочими письмами Брицкого становится понятным, что под именем «дедушки» имелся в виду не кто иной, как будущий епископ Гурий (Егоров). Исходя из этой точки зрения становится понятным следующее замечание о. Григория: «Нехорошо, что Канцелярия, созданная «дедушкой» и пишущая машинка, также «дедушкой» приобретенная, – все в их руках [т.е. под контролем сторонников епископа Кирилла – Р.Д.]»¹⁸. Ведь именно созданием епархиальной канцелярии и упорядочением делопроизводства занимался архимандрит Гурий, будучи секретарем Епархиального совета в марте-сентябре 1945 года¹⁹.

Протоиерей Брицкий советует будущему архиерею как можно быстрее выехать в Ташкент и взять в свои руки управление епархией. Он даже настаивает на как можно большей торжественности встречи епископа Гурия городским духовенством, и пишет о том, что взял на себя обязанность вызвать в столицу УзССР священнослужителей из целого ряда городов епархии, от Самарканда и до Ашхабада [п. 10, лл. 10б-2].

Но самым примечательным в десятом письме является следующее сообщение, адресованное, по сути, тому же «дедушке» (Гурию):

Я облюбовал дом для «дедушки». В покойной местности (не далеко от костела), о 6 комнатах, с [неразборчиво ...приенным] садом и видом на Салар (Коларовский тупик). Машина обещана. Деньги большие, но мы их найдем, чтобы «дедушка» имел все удобства для спокойной и вместе продуктивной работы...²⁰.

Это первое известное упоминание о том здании, в котором до сентября 2005 года располагалось Среднеазиатское Епархиальное управление, а до 2011 года – также резиденция правящих архиереев²¹. В 1946 году этот дом действительно находился в Коларовском тупике по улице Жуковского. А из его сада открывался прекрасный вид на канал Салар и недостроенный польский костел, расположенный на другом берегу.

Примерно в сентябре 1946 года этот дом, при посредстве о. Григория, был приобретен у одного из ташкентских хирургов, тогда же в него переехала канцелярия и вселился епископ Гурий²². После 1990 года переулок, в котором располагалось Епархиальное управление, переименовали: он стал 3-м тупиком по ул. Садыка Азимова. В 1970–80-е годы между управлением и набережной Салара вырос целый квартал многоэтажных зданий, а с противоположной стороны его полностью застроил громоздкий корпус Протезного завода²³. Но, в целом, купленный протоиереем Брицким дом простоял до 29 января 2013 года, когда его снесли, а рядом началось строительство новой трехэтажной архиерейской резиденции.

Отправив свое письмо до епископской хиротонии епископа Гурия, протоиерей Брицкий фактически сообщает еще не рукоположенному архиерею о том, что уже подготовил почву для его приезда в епархию: оповестил духовенство, организовал торжественную встречу и наметил дом для Епархиального управления. Брицкий пишет как деятельный союзник, зная, что его рекомендациями не пренебрегут и, скорее всего, примут их как руководство к дальнейшим действиям...

Епископ Кирилл: вопросы управления

Нам известно очень и очень мало о реальном положении дел в епархии в период архиерейства епископа Кирилла, о его стиле управления и о том, как оценивали его деятельность большинство подчиненных ему священнослужителей. О многом приходится судить только по косвенным данным. По этой причине информация, почерпнутая из писем Брицкого, несомненно, должна быть принята к сведению, но и к ней, опять-таки, необходим критический подход.

Оценивая епископа Кирилла как епархиального администратора, протоиерей Григорий не скупится на негативные комментарии. «Произвол, неумение управлять и личные недостатки Епископа Кирилла ведут епархию к развалу» [п. 5, л. 1]. Он, жаловался о. Григорий, принимает решения, руководствуясь только собственной интуицией, не считаясь с мнением членов Епархиального совета (иными словами – с мнением протоиерея Григория). В то же самое время епископ, по мнению Брицкого, находится под стойким влиянием о. Павла Медведева. «...Теперь же все во власти и ведении Кирилла и Павла. Первый, находясь в явной прелести, думает, что он управляет Епархией, если не по закону, то по «благодати», а второй, как Вам

не безызвестно, просто плут» [п. 4, л. 1]. «И действительно мы видим, какой развал идет в Епархии от милостей нашего «благостного» Владыки. И при всем этом находящегося во власти невежественного, но хитрого мужика, Павла Медведева, и в окружении группы кликуш» [п. 4, лл. 2–2об]. В своем негодовании Брицкий даже проводил параллель между «самовластием» епископа Кирилла и католическим догматом о папской непогрешимости [п. 7, л. 2].

Насколько о. Григорий был прав (или не прав) в своих оценках?

Епархиальный совет, который Брицкий возглавил в качестве председателя, изначально создавался как совещательный орган при диоцезиальном архиерее. Фактически он (как и подобные же Советы, впервые организованные в православных епархиях после февраля 1917-го) должен был решать очень широкий круг вопросов: церковная дисциплина, открытие и регистрация новых приходов, епархиальные финансы и т.д. По большинству поступавших в Епархиальное управление дел протоиерей Брицкий мог давать епископу рекомендации, а также доводить до его сведения мнение и пожелания властей.

Пользовался ли о. Григорий этими своими должностными правами? Наверняка. Склонен ли был владыка Кирилл прислушиваться к его советам и рекомендациям? Судя по жалобам, содержащимся в письмах Брицкого, – не очень. Нам неизвестно, что именно думал архиерей по поводу «консультаций» со стороны председателя Совета и как их расценивал. Однако о том, до какого предела епископ Поспелов был склонен принимать навязываемые ему решения, можно судить по другому документальному источнику: ежеквартальным докладом киргизского уполномоченного А.М. Соловьева.

Так, в докладе от 20 июня 1945 года Соловьев пишет, что во время своей первой встречи с владыкой Кириллом (11 апреля того же года) он «предложил епископу обсудить следующие основные вопросы, разрешение которых должно быть строго согласовано с Уполномоченным Совета по Киргизии»²⁴. На деле уполномоченный навязал архиерею несколько важных административных решений. В пределах Киргизской ССР образовывался единый благочиннический округ с центром во Фрунзе (ныне Бишкек)²⁵; благочинным становился бывший обновленческий архиепископ – протоиерей Александр Рябцовский; все назначения на приходы в пределах округа должны были осуществляться Рябцовским и Соловьевым, а епископу предлагалось только утверждать их своими указами²⁶.

Согласно этим «договоренностям» Фрунзенское благочиние получало фактическую автономию, и управлять им собирались уполномоченный и Рябцовский; участие архиерея при этом сводилось к минимуму.

В изображении А. Соловьева епископ принял все его инициативы охотно и без каких-либо возражений²⁷. Но уже в январе 1946 года уполномоченный начинает жаловаться на «самоуправство» епископа Кирилла, назначающего священников на приходы без его ведома. По словам Соловьева:

...своими сумбурными действиями епископ, нарушая установленный порядок назначения кадров духовенства, вносит путаницу в дело учета и оформления священнослужителей на право деятельности и ставит последних в двусмысленное положение перед районными

властями, которые или запрещают им отправление религиозных служб, как не имеющим справки от Уполномоченного Совета о регистрации, или же не зная хорошо о порядке регистрации служителей религиозного культа – довольствуются предъявленным указом епископа, как полноценным документом на право священнослужения²⁸.

По-видимому, уполномоченный воспринимал подобную «самодеятельность» архиерея довольно болезненно и расценивал ее как нарушение недавних договоренностей:

По поводу соблюдения установленного порядка назначений в приходы зарегистрированные, и недопустимости давать разрешения священнослужителям на деятельность в приходы незарегистрированные, я говорил с епископом при личной встрече во Фрунзе и в свое время писал об этом в Ташкент, но как говорят факты, Кирилл действует по-прежнему²⁹.

Примерно такие же по содержанию жалобы повторяются и в отчете от 2 апреля 1946 года. Правда, теперь А. Соловьеву удалось добиться от епископа хоть какой-то положительной, с его точки зрения, реакции. Он написал в Ташкент жесткое письмо, в котором пообещал, что не будет регистрировать всех священников, назначенных архиереем единолично. В ответ владыка пошел на некоторые уступки и предоставил Соловьеву список будущих назначений для согласования³⁰.

Примечательно, что свое активное вмешательство в дела епархии уполномоченный оправдывал как борьбой за моральную чистоту духовенства (см. ниже), так и политическими соображениями. Нежелание епископа считаться с кадровыми рекомендациями уполномоченного, как писал последний,

...в связи с большим наплывом в здешние края разнородного элемента, и водворением в Киргизии спецпереселенцев, заставляет соблюдать сугубое внимание и осторожность к действиям епископа в подборе духовных кадров, чтобы под рясой пастыря не пробрался в массу верующих волк, антисоветская гнусь; принимая во внимание географическое положение Киргизии, как советской окраины, смежной с Китаем, и, наряду с этим, учитывая крайнюю политическую и культурную отсталость местного русского, и коренного киргизского, населения, среди которых осталось еще немало, не выявленных, врагов советского государства.

Следовательно, Уполномоченный Совета не должен ограничиваться чисто формальным отношением к подбору кадров священнослужителей, полагаясь на компетенцию епископа, а обязан быть сугубо бдительным, особенно по наличию бесхребетных и мягкотелых «владык», вроде епископа Кирилла³¹.

20 мая 1946 года А. Соловьев во второй (и последний) раз лично встретился с епископом Кириллом, прибывшим в Киргизию для визитации приходов. По словам уполномоченного, все спорные вопросы вновь были разрешены в самом благоприятном виде:

Епископ предоставил священнику Рябцовскому, как своему заместителю по Киргизии, полную свободу в подборе кандидатур, и право согласовывать их со мною; себе же, по его выражению, он оставил роль лица «благословляющего содеянное» высылкой соответствующих указов³².

Все ли обстояло так идиллически, как это описывает Соловьев, сказать сложно. Также трудно предполагать, что епископ Кирилл с полной готовностью принялся бы выполнять это, вторично навязанное ему, соглашение. Через два месяца владыку перевели на Ивановскую кафедру, и дело с «киргизской автономией» приостановилось до назначения следующего архиерея³³...

Отчеты А.М. Соловьева дают нам возможность составить примерное представление о тактике епископа Кирилла и ответить на первые два поставленных вопроса.

Во-первых, несмотря на постоянные уверения Соловьева, видно, что владыка обладал достаточно твердым характером, а также ясным осознанием своих канонических полномочий, чтобы не превратиться в безвольную марионетку уполномоченных и их ставленников.

Во-вторых, его взаимоотношения с властями можно охарактеризовать как целенаправленное лавирование: он, по всей видимости, был склонен выслушивать мнение чиновников и принимать к сведению их рекомендации. Однако выполнял только те из них, которые считал наиболее целесообразными или приемлемыми. В случае с А.М. Соловьевым епископ Кирилл ограничился согласием на создание одного округа и утвердил на должности протоиерея Рябцовского. Но с практической реализацией остальных требований уполномоченного он явно тянул, игнорируя наиболее важное из них: подчинение всего духовенства благочиния непосредственно Рябцовскому (а по сути – самому Соловьеву).

По аналогии с взаимоотношениями епископа Кирилла с «тандемом» Соловьев–Рябцовский можно предположить, что и «сотрудничество» с прот. Брицким и А.И. Степановым складывалось примерно по такому же сценарию: какие-то из рекомендаций о. Григория он принимал, что-то – откладывал в долгий ящик, а отдельные советы игнорировал или применял в переосмысленном виде...

Единственным сохранившимся документальным примером такого «сотрудничества» может служить текст копии последнего рапорта протоиерея Брицкого на должности председателя Епархиального совета (от 15 марта 1946 г). Узнав о том, что епископ Кирилл намеревается посетить Фергану и освятить Сергиевский храм, о. Григорий пишет владыке:

Осведомившись о цели Вашей поездки – освящение храма, я долг имею донести Вам о содержании «Указа о храмах», в большом требнике, следующего содержания: «В великий же убо пост и в постные дни священия церкви не творим ни ни которым храмом, качества ради пищеного, яже да не разрешим на рыбу и вино и масло»³⁴.

Понимая, что его дни как председателя Совета сочтены, протоиерей Брицкий, что называется, ткнул своего оппонента в уставной параграф, запрещающий освящение храмов в постные дни. Судя же по комментарию о. Григория, оставленному на полях этой же копии, епископу пришлось отменить освящение церкви, хотя от визита на ферганский приход он отказываться все-таки не стал:

Это была моя последняя услуга Епископу, предупредившая нарушение Устава. Освящение не состоялось, но поездка состоялась, т.к. вся Ферганская долина была оповещена об освящении³⁵.

Говоря о тактике епископа Кирилла, нельзя обойти вниманием еще один трудный вопрос: насколько этот метод игнорирования навязываемых (или предлагаемых) решений был эффективен в деле управления епархией? И действительно ли владыка управлял епархией при помощи интуиции, в чем его обвинял протоиерей Брицкий?

Если снова обратиться к отчетам А.М. Соловьева, то в них можно обнаружить сведения о реакции епископа Кирилла (а точнее о ее отсутствии) на склоки среди духовенства и недостойное поведение отдельных священников. Сам уполномоченный воспринимал все эти непорядки с большой озабоченностью и искренне негодовал на архиерея за то, что тот, даже имея на руках жалобы верующих, «реагирует на подобные явления в духе христианского всепрощения»³⁶. То есть, по-видимому, оставляя жалобы без последствий, никого не смещая и не запрещая в служении.

Озабоченность Соловьева, в принципе, можно понять: как и многие уполномоченные того времени, он воспринимал Церковь как составную часть советской империи, а все неурядицы среди православных клириков – как дающие еще один стимул для развития местного сектантства³⁷.

Позиция епископа Кирилла в этом вопросе остается менее понятной, но и к ней можно подобрать разъясняющие ключи. Гонения 1920–1930-х годов уничтожили значительную часть православного духовенства, а выжившие клирики были надолго лишены возможности официально служить и заниматься душепопечением. После признания советским государством в 1944 году Патриаршей Церкви такое положение дел создало жесткий кадровый голод: священников было намного меньше, чем открывающихся церквей, и на первых порах архиереям часто приходилось принимать любого священнослужителя, руководствуясь только имеющимися у него на руках документами, без дополнительного расследования. Возможно, так же приходилось действовать и еп. Кириллу. В любом случае, назначенному после владыки Кирилла на ташкентскую кафедру епископу Гурию (Егорову) пришлось в 1946–1948 годах проводить масштабную чистку духовенства, с тем, чтобы отстранить от служения наиболее скомпрометировавших себя священников³⁸.

В упоминавшемся в начале данного раздела ответе на запрос из Иванова³⁹ в числе прочих обвинений против епископа Кирилла содержится одно, интересное для нашей темы:

По-видимому, главными причинами перевода Еп. Кирилла поближе к Москве были: его снисходительное отношение к хищникам и распутникам в Самарканде, Сталинабаде и других местах, его восхваление себя в проповедях и жалобы на него со стороны духовенства⁴⁰.

Обстановка в единственном в Сталинабаде (ныне – Душанбе) Никольском приходе пока не вполне исследована, но о самаркандских делах можно сказать несколько слов.

В 1944–1947 годах власть в Церковном совете самаркандского Покровского собора (бывшего обновленческого храма) находилась в руках нечистоплотных чле-

нов церковного совета во главе с неким Г. Туранским. «Турановцы» нашли при соборе удобную финансовую кормушку и активно расхищали церковные деньги⁴¹.

Группа эта была наглой и решительной, причем настолько, что будущему владыке Гурию (Егорову), в бытность его настоятелем Покровского собора в 1944 году, угрожала опасность физической расправы⁴². Справиться с турановской группой удалось только в 1946–48 годах, уже после перевода епископа Кирилла на Ивановскую кафедру⁴³.

Трудно понять, почему владыка Кирилл, смело вступавший в сложные игры с уполномоченными, отказывался вмешиваться в приходские проблемы, требовавшие срочного и радикального решения⁴⁴. Сохранилось, однако, одно свидетельство, в некоторой степени проливающее свет на свойственные владыке методы администрирования. Это официальный отзыв от 14 мая 1946 года на жалобу о. Григория, переправленную из Патриархии ему на рассмотрение. В нем еп. Кирилл утверждал следующее:

По содержанию рапорта прот. Г. Брицкого могу дать краткий, но вполне исчерпывающий суть дела, отзыв. В этом рапорте автор выявляет тяжелое психическое состояние, которому я сочувствую, но не устраняет фактической достоверности: болезненной раздражительности, опасной для пастырского служения вообще, а для настоятеля многочисленного прихода той или иной церкви, в частности. Все свои серьезные решения я обычно предваряю глубоким размышлением и усердной молитвой, после чего веления своей совести считаю за голос Божий. Так поступил я при решении вопроса об устранении от должности настоятеля кладбищенской церкви прот. Гр. Брицкого, так поступаю я и на сей раз. Голос совести, и здравый разум говорят мне твердо: пока, до особых внушений, оставить свой указ в силе⁴⁵.

Перед нами, конечно, единичное (хотя и довольно важное) свидетельство. Вероятно, владыка считал, что обладает каким-то харизматическим даром, помогающим ему управлять диоцезом. Но вот применение этого дара на практике могло приводить к самым неожиданным, и не обязательно благотворным, последствиям...

Епископ Гурий и протоиерей Брицкий: вопрос взаимоотношений

В Средней Азии епископ Гурий (тогда еще – архимандрит) впервые оказался весной 1944 года. При посредничестве приехавшего в Ташкент для присоединения обновленцев архиепископа Алексия (Палицына) он получил регистрацию и приступил к открытому служению, а вскоре был назначен настоятелем в Покровский собор Самарканда⁴⁶. Не совсем ясно, насколько долго он настоятельствовал, но в марте 1945 года мы уже видим о. архимандрита в Ташкенте, секретарем Епархиального совета.

На этой должности о. Гурий в основном занимался делопроизводством, причем на первом этапе в буквальном смысле выполнял писарские обязанности. Потом он смог приобрести печатную машинку (что в те времена было не таким уж и простым делом) и нанял делопроизводителя, организовав, тем самым, ту епар-

хиальную канцелярию, которая в несколько измененном виде существует до настоящего времени⁴⁷.

Неизвестно, как сам архимандрит Гурий оценивал конфликт в Епархиальном совете, а также – как он относился к управленческим методам епископа Кирилла. Его ответные послания не сохранились. Очевидно, что протоиерей Григорий рассматривал о. архимандрита в числе своих сторонников и явно считал, что может ему доверять не только свои private суждения, но и обращаться к нему с исключительно деликатными просьбами.

Тон писем Брицкого, обращенных непосредственно к архимандриту Гурию, естественным образом меняется в зависимости от эмоционального состояния автора. Письмо 1 – это скорее записка с текущими новостями, письма 2–4 отдают покровительственными интонациями бывшего начальника, письмо 5 – вежливая (и очень настойчивая) просьба оказать деликатную услугу, письма 6–7 наполнены болью и даже отчаянием. Но все эти послания, а также письмо 8 (содержащее поздравление со св. Пасхой), проникнуты неизменным дружеским расположением о. Григория. Архимандрит Гурий для него – не просто бывший подчиненный, но «возлюбленный во Христе брат, отец Гурий»: человек, которого он уважает и за которым признает вполне реальные заслуги и добрые (или полезные) качества...

Нам неизвестно, когда и каким именно образом впервые пересеклись жизненные дороги протоиерея Григория и архимандрита Гурия. Возможно, они познакомились в Ташкенте, в марте или мае 1944 года, уже после торжественного покаяния обновленцев в Александро-Невском храме⁴⁸. Быть может, о. Григорий оказал какую-то существенную помощь о. архимандриту, недавно вышедшему из вынужденного затворничества. По крайней мере, впоследствии, уже будучи епископом, владыка Гурий напишет о прот. Брицком:

Он отличается широким гостеприимством и отзывчивостью на чужое несчастье. Я должен признаться, что в свое время, когда я, будучи за штатом, болел в Фергане и очень нуждался, он, по собственной инициативе, помогал мне, – и не раз⁴⁹.

Уточнить, когда именно архимандрит Гурий болел и находился за штатом, трудно. Можно только предполагать, что примерно в период с декабря 1944-го по март 1945 года, когда он по невыясненным причинам экстренно уехал из Самарканда и снова оказался в Ферганской долине. В пользу именно такой датировки может свидетельствовать содержание первого письма протоиерея Брицкого, где упомянуты и внезапный отъезд о. архимандрита из Самарканда, и его болезнь в Фергане [п. 1, лл. 1-10б].

Впрочем, вне зависимости от времени и обстоятельств знакомства, дальнейшее общение протоиерея Брицкого и архимандрита Гурия, скорее всего, продолжалось во вполне благожелательном ключе.

Наверняка архимандрит Гурий был вхож в дом о. Григория, где познакомился с Е.В. Бахваловой, на которую, судя по всему, произвел весьма положительное впечатление. В противном случае Брицкий не стал бы в своих письмах передавать о. Егорову от Екатерины Васильевны неизменные поклоны и просьбы о молитвах

[пп. 3, л. 2об; 4, л. 3]. А она сама не отправила бы в апреле 1946 года (т.е. в наиболее тяжелое для протоиерея Григория время) о. архимандриту отдельное письмо, в котором умоляла помочь ее мужу и утешить его [п. 9].

Нельзя также полностью исключать возможность того, что, при содействии протоиерея Брицкого, архимандрит Гурий еще в 1944–1945 годах мог свести знакомство и с республиканским уполномоченным А.И. Степановым. По крайней мере, намек на подобное знакомство содержится в завершающих строках четвертого письма о. Григория.

Помимо этого, в самом начале своего третьего письма протоиерей Брицкий прямо говорит, что новый адрес о. Гурия узнал от А.И. Степанова [п. 3, л. 1]. Последний, правда, мог вывести его и по служебным каналам, а мог и получить с посланием от самого о. архимандрита.

Надо отметить, что уже после своего назначения на среднеазиатскую кафедру епископ Гурий поддерживал с А.И. Степановым прекрасные отношения, высоко оценивая его личные качества и дипломатические способности⁵⁰. Что и неудивительно: Александр Иванович был человеком незаурядным, обладал широким кругозором и сумел выстроить с духовенством Узбекистана оптимальные для того времени взаимоотношения⁵¹.

В круг общих знакомых протоиерея Брицкого и архимандрита Гурия входил также и иеромонах Иоанн (Вендланд). Где-то в конце 1945 года (а может быть, несколько позднее) талантливый ученый-геолог Константин Николаевич Вендланд, скрывавший свое монашество и священный сан, именно при посредстве обоих героев нашего повествования смог безболезненно выйти на легальное церковное служение.

Примерно в ноябре 1945 года отец Гурий приехал из Загорска в Ташкент. Он сказал, что мне пора выходить из келейного состояния на настоящее служение, что я нужен ему как помощник и что, по всей вероятности, сам он скоро станет епископом Ташкентским. Мне нужно было уволиться из Геологического управления и института, прямо заявив, что я священник. Так я и сделал, хотя такое неожиданное заявление стоило мне огромного усилия над собой. <...> Впрочем, для того, чтобы заявления мои не были уж совершенно неожиданными, отец Гурий дал мне рекомендательное письмо к отцу Григорию Брицкому. Придя к нему, я просил его довести до сведения гражданских властей, с которыми он находился в хороших отношениях, что я иеромонах, и чтобы он дал мне хорошую характеристику. Отец Григорий обещал это сделать. Начавшееся с этого времени мое знакомство с отцом Григорием затем перешло в почтительную дружбу с этим старым человеком⁵².

Здесь, во-первых, примечательна информация о том, что архимандрит Гурий посещал Ташкент в промежутке между августом–сентябром и ноябрем 1945 года.

Во-вторых – в процитированном отрывке архимандрит Гурий сообщает о. Иоанну о своем возможном, и скором, рукоположении на Ташкентскую кафедру. Даже если предположить, что митр. Вендланд путает даты, и такой визит состоялся позже по времени, то все равно окажется, что смещение епископа Кирилла могло готовиться задолго до августа 1946 года. Впрочем, какого-либо дополнительного

документального подтверждения этой, очень важной, информации нами пока не найдено.

И, наконец, в-третьих, – данный фрагмент наглядно показывает, насколько тесными были взаимоотношения архимандрита Гурия и протоиерея Брицкого. Для того, чтобы заранее утрясти все неприятности, могущие возникнуть со стороны властей, архимандрит Гурий посылает о. Иоанна в первую очередь не к епископу Кириллу, а к о. Григорию...

Судя по тексту письма 4, круг общих знакомств протоиерея Брицкого и архимандрита Гурия отнюдь не ограничивался Екатериной Васильевной, иеромонахом Иоанном и, возможно, А.И. Степановым. В письме упоминаются еще несколько людей, о которых не сохранилось никаких дополнительных данных, но которые, по всей видимости, не были безразличны и его автору, и адресату. О. Григорий мельком говорит о неких матушках Екатерине и Марии (возможно, монахинях), Platone Ивановиче и о епархиальной делопроизводительнице Марии Ивановне.

Этот, не такой уж и маленький, список общих знакомых, на наш взгляд, свидетельствует о том, что контакты между протоиереем Григорием и архимандритом Гурием носили открытый характер. Скорее всего, уже в 1944–1945 годах между о. Григорием и архимандритом Гурием сложились весьма приятные отношения. Со стороны о. Гурия (так же, как и иеромонаха Иоанна) они могли носить характер почтительной дружбы, а со стороны протоиерея Брицкого – иметь покровительственную окраску. Причем настолько яркую, что о. протоиерей счел себя вправе вскрыть письмо, адресованное о. Гурию и пришедшее уже после отъезда того в Москву, а также дать на это послание свои комментарии⁵³.

Более того, уезжая в августе 1945 года в командировку в Фергану, архимандрит Гурий распорядился передавать всю епархиальную корреспонденцию именно о. Григорию, а не епископу Кириллу⁵⁴. Ранее о. Гурий регулярно знакомил Брицкого с письменными распоряжениями архиерея, после же перемещения на должность секретаря протоиерея Медведева о. Григорий оказался почти полностью отрезанным от этого, очень ценного, источника информации⁵⁵.

За скудностью источников нам почти ничего не известно о взаимоотношениях архимандрита Гурия с постоянными противниками Брицкого – владыкой Кириллом и о. Павлом Медведевым. Если судить по письмам 3 и 4, то Медведев не любил его наравне с Брицким⁵⁶. Что же касается епископа Кирилла, то в письмах 6 и 7 содержатся глухие намеки на какой-то конфликт между владыкой Кириллом и архимандритом Гурием⁵⁷. Правда, при этом Брицкий именует своего адресата патриаршим наместником, – т.е. наместником Троице-Сергиевой лавры, настоятелем которой является сам патриарх, – и поэтому совершенно непонятно, когда именно имело место это противоборство: после назначения архимандрита Гурия на эту должность или же до него.

Деятельность епископа Гурия после его назначения на среднеазиатскую кафедру также демонстрирует нежелание нового архиерея продолжать ряд начинаний владыки Кирилла. В сентябре 1946 года епископ Гурий упразднил Епархиальный совет, в который входили протоиерей Венедикт Покровский, протоиерей Павел Медведев и протоиерей Александр Щербов; должность секретаря Совета была

упразднена, а канцелярия передана теперь уже епархиальному секретарю – иеромонаху Иоанну (Вендланду)⁵⁸.

С приездом епископа Гурия в Ташкент положение протоиерея Гр. Брицкого изменилось в самую благоприятную для него сторону. Дело с восстановлением Брицкого новый архиерей повел с большим тактом и очень дипломатично. Получив еще в сентябре 1946 года из Патриархии уклончиво составленное, но все-таки ясное, согласие на восстановление о. Григория⁵⁹, он принялся методично для этого готовить почву.

От лица совещания благочинных епархии (о. Павла Медведева к тому моменту уже не было в их числе) была организована просьба к епископу восстановить протоиерея Брицкого в должности настоятеля Александро-Невского храма⁶⁰. Аналогичная петиция, под которой стояли подписи прихожан, была передана на рассмотрение владыки Гурия из Патриархии⁶¹. А протоиерей Алексей Панков, возможно, не без предварительных переговоров, добровольно решил уступить настоятельство Брицкому⁶².

Наконец, указом епископа Гурия от 18 декабря 1946 года, о. Григорий был официально возвращен на должность настоятеля Александро-Невской церкви⁶³.

В дальнейшем владыка Гурий предпочитал сохранять за Брицким настоятельную должность. Только однажды, в конце 1947 – начале 1948 годов, епископ, под влиянием сторонних факторов, предложил о. протоиерею уйти на покой. Но дело тогда, в основном, касалось преклонного возраста последнего и связанных с ним физических и нравственных недугов⁶⁴.

Однако и в январе 1948 года Брицкий категорически отказался уходить за штат⁶⁵. С должности настоятеля Александро-Невского храма его суждено было сместить отнюдь не епархиальному архиерею, а естественной смерти, настигшей о. Григория 14 июня 1951 года, в возрасте восьмидесяти одного года.

Заключение

После сталинского «конкордата» 1943 года и преодоления обновленческого раскола староцерковникам и бывшим обновленцам заново пришлось учиться жить и взаимодействовать друг с другом в пределах одной Церкви. А подобные процессы часто бывают очень болезненными. Одновременно с этим в епархиальные и приходские дела принялась вмешиваться новая сила – уполномоченные Совета по делам РПЦ, официально призванные выполнять посреднические функции между государством и Церковью, но на деле стремившиеся надзирать над внутрицерковной жизнью, а отчасти и контролировать ее.

Принадлежность к староцерковной или к бывшей обновленческой ориентации теперь уже не имела полностью определяющего значения. Линии связей и разделений теперь проходили не по черте церковного раскола, а все больше перемещались в сторону психологических и административных факторов.

На таком историческом фоне становится более понятным содержание двух основных мотивов писем Брицкого: конфликта с епископом Кириллом и приятных отношений с архимандритом, впоследствии епископом, Гурием и иеромо-

нахом Иоанном. В первом случае противостояние было обусловлено психологическим несходством, вопросом перераспределения власти и разными подходами к административной работе. Во втором – при формировании дружеских отношений решающую роль сыграли личные симпатии и взаимная выгода. Что же касается принадлежности о. Григория в прошлом к обновленческому расколу, то оно, по преимуществу, играло роль социального клейма, которое с готовностью использовали в своих целях его противники и на которое предпочитали закрывать глаза его друзья.

«Фактор уполномоченного» присутствует в письмах лишь в легких намеках. Но если судить по отчетам А.М. Соловьева, – скорее всего, А.И. Степанов влиял на церковную жизнь в Узбекистане. Здесь возможно предположить и поддержку протоиерея Гр. Брицкого, как своего человека, и «продавливание» по каналам СД РПЦ рукоположения архимандрита Гурия и его назначения на Ташкентскую кафедру. Но, опять-таки, оговоримся: выводы о теневой роли А.И. Степанова в рассмотренных нами событиях – пока лишь предположения публикатора.

Письма протоиерея Григория Брицкого публикуются по рукописным автографам, хранящимся в его личном деле (АТЕУ, оп. 1 л/д, д. 47), куда они, скорее всего, были помещены епархиальным секретарем или делопроизводителями в промежутке между 1946 и 1951 годами. Письма хранятся в качестве рядовой документации, располагаясь вразброс, почти по всему корпусу дела⁶⁶. Все письма являются подлинниками.

Из десяти писем, входящих в это собрание, самым протоиереем Гр. Брицким написано девять: 1–8 (архимандриту Гурию) и 10 (иеромонаху Иоанну). Письмо 9 написано Е.В. Бахваловой, адресовано оно, так же как и предыдущие послания, архимандриту Гурию. Ни одного ответа на вышеуказанные письма в фондах АТЕУ обнаружить не удалось.

Письма 1–10 относятся к периоду с 11 февраля 1945 года по 4 августа 1946 года. Большинство из них (письма 1, 6–8, 10, дополнение к письму 5) написаны почерком о. Григория – неразборчивым и трудночитаемым. Особенности почерка заставляют предположить, что протоиерей Брицкий страдал либо артритом, либо каким-то заболеванием нервной системы, наподобие синдрома Паркинсона.

Очевидно, осознавая неразборчивость собственного почерка, о. Григорий привлекал к составлению собственной корреспонденции близких. Видимо, по этой причине несколько писем [2, 4, 5] написаны Е.В. Бахваловой под диктовку протоиерея Григория или переписаны набело с его черновиков (только в 4-м письме Брицкий приписал несколько слов и поставил подпись [л. 2об]). Участие Бахваловой видно из того обстоятельства, что почерк этих трех посланий идентичен почерку письма 9, написанного ею лично.

Письмо 3 имеет более сложную структуру: первая ее часть написана рукой Бахваловой со слов о. Григория [лл. 1–2], вторая – им собственноручно [лл. 2–2об].

Письма публикуются с небольшой пунктуационной правкой, но почти полным сохранением авторской орфографии: протоиерей Брицкий нередко привержен к употреблению в тексте дореволюционных форм падежных окончаний («разных», «Парийского», «благочинного») и местоимений («ея», «оне»). Близкая орфогра-

фия, сочетающая до- и постреволюционные формы, наблюдается и в письме 9, где Е.В. Бахвалова употребляет также и архаичное для того времени написание предлога бес/без («безпорочного и безпрерывного»).

В квадратных скобках – вставки публикатора, раскрытые сокращения и примерная расшифровка неразборчивых слов с курсивным пояснением [*неразборчиво, возможно*]. В угловых скобках приводятся надстрочные вставки автора писем. Знак вопроса в квадратных и круглых скобках [(?)] указывает на то, что публикатор сомневается в расшифровке слова или раскрытии сокращения.

Все подчеркивания в тексте принадлежат авторам писем.

Публикуемые тексты снабжены краткими комментариями.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Письма Григория Брицкого (далее – ПГБ), п. 3, л. 1об. Ссылки на письма Брицкого даются в трех форматах: (а) непосредственно в тексте в квадратных скобках, где сначала приводится номер письма, а затем номер листа каждого документа в отдельности, например: [п. 7, л. 1]; (б) в постраничных примечаниях

² Архив Ташкентского Епархиального управления (далее – АТЕУ), оп. 1 л/д, д. 444, л. 13.

³ По свидетельству архиепископа Алексия (Палицына), приехавшего в Ташкент в марте 1943 года для принятия покаяния от местных обновленцев: «Между православными, ютившимися возле часовни, и обновленческим духовенством был какой-то жестокий антагонизм». АТЕУ, оп. 1 л/д, д. 47, л. 14.

⁴ См.: ПГБ, п. 3, л. 1об, п. 4, лл. 1-1об.

⁵ Два указа владыки Кирилла и письмо таджикистанского благочинного протоиерея Василия Голубовского (ПГБ, п. 5, л. 1.)

⁶ ПГБ, п. 5, л. 1.

⁷ См.: ПГБ, п. 5, приложение.

⁸ Интересно, что прот. Брицкий не всегда доверял свою переписку с архим. Гурием почте. В письме 4 он пишет: «В Москву выехал некто Павлов Николай к экзамену в Богословский Институт. Вы его знаете по Церкви. Через него я к Вам послал пакет. Он будет ждать Вас в гостинице «Москва», [номер] 528. Как-бы не затерялся пакет!» [л. 3].

⁹ АТЕУ, оп. 1 л/д, д. 47, лл. 38-40.

¹⁰ См.: ПГБ, п. 6, лл. 1-1об; п. 7, л. 1. *Степанов Александр Иванович* (1882–1951) – первый уполномоченный СД РПЦ при Совнарком/Совмине УзССР (1944–1951). До революции 1917 г. служил в царской армии, участвовал в русско-японской войне. В апреле 1917 г. вступил в ВКП(б). Участник Октябрьской революции 1917 г. и Гражданской войны. Сотрудник ОГПУ/НКВД; работал в Одессе, на Памире, в Фергане и в Ташкенте (1922–1939).

¹¹ В «Письмах» нет указаний на то, что Брицкий служил где-нибудь в этот период. А 14 марта 1946 г. о. Григория

на должности председателя Епархиального совета сменил прот. Венедикт Покровский (АТЕУ, оп. 1 л/д, д. 310, л. 6об).

¹² Подробнее об этой резолюции см. ниже.

¹³ ПГБ, п. 7, лл. 1-1об.

¹⁴ См.: ПГБ, п. 6, лл. 1-1об.

¹⁵ Памяти архиепископа Кирилла (Поспелова) // Журнал Московской Патриархии. 1954. № 2. – С. 19.

¹⁶ Иеромонах Иоанн (Вендланд) был очень близок к владыке Гурию, и, кроме того, состоял в дружеских отношениях с протоиереем Брицким.

¹⁷ См.: *Иоанн (Вендланд)*, митр. Митрополит Гурий (Егоров). – Машинопись. Б. м., 1980–1981. С. 129–130.

¹⁸ ПГБ, п. 10, л. 1об.

¹⁹ Подробнее об этом см. ниже.

²⁰ ПГБ, п. 10, л. 2.

²¹ Автор благодарит за уточнение дат ташкентского писателя А.П. Устименко, бывшего главного редактора епархиального журнала «Восток Свыше».

²² См.: *Иоанн (Вендланд)*, митр. Митрополит Гурий (Егоров)... – С. 131-132.

²³ Ныне местность вокруг бывшего Епархиального управления сильно изменилась. На месте Протезного завода отстроены элитные жилые дома, кардинально поменялось расположение улиц и переулков.

²⁴ Центральный государственный архив Киргизской Республики (далее – ЦГА КР), ф. 1631, оп. 1, д. 4, л. 9.

²⁵ Вместо двух, ранее предусмотренных еп. Кириллом: Фрунзенского (Северная Киргизия) и Южно-Киргизского, с центром в г. Ош.

²⁶ ЦГА КР, ф. 1631, оп. 1, д. 4, лл. 9-10.

²⁷ ЦГА КР, ф. 1631, оп. 1, д. 4, л. 10.

²⁸ ЦГА КР, ф. 1631, оп. 1, д. 4, л. 23.

²⁹ ЦГА КР, ф. 1631, оп. 1, д. 4, л. 24.

³⁰ ЦГА КР, ф. 1631, оп. 1, д. 6, л. 7.

³¹ ЦГА КР, ф. 1631, оп. 1, д. 6, л. 8.

³² ЦГА КР, ф. 1631, оп. 1, д. 6, л. 20.

³³ Фактическая победа в столкновении 1944–1945 годов осталась за еп. Кириллом. Но уже при еп. Гурии (Егорове) А. Соловьев и прот. Рябцовский все-таки добились частичного выполнения намеченной ими программы. Южно-Киргизское (Ошское благочиние) на какое-то время осталось самостоятельным и тяготело, что естественно, к Ферганской области Узбекской ССР. Но Фрунзенское благочиние, охватывавшее весь север Киргизии, действовало в режиме «полуавтономии», а его благочинные – прот. А. Рябцовский и прот. А. Синицын – управляли округом, не всегда считая нужным следовать указаниям ташкентских архиереев. (См.: // *Патрахин Л., прот. Русская Православная Церковь в Средней Азии. // Патрахин Л., прот., Лай П., прот.* По стопам апостола Фомы. – Воронеж, 2009. С. 178–181).

³⁴ АТЕУ, оп. 1 л/д, д. 47, л. 36.

³⁵ АТЕУ, оп. 1 л/д, д. 47, л. 36.

³⁶ ЦГА КР, ф. 1631, оп. 1, д. 4, лл. 23–24.

³⁷ ЦГА КР, ф. 1631, оп. 1, д. 4, лл. 23–24.

³⁸ См. об этом: *Дорофеев Р.В., Стеклова Т.К.* «Хлысты» города Фергана: 1944–1953 годы // III Востоковедческие чтения памяти Н.П. Остроумова. Сборник материалов. Издание Ташкентской и Среднеазиатской епархии. – Ташкент, 2011. С. 93.

³⁹ Речь идет об ответе на запрос из Ивановской епархии, отправленном по месту требования уже после отъезда епископа Кирилла. (Прим. ВС.)

⁴⁰ АТЕУ, оп. 2, д. 15, л. 30об.

⁴¹ См.: *Гурий (Егоров), еп.* Представление в Патриархию о награждении прот. П. Княжинского. [Ташкент, август, 1948 г.]. – Л. 2. – Электронный архив Дорофеева Р.В.

⁴² «Потом, когда эту церковь [Покровский собор – Р.Д.] вернули верующим, там была скандальная община. Когда архимандрит Гурий был там настоятелем, его хотели побить камнями» («Мы жили удивительной жизнью». [Интервью Н. Исаевой с Н.П. Гомолицким] // Слово Жизни. Газета Ташкентской и Узбекистанской епархии. № 3(308), март, 2012. С. 8.) Об этом эпизоде рассказывала и А.И. Яценко, супруга настоятеля Георгиевского храма Самарканда. (Аудиозапись беседы. Самарканд, 26.10.2013 г.). См. также: Письмо еп. Гурию (Егорову) от А. Логиновой. Самарканд, 1947 г. Л. 1, 5-6. (Личный архив автора).

⁴³ См.: *Гурий (Егоров), еп.* Представление в Патриархию о награждении прот. П. Княжинского... – Л. 2.

⁴⁴ Брицкий в одном из писем прямо говорит о том возмущении, которое он испытал, увидев в епархиальной канцелярии лежащий без движения рапорт о самаркандских делах [п. 3, л. 3].

⁴⁵ АТЕУ, оп. 1 л/д, д. 47, л. 40.

⁴⁶ См.: *Киреев А., протодиак.* Епархии и архиереи Русской Православной Церкви в 1943–2008 годах. Издание третье, дополненное. – М., 2008. С. 384; *Беглов А.* В поисках «безгрешных катакомб». Церковное подполье в СССР. – Издательский совет Русской Православной Церкви. «Арефа». – М., 2008. С. 199–200.

⁴⁷ См.: ПГБ, п. 2, л. 1; п. 3, лл. 2–2об. – *Иоанн (Вендланд), митр.* Митрополит Гурий (Егоров)... С. 127.

⁴⁸ О том, что архим. Гурий связался с архиеп. Алексием (Палицыным) уже после этого события, ясно пишет митр. Иоанн (Вендланд). См.: *Иоанн (Вендланд), митр.* Митрополит Гурий (Егоров)... С. 126–127. Сам архиеп. Алексий упоминает в своем отчете, что принимал покаяние от бывшего обновленческого архиепископа Анатолия Синицына в присутствии архим. Гурия. АТЕУ, оп. 1 л/д, д. 47, л. 17а.

⁴⁹ АТЕУ, оп. 1 л/д, д. 47, лл. 50об–51.

⁵⁰ См.: *Иоанн (Вендланд), митр.* Митрополит Гурий (Егоров)... С. 136.

⁵¹ Биографическую справку об А.И. Степанове и краткую характеристику см.: *Иоанн (Вендланд), митр.* Митрополит Гурий (Егоров)... С. 136.

⁵² *Иоанн (Вендланд), митр.* Митрополит Гурий (Егоров)... С. 127–128.

⁵³ См.: ПГБ, п. 3, л. 2об.

⁵⁴ См.: ПГБ, п. 3, лл. 1–1об.

⁵⁵ См.: ПГБ, п. 4, л. 1.

⁵⁶ См.: ПГБ, п. 3, л. 1; п. 4, л. 3.

⁵⁷ См.: ПГБ, п. 6, л. 1; п. 7, л. 2.

⁵⁸ См.: *Иоанн (Вендланд), митр.* Митрополит Гурий (Егоров)... С. 134–135.

⁵⁹ АТЕУ, оп. 1 л/д, д. 47, л. 49.

⁶⁰ АТЕУ, оп. 1 л/д, д. 47, лл. 47, 54–54об.

⁶¹ АТЕУ, оп. 1 л/д, д. 47, л. 47.

⁶² В дальнейшем прот. А. Панков десять лет – с 1946 по 1956 гг. – будет состоять штатным священником все той же Александро-Невской кладбищенской церкви (АТЕУ, оп. 1 л/д, д. 293, л. 47).

⁶³ Распоряжение вступало в силу с 20 декабря 1946 г. (АТЕУ, оп. 1 л/д, д. 47, л. 47); согласно другим данным – с 1 января 1947 г. (АТЕУ, оп. 1 л/д, д. 293, л. 16).

⁶⁴ АТЕУ, оп. 1 л/д, д. 47, лл. 60–61.

⁶⁵ АТЕУ, оп. 1 л/д, д. 47, л. 61.

⁶⁶ Л. 5–4об, 21–21об, 22–23об, 24–26, 27, 29–30, 33–33об, 34–35, 41, 42–43, 44–45. Объединение их в отдельную группу и выявление из основной массы прочих документов принадлежит нам.

1. Письмо от 11 февраля 1945 г.

Реквизиты:

/Герб СССР, две марки, штамп почтамта с датой: 14.2.45/

ПОЧТОВАЯ КАРТОЧКА

Куда: г. Фергана ул. Интернациональная 5

Кому: о. Гурию Егорову.

Адрес отправителя: г. Ташкент Новобазарная 42 Г.Я. Брицкий

11/2 45 г.

Ваше Высокопреподобие,

о. Архимандрит!

Выезжая в Москву, Епископ ничего не сказал мне о Вашей болезни, но поручил лишь вызвать из Джамбула протоиерея Авсенова¹ для назначения его в г. Самарканд, намекая мне на более для Вас высокое назначение. Лично я думал, что Вы в Самарканде и служите там на Рождество Христово и Богоявление. Я был очень удивлен [узнав] из рапорта Благодчинного, что Вас нет в Самарканде. А тут получа[ю]тся известия о поездке членов Ц[ерковного] Совета в Москву с какими-то докладами, и об убийстве Охранчуком гр[ажданки(?)] Росс² и проч. Тогда я спешно прибывшего о. Авсенова назначил в Самарканд. Он, по-видимому, серьезный человек³. О Вашей болезни я думаю, что Бог допустил [ее из] любви к Вам: для спасения души и тела. Потом увидите. Отдыхайте и поправляйтесь. Епископ в среду прибудет. Ваш /Гр. Брицкий/

АТЕУ, оп. 1 л/д, д. 47, лл. 5-5об.

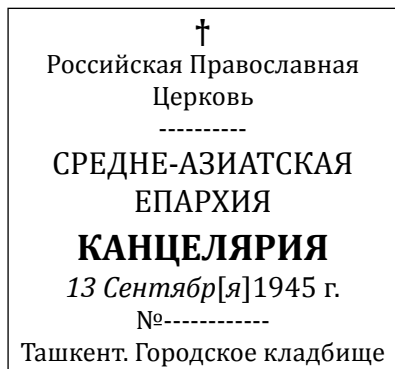
¹ Протоиерей Феодосий Авсенов в ноябре 1944 г. был взят на заметку еп. Кириллом в качестве будущего настоятеля Покровского собора Самарканда. Фактическое назначение состоялось примерно в январе 1945 г. Освобожден от должности настоятеля 1 сентября 1945 г.

² Речь идет об убийстве в 1945 г. в Самарканде Марии Владимировны Росс, одной из активных сторонниц архимандрита Гурия во время его настоятельства в Покровском соборе. Убийцей был некто Охранчук, пономарь этого же собора.

³ Далее расшифровка продолжения письма, написанного на краю карточки.

2. Письмо от 12 сентября 1945 г.

Штамп:

Ваше Высокопреподобие, досточтимый о. Архимандрит и возлюбленный во Христе брат о. Гурий!

Ваш вызов в Патриархию может иметь своим последствием назначение Вас на высшую и более ответственную церковную работу, и Вы, быть может, покинете нашу Епархию. Да свершится [во] всем воля Божия: она всегда во благо и для Святой Церкви и для каждого из нас! Но предвидя это, я как Ваш сотрудник по управлению Епархией и сослужебник Ваш по нашему Собору, не могу удержаться чтобы не сказать Вам о тех чувствах любви и благодарности, которые Вы оставляете в моем сердце. Памятны останутся у меня Ваши благоговейныя богослужения в нашем храме, Ваша неустанная проповедническая деятельность, и не могут быть забыты Ваши плодотворныя работы на пользу Епархии, свидетельствовать о которых всегда <будут> следующие бесспорныя факты, а именно: организация Канцелярии Епарх[иального] Совета, ея делопроизводства, которое Вы привели в порядок, приобретение пишущей машины, делопроизводителя и особенно – упорядочение финансовой части Епархии. Начиная с сентября м[есяц]а прошлого [19]44 года по июнь м[есяц] 19[45] года не было сделано ни одного денежного взноса на содержание Патриархии, только при вступлении Вашем ||¹ на должность члена Епарх. Совета, с 1 апреля с[его] [года], Епархия получила возможность внести на содержание Патриархии, в июне с/г, 5000 руб[лей], и сейчас в наличии <Вы> оставляете еще 40.000 руб.

Здесь, щадя Вашу скромность, я умалчиваю о Ваших личных высоких душевных качествах и высоких дарованиях Вашего ума, твердо уповаю, что вскоре они явны будут для всех и «так о да просветится свет Ваш пред человеки»².

Примите уверение в моем искреннем к Вам уважении, благодарности и любви и заранее прошу Ваших Святительских молитв.

/Печать: «Ташкентский Иосифо-Георгиевский Кафедральный собор»³/ Пред-

седатель Епарх[иального] Совета и Настоятель Александро-Невского Собора в г. Ташкенте протоиерей Гр[игорий] Брицкий

1945 года 12 сентября в день
Св. Александра Невского⁴

АТЕУ, оп. 1 л/д, д. 47, лл. 21-21об.

¹Здесь и далее – конец страницы.

²Так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего небесного (Мф. 5,16).

³Церковь святых Иосифа и Георгия – первый стационарный храм Ташкента. Построен и освящен в 1868 г. В 1932 году закрыт местными властями. Тогда же в здании храма был размещен Кукольный театр; здание снесено в 1990-х годах. Если судить по реквизитам печати, то в какой-то период времени, от закрытия Спасо-Преображенского собора в 1931 г. и до выдворения общины в 1932 г., Иосифо-Георгиевский храм служил кафедральным собором для обновленческих архиереев.

⁴Дата дана по новому стилю.

3. Письмо от 22 сентября 1945 г.

1945 г. 22/IX

Возлюбленный брат мой во Христе о. Гурий!¹

Узнал от А.И. Степанова² Ваш новый адрес и все совершившееся... Да будет воля Божия!

Однако я должен поставить Вас в известность о том, что происходило и происходит у нас в связи с Вашим отъездом, дабы представить Вам картину нашей церковной жизни в настоящем, и что может нас ожидать в будущем.

Излагаю в хронологическом порядке, пред<о>ставляя, Вам самому найти логическую связь событий:

1) «Зина»³ находясь [в] необычайном раздражении прибегает к церк[овной] стар[осте] Люминарской и говорит: приходится хлопотать о рейсовой карточке для «Б» (это площадное, хулиганское, ругательское слово). «не бывать Гурию епископом».

2) Той-же Люминарской Павел счел нужным также доложить: «какой-то “авантюрист” Гурий приказал всю корреспонденцию с почты приносить Брицкому, но я сейчас именем Епископа отменил это приказание».

3) В <дополнение сему> [в] ночь вашего отъезда я получаю [известие] из вернейшего источника, что в Синод от этой благочестивейшей парочки послано донесение, вернее пасквиль, касательно Вас и меня.

Лично за себя я не страшусь. Больше того, что обо мне <было донесено> Си-

ноду моими друзьями: еп[ископом] Сергием Лариным⁴, Арх[иепископом] Лукою⁵ и Лозовым⁶, вряд-ли возможно <еще прибавить>, но Вас я считаю нужным предупредить, что-бы Вы знали, что и у Вас есть подобные друзья – благочестивая Зина и Павел – «неавантюрист», с его фальшивым послужным списком.

Печальнее же всего то, что, как подозревают некоторые лица, Павел и Зина действуют не без благословения Епископа, хотя-бы и косвенного.

Теперь разумеете на кого Вы оставили нашу бедную Епархию и меня. Я очень скорблю! ||

Сегодня тоже новость. (18/IX) В члены Епархиального Совета назначается А. Щербов и будет нашим Казначеем. Кто-же будет секретарем? [–] спросил я. Ответ: П. Медведев. Я невольно заявил: Это значит, что мне приходится уйти из Епарх[иального] Совета. Тогда Еп[ископ] стал распространенно говорить о примирении (у меня же никогда не было какого либо столкновения с Медведевым), о том что мне нужно свысока смотреть на Павла, что для меня унижительно считаться с его выходками, что он человек необразованный и проч[ее]... Когда я сказал Епископу о случае с почтой, то он сказал: да, я приказал отменить распоряжение Гурия, ибо Павел дол<о>жил, что Гурий, уезжая в Москву сделал указанное распоряжение. Тогда я об'яснил, что арх[имандрит] Гурий сделал данное распоряжение, уезжая не в Москву, а в Фергану и следовательно поступил правильно, и выходит, что Медведев солгал и дал материал для разговоров на почте.

В самом деле не проще ли было, и правильнее-бы было сказать мне, и я сам просил-бы почту направлять корреспонденцию по старому адресу.

Все это ничего не обещает хорошего в будущем! Епископ, Павел и Щербов! мне остается или уйти, или взять на себя непосильный труд посещения канцелярии ежедневно, и работать самому там (конечно если мне еще позволят). В первом случае – тяжело бросить Епархию мною организованную и сохраненную, а во втором – разные столкновения и склоки и в конце концов, все равно уход.

Все что я до сих пор пишу похоже на сплетни, пишу их без радости, зная, что и Вам оне не доставят удовольствия. А вот сейчас будет серьезное, которое я (с радостью о Вас) констатирую: сдавая вчера остав<ленны>я Вами деньги, я впервые познако-||мился с нашей кассовой книгой⁷ (далее идет мое Григорьево «приветствие собственно», как у Ап[остола] Павла в 1^м послании гл. 16, ст. 21⁸) и это дало мне мысль закончить это письмо краткой историей нашей Епархии с финансовой ее стороны.

Начиная с 3 Сентября 1943 г., дня прибытия в Ташкент Епископа до 1 Марта 1945 г., дня организации Епарх. Совета и Вашего вступления в состав оногo, в Епархии не только не было кассовой книги, но не существовало даже и Епископской Канцелярии, в собственном смысле этого слова. В течении указанных 6 месяцев, еп. Кирилл управлял Епархией вместе с о. Медведевым без этих стеснительных обуз. Обеспечив свое содержание зачислением себя в причтовую кружку Собора, на священническую долю, Епископ оставил за собой и бесконтрольное распоряжение всеми поступающими денежными взносами на содержание Епархии и Патриархии от церквей Епархии. Сколько за этот период времени поступило денежных сумм от церквей Епархии, как оне расходовались и где оне находятся – для всех нас – это

неизвестно, а поступило их не менее 200 000 руб[лей]. Известно лишь, что на содержание Патриархии не было ничего выделено; на организацию Поместного Собора, [на] поездку Епископа на Московское предсоборное совещание⁹, на поездку делегатов на Собор было мной отпущено из средств Собора¹⁰ 77 000 руб.

За период же Вашего участия в управлении Епархией организована была Канцелярия епархиальная, появился в ней делопроизводитель, приобретена была пишущая машина, появилось жалование секретарю, членам Епарх. Совета, делопроизводителю и проч[им], а так же и кассовая книга (с которой я имел удовольствие впервые познакомиться), через которую за Ваши 6 месяцев проведено около 200 000 руб., впервые выслано на содержание Патриархии 50 000 руб. и мне оставлено Вами еще 46 000 руб. И как старейший по службе в Средней Азии и как || «председатель Епар[хиального] Совета» (хотя бы в кавычках) я почитаю своим долгом *urbi et orbi*¹¹ утверждать, что организатором Управления Ташкентской Епархии был досточтимейший о[тец] Архимандрит Гурий.

23/IX. Продолжаю письмо. Вчера же я получил письмо Парийского¹² Вам адресованное, вскрыл и прочел. Я уверен, что Вы простите мне это, зная, что мной руководило не простое любопытство, а тем более не «восхищение быть равным Вам»¹³, а интерес служебного характера, так как мне было известно содержание Вашего письма Парийскому и то, что Вы ожидали от него в ответном письме.

Отдаю должное этому мудрому письму. Оно может быть добрым руко[во]дителем на жизненном пути, не только для начинающих этот путь, но и для довольно искушенных жизнью. Только с фразой: «какое нам дело до Брицких [и] Кирилловых?», я не могу примириться. Ведь дело не в Брицких и Кирилловых – вообще, а в лицах, приставленных по Божьему ли изволению или попущению (все равно) к делу великому и святому, строению церковной жизни, хотя бы и в такой ничтожнейшей Епархии как Ташкентская. Позволительно ли христианину быть равнодушным к тому, как они совершают дело Божье. Разве слова Апостола в Послании к Ефессянам, гл. 5, ст. ст. 11, 12 и 13¹⁴ не должны касаться «аскетически возвышенного, идеального образа ученого монаха, духовного руководителя, глубокого проповедника»?.. Прочитав письмо Парийского я раздумал посылать Вам это письмо, но 24 Сентября, я наткнулся в Канцелярии на рапорт о. Сеницына о Самарканде, лежавший в Канцелярии под спудом. И взыграло сердце во мне, и решил, будь, что будет – послать Вам и это письмо, и рапорт Сеницына и свой рапорт Кириллу, а главное свои наиболее искренние и горячие пожелания Вам исполнения Ваших чаяний, самых желанных, самых дорогих для Вас. Неизменно уважающ[ий] и любящ[ий] Вас /*прот. Гр. Брицкий*/

Е.В.¹⁵ кланяется Вам. Всегда вспоминает.

АТЕУ, оп. 1 л/д, д. 47, лл. 22–23об.

¹ Первая половина письма написана почерком Е.В. Бахваловой, видимо, под диктовку о. Григория.

² Об уполномоченном А.И. Степанове см. в вводной статье (Прим. 10).

³ Возможно, речь идет о некоей Зинаиде Максимовой, связь с которой приписывали не так давно овдовевшему о. Павлу Медведеву.

⁴ *Сергий (Ларин Сергей Иванович; 1908–1967)* – в 1944 г. последний обновленческий епископ Ташкентский и Среднеазиатский. После перехода в Патриаршую Церковь – архиепископ (с 1961 г.). Был известен крепкими связями с государственными структурами и органами полицейского надзора.

⁵ О вражде между прот. Гр. Брицким и архиеп. Лукой (Войно-Ясенецким) см. во вводной статье (BC, XLI).

⁶ *Лозовой Иоанн Емельянович, протоиерей (1881 – после 1944)* – в 1904–1907 гг. служил в Астаре (Астрабад) и православных церквях прикаспийского побережья Ирана. С 1907 по 1937 гг. – в Тифлисе (Тбилиси); с 1927 г. возглавлял русские приходы в Грузинской Православной Церкви в сане протопресвитера. В 1937–1942 гг. находился в заключении в Северо-Уральском лагере. В 1942/43–1944 гг. – прямой представитель обновленческого первоиерарха митрополита Александра Введенского в Средней Азии. В марте 1944 г. был присоединен к Патриаршей Церкви через покаяние. Возможно, после 1944 г. проживал в Тбилиси.

⁷ С этого момента письмо продолжается почерком самого протоиерея Брицкого.

⁸ 1-е Кор. 16,21: «Мое, Павлово, приветствие собственноручно».

⁹ Поместный Собор Русской Православной Церкви 1945 г., на котором был избран патриарх Алексей I (Симанский). Предсоборным совещанием прот. Григорий, скорее всего, называет Архиерейский Собор 21–24 ноября 1944 г.

¹⁰ В данном случае – из средств Александро-Невского кладбищенского храма, который в 1944–1945 годах выполнял функцию кафедрального собора.

¹¹ Лат. «и граду и миру» – т.е. заявить во всеуслышание.

¹² *Парийский Лев Николаевич (1892–1972)* – в 1944–1945 гг. секретарь патриарха Алексея I (Симанского); бухгалтер Московской Патриархии (1944–1945).

¹³ Парафраз слов ап. Павла: *Ибо в вас должны быть чувства, какие и во Христе Иисусе. Он, будучи образом Божиим, не почитал хищением быть равным Богу...* (Флп. 2, 5-6). Это место имеет ярко выраженное христологическое содержание и традиционно трактуется как указание на равенство между Иисусом Христом (Сыном Божиим) и Богом Отцом. В контексте такого понимания данных стихов парафраз прот. Брицкого может быть истолкован как недопустимая профанация.

¹⁴ Ефес. 5, 11-13: *Облекитесь во всеоружие Божие, чтобы вам можно было стать против козней диавольских; потому что ваша брань не против крови и плоти, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесных. Для сего примите всеоружие Божие, дабы вы могли противостать в день злый и, все преодолев, устоять.*

¹⁵ Екатерина Васильевна Бахвалова.

4. Письмо от 8 октября 1945 г.

1945 г. 8/X Дорогой о. Гурий, мой возлюбленный брат!

Сегодня я получил от Вас письмо. «Завершенного» (выражение Ваше) в нем ничего нет, ни касательно Вас лично, ни касательно Ташкентских дел, ни касательно моей особы, но каждая строчка письма дышит такой личной расположенностью Вашей и ко мне и к судьбам нашей Епархии, и в тоже время, такой Христианской личной Вашей настроенностью по отношению к собственной судьбе (выраженной в четырех словах: «ну, что Бог даст!»), что принесло мне (это письмо) много утешения и духовной радости. Сердечно благодарю Вас!

Дела Епархии идут все хуже и хуже. Безпрерывно совершаются назначения, переводы, награждения и проч., о которых я узнаю лишь *post factum* и то случайно. При Вас я все-таки кое-как осведомлялся, а главное был спокоен, что каких либо особо грубых нарушений церковных правил и требований справедливости не будет, теперь-же все во власти и ведении Кирилла и Павла. Первый, находясь в явной прелести, думает, что он управляет Епархией, если не по закону, то по «благодати», а второй, как Вам не безызвестно, просто плут. Со времени Вашего отъезда мне не

была показана ни одна бумага, поступившая в канцелярию. Вы пишете о трех: одна о Самаркандском деле, другая о незаконных награждениях, и третья о бесплатном проезде делегатов в Москву. С первой я случайно познакомился (там есть резкая резолюция Патриарха) и вынужден сейчас хранить молчание, о последних двух ни я, ни делопроизводитель ничего не слыхали. Почта вскрывается Павлом и Епископом при закрытых дверях, вдвоем обсуждается и разрешается. Мария Александровна выдворена теперь с своей [пишущей] машинкой в кухню и об этих бумагах ничего не знает, чувствуя к себе полное недоверие. Она не делопроизводит[ел]ь а просто писмоводитель или конторщица. Вчера Епископ спросил меня, нельзя ли ее зачислить в список служащих при Соборе на 1000 р[ублей] содержания из средств Епархии? А Павел возбудил вопрос об исключении М[атушки(?)] Екатерины из списка служащих при Епархиальном Совете. Принципиально я тут же согласился обеих зачислить в штат Собора, хотя, как это оформить еще не обдумал. Тенденция господствующая в планах и действиях нашего «полного Начальника Епархии»¹, кажется довольно обрисовывается...

Кстати, о бесплатной поездке делегатов на Поместный Собор. || Почему бесплатный? Ведь, из церковных средств [Кафедрального] Собора² специально на этот предмет я выдал 30.000 рублей?

Вот наши Епарх[иальные] дела. Подумайте какие мы члены Епарх[иального] Совета, можем быть советниками своему Епископу, не зная ничего, что делается в Епархии, не зная лиц, которыми восполняются кадры ея священнослужителей и новооткрываемых молитвенных точек? Зачем тогда эти Епарх. Советы? Впрочем, для таких недоумений дают основания и некоторые правила нашего второго Пом[естного] Собора³. В §26 говорится, что Архиерей управляет при содействии Епарх. Совета, в §27, что Епарх. Совет подготавливает к Архиерейскому решению дела, направляемые для этой цели в Совет Архиереем. Значит только эти последние дела должен и может знать и обсуждать Епарх. Совет.

На первом поместном Соборе⁴ эти вопросы были более подробно регламентированы. Не даром и Ваш Друг в письме которое я Вам переслал⁵, удивляется, что в нашей Епархии есть какой-то Епарх. Совет и какой-то Председатель.

Вы знаете слабости нашего Епископа. Его безмерное тщеславие, его любовь к рекламе (я не могу забыть сказанную мне им фразу: «откройте мне Госпитальную Церковь и я так Вас срекламирую, что Вам будет все возвращено, ведь Вы знаете, как я умею рекламировать»), удобопреклонность его к лести, приношениям и проч., а в особенности к славе, как источника всякого милосердия [и] милостей (конечно не за свой счет, а за счет Церкви) и как водворителя мира среди всех. Предо мной 5^й выпуск святителя Феофана⁵. В одном из писем, говоря о милости, которая нарушает закон и справедливость Святитель замечает: «такую милость надо батогами бить, милость должна срастаться с истиной» стран[ица] 230. И действительно мы видим, какой развал идет в Епархии от милостей нашего «благостного» Владыки. И при всем || этом находящегося во власти невежественного, но хитрого мужика, Павла Медведева и в окружении группы кликуш.

Для руководства в управлении Епархией Епископу нашему недостаточно одних постановлений 2го Помест[ного] Собора, а необходимы более точные и частые указания и инструкции сверху⁶.

Вот я опять разошелся. И для меня это во вред и Вас утомил.

Я понимаю какое трудное задание пало на Вашу долю. Главным образом – подбор монашествующих и в такое время! Старые монахи, видевшие разные монастыри, испытывавшие разные уставы и впитавшие в себя разные воз[з]рения на монашество! Как трудно сплотить их в «братию»! найдутся среди них <и> претендующие учить Самого Игумена! А молодежь откуда возьмешь?.. Хорошо, если-бы Вы смогли стать ближе к Бог[ословскому] Инст[итуту] и там найти небольшое ядро для своей общины, ядро воодушевленное идеей истинного монашества, Вам вверившееся, отдавшееся, преданное. Будет Вам тогда на ком опереться, и облегчилась-бы Ваша задача.

Хорошо было-бы и по Московским Церквам провести св. агитацию о монашестве, значении его в религиозной жизни, и в жизни нашего Отечества и о новом его возрождении. Да, предстоят Вам великия труды и великия волнения. Но раз это воля Божия, то она будет всем во благо, а Вам в особенности, ибо новая история Знаменитой Лавры будет связана с Вашим Именем. Жена еще рождает и придет час ея скорбит-мучается, а когда родит не помнит скорби от радости...⁷

Что еще написать Вам?

Платона Ивановича еще не видел и не знаю приехал-ли он из Москвы. Возбудил дело о прописке М[атушки(?)] Марии, но сейчас она не приходит, говорят болеет. М[атушка(?)] Катерина || была раза три, то за углем, то за Вашим письмом, по-видимому здорова и добра и как всегда кротка. «Зина», узнав о Вашем назначении, торжествует: «я говорила, что не бывать Гурию епископом, также и Брицкому несдобровать». Ясно они думают, что донос их дошел по назначению. Павел и Зина думают, что только Епископ руководится благодатью, а почта действует только по закону, но благодати нельзя ставить пределы, и на почту она может простираť свои действия и не допустит ее всякую пасквиль возить (чти и разумей)⁸.

В Москву выехал некто Павлов Николай к экзамену в Богос[ловский] Инст[итут]. Вы его знаете по Церкви. Через него я к Вам послал пакет. Он будет ждать Вас в гостинице «Москва», [номер] 528. Как-бы не затерялся пакет!

Ал[ександр] Иван[ович]⁹ и О. Олимп[ьевна]¹⁰ вспоминают Вас с любовью. Последняя даже с клятвой дала обет, что если Вы будете возвращены в Ташкент, она выедет на вокзал встретить и привести Вас в Епархиальной машине. А значит сие то, что Вы оставили о себе хорошую память в Ташкенте, а у меня лично <и> у Екатерины Вас[ильевны] – в особенности, и вместе с этим и надежду, что Вы не забудете нас, хотя бы изредка в своих св. молитвах¹¹ помянуть.

Любящий Вас и сердцем преданный
прот. Гр. Брицкий

АТЕУ, оп. 1 л/д, д. 47, лл. 24-26.

¹ Намек на первый параграф «Положения об Епархиально-Административном управлении Ташкентской и Средне-Азиатской Епархии», где было прямо указано, что «Преосвященный Епископ Кирилл является полным начальником епархии» [курсив наш – Р.Д.].

² В данном случае – из средств Александро-Невского храма.

³ Имеется в виду Поместный Собор Русской Православной Церкви 1943 г., на котором был избран патр. Сергей (Страгородский). Примечательно, что прот. Брицкий продолжает по привычке считать прошедшие на тот момент Поместные Соборы РПЦ согласно обновленческой манере – первый и второй. В 1923 и 1925 годах обновленцы провели два Поместных собора, которые мыслились ими как продолжение чрезвычайного по своей важности Всероссийского Церковного Собора 1917-1918 годов. По этой причине обновленческие соборы громко именовались Второй Поместный и Третий Поместный. После ликвидации обновленческого раскола эти съезды «живоцерковного» духовенства потеряли какую-либо юридическую силу. Но обыкновение нумеровать Соборы у о. Григория, по всей видимости, осталось даже после перехода в Патриаршую Церковь.

³ Всероссийский Церковный Собор 1917-1918 гг.

⁴ Возможно, здесь имеется в виду Л.Н. Парийский (см. коммент. 13 к письму 3).

⁵ По всей видимости, протоиерей Брицкий ссылается на пятый выпуск «Собрания писем» свят. Феофана Затворника, издававшегося с 1898 по 1901 гг.

⁶ «... а необходимы более точные и частые указания и инструкции сверху» – быть может, о. Григорий намекает на пиетизм владыки Кирилла.

⁷ Слегка славянизированный пересказ Ин. 16,21: *Женщина, когда рождает, терпит скорбь, потому что пришел час ее; но когда родит младенца, уже не помнит скорби от радости...*

⁸ Намек на то, что у прот. Брицкого хватило связей для того, чтобы перехватить донос прямо на почте.

⁹ Ал. Иван. – возможно, Александр Иванович Степанов.

¹⁰ Неустановленное лицо.

¹¹ До этого места письмо написано почерком Е.В. Бахваловой, после него – приписано рукой прот. Г. Брицкого.

5. Письмо от 26 февраля 1946 г.

Ваше Высокопреподобие
О. Архимандрит Гурий.

Прошу Вас не откажите в нижеследующей моей просьбе.

Я решил наконец после многомесячных тяжких дум обратиться с частным письмом к Протопресвитеру о. Н[иколаю] Колчицкому¹ или даже к Самому Святейшему Патриарху с описанием всего, что происходит в нашей Епархии.

Произвол, неумение управлять и личные недостатки Епископа Кирилла ведут епархию к развалу...

Но прежде чем в Патриархии будет получено мое донесение, я прошу Вас в экстренном порядке представить Святейшему или о. Протопресвитеру копии двух приказов Епископа и то «представление», которое Ему сделано было Церковным Советом по содержанию этих приказов и которое Он со свойственным Ему упорством отверг.

Я обращаюсь к Вам официально.

Вы знаете Епархию, знаете Епископа и знаете меня. И хотя материал представленный при сем Вам с внешней стороны кажется убогим, но для Вас он достаточно ясно свидетельствует о характере управления епархией нашим Епископом. Исполнением моей настоящей просьбы Вы сможете предотвратить ту разруху в церковной жизни Ташкента, какую уже испытали Самарканд, Сталинабад², Ленинабад³ и др.

Я думаю, что Вы обязаны это сделать.

Я прилагаю еще и письмо полученное на мое имя от Благочинного Таджикской || Республики о. Голубовского, мысли которого и настроение, как мне точно известно, разделяют Благочинный Самаркандского округа о. Килячков, прот. П[етр] Княжинский, Благочинный Тур<к>менской Республики прот. С. Попов и Настоятель Кокандского Храма свящ[енник] П. Соколов.

Примите уверение в моем к Вам уважении и преданности и просьбу Ваших
Св. Молитв.
Прот. Гр. Брицкий

26/II [- 19]46 г.

Приложение к письму 5. Записка прот. Брицкого

Дорогой о. Гурий. Теперь пишу нечто секретное: Письмо Голубовского, б[ыть] [может], Вы найдете неудобным лично передать о. Протопресвитеру, а потому я вкладываю его в отдельный конверт с присоединением двух бумажек, относящихся к растратам в Самарканде и Сталинабаде (это по поводу телеграммы о. Протопресвитера). Голубовский встревожен поднятым вопросом и просит меня послать в Патриархию мой рапорт Епископу об этой растрате. Другая бумажка от Килячкова, написанная на имя Епископа, в ответ на запрос высказаться, как Благочинный о телеграмме Протопресвитера. Епископ ждал от Килячкова другого ответа, согласно устного наставления, переданного ему через свящ[енника] Дерябина. Дипломатический ответ Килячкова не удовлетворил его, а потому не может быть использован так, как хотелось Епископу. Я же теперь очень занят письмом к Патриарху. Очень неприятно и тяжело. А тут еще столкновение Церк[овного] Совета и Епископа из-за общей кружки!

Скажите, что я могу предпринять против Медведева?

Любящий Вас /*прот. Гр. Брицкий*/

АТЕУ, оп. 1 л/д, д. 47, лл. 33–33об, 27.

¹ Колчицкий Николай Федорович (1890–1961), протопресвитер – управляющий делами Московской Патриархии с 1941 по 1956 годы.

² Ныне Душанбе (Таджикистан).

³ Ныне Ходжент (Таджикистан).

6. Письмо от 11(?) марта 1946 г.

Дорогой о. Гурий!

Свершилось то, чего даже я, так хорошо изучивший еп[ископа] Кирилла – не ожидал. Указом от 27/II я отстранен от настоятельства. В сущности, это событие есть именно то, для которого вся предшествующая работа еп. Кирилла, его мечты, стремления – есть одно лишь приготовление, в особенности со времени, когда <он> убедился, что безнаказанно прошло для него столкновение с Вами. Если он Вас, Наместника Патриаршаго, победил, тогда кто воспрепятствует ему уничтожить обновленца Брицкого, от чего удерживал только страх перед неизвестными последствиями. Победа же над Вами окрылила его. И вот теперь в храме, который по справедливости должно признать моим созданием, настоятельством о. Панков, которого Епископ вчера, в неделю Православия¹, приветствовал как «Богом данного ему (епископу) настоятеля», возведя его со всем торжеством в Протоиереи.

Епископ спешит. Он – «поспевает»². И время выбрал когда Патриархия говеет, и оттуда одно молчание на д[в]е телеграммы о. Колчицкому. Молчат и от Карпова³. Торопят со сдачей имущества: Только что ушел от меня Панков. || Удалив меня и назначив Панкова, Епископ достиг своей цели – овладел и храмом и первую неделю и Нед[елю] Православия⁴ служит в моем храме. Так, успешно разрешился и вопрос об общей кружке братской – отсюда следует и общая церковная кружка.

Уже об'явили о том, что опять будут говеть на 4^й неделе⁵ в таком же порядке, как в прошлом году, т[о] е[сть], питание одной просфорой и св[ятой] водичкой, ночлег в храме накануне причастия и проч. И просил об'явить всем, всем об этом... и его желание, чтобы побольше народу участвовало в его молитв[енном] подвиге.

Я унижен, оскорблен...

И какая хитрость, увертливость! Он и все его сторонники где возможно твердят, что [он] любит меня, что Владыка скорбит, сочувствует мне, что я наказан за то, что не оказал почтительности Патриарху, и д[а]ется туманный намек, [что] якобы не он || а Патриарх наказал меня. Он предпринимает даже паломничество ко мне, как [к] больному... Какое издевательство, какая наглость!

А Патриархия молчит.

Когда же конец?

Неужели и мне собирать подписи?⁶ или же навсегда замолчать?

Что касается Медведева, то он использован, как показатель беспристрастия Епископа. Но сегодня он ключарь Собора, а завтра настоятель Собора или Кладбищенского Храма. Это так!

Не найдется ли возможности своими силами помочь мне в этом деле. Ведь и несправедливо и обидно!

Ваш /*прот. Гр. Брицкий*/

1946 г.

11[?]/III Сегодня посылаю письмо Патриарху.

Посылается протест и от Церк[овного] Совета.
Посылаю и Вам телеграмму об ускорении в Патриархии дела.
Каждый день и час – смерти подобен.

АТЕУ, оп. 1 л/д, д. 47, лл. 34–35.
Рукопись. Подлинник

¹ Брицкий фактически сообщает о том, что возведение свящ. А. Панкова в сан протоиерея состоялось во время богослужений первого воскресенья Великого поста. В это воскресенье после литургии совершается чин Торжества православия, установленный в Византии в IX в. в память победы над иконоборчеством. Отсюда и название праздника – Неделя Торжества православия.

² Прозрачный намек на фамилию еп. Кирилла – Поспелов.

³ Карпов Георгий Григорьевич (1898–1967) – первый председатель Совета по делам Русской Православной Церкви при Совете Народных комиссаров/Совете министров СССР (1943–1960).

⁴ Т.е. еп. Кирилл провел в Александро-Невском храме богослужения первой седмицы Великого поста и службы Недели Торжества православия, которыми эта седмица завершается.

⁵ Т.е. на четвертой (Крестопоклонной) седмице Великого поста.

⁶ Намек на укоренившуюся в советское время традицию составлять открытые письма и петиции в органы государственной власти в защиту того или иного лица, сопровождая их многочисленными подписями сочувствующих лиц.

7. Письмо от 19 марта 1946 г.

Дорогой мой о. Гурий

Вчера, 18 Марта, по настоятельному требованию Епископа я сдал храм и все его имущество новому настоятелю о. Панкову, которого тотчас же Епископ возвел в протоиереи. Это тот Панков, который в Янги-Юле настоятельствовал вместе со своей женой – церковной старостой, и не принимал ни диаконов, ни псаломщиков, ни даже свящ[енника] Константинова, посылаемых ему Епископом [*неразборчиво, возможно* в помощники]. Теперь Панков оказался достойным заменить меня.

Я сдал храм по совету А.И. Степанова. Церковный Совет противился. Подана была телеграмма Карпову. Но ответа не было, А.И. Степанов уверяет, что дня через 2-3 – я получу все обратно, и я сдал храм.

Я сдал храм обновленный снаружи и внутри и снабженный всем необходимым. Я сдал 150 000 р[ублей] наличными, 383 к/г свечей и тысяч на 6-7 молитв, венчиков, крестиков¹. Всего на сумму около миллиона рублей.

Так как из Канцелярии Епископа усердно распространялась клевета о том, что <я> безконтрольно хозяйничаю и делались намеки на злоупотребления – то все были поражены и невольно замолкли...

В день сдачи, 18 Марта, провожал одного члена Церк[овного] Совета, у ворот Кладбища, я остановился и оглянулся. И предстала пред моим взором моя стройная, беленькая церковь, как белая лебедь среди весенней листвы деревьев². И сердце мое сжалось больно. Ведь это мое создание. На всем лежит печать моих забот и трудов. || И кому все это досталось?

Епископу обуянному тщеславию, жадностью, лицемерием, для самовосх[в]алений о своей молитвенности, постах, добродетелях и проч[ая].

Завладеть моим храмом была его давняя мечта, которую он даже не скрывал. Мечта приобрести машину и поочередно служить в двух храмах. Этим и вызваны были его два указа: об объединении двух приходов и братских кружков. И вот Брицкий явился противником. Надо его сместить и назначить более послушного, а поводов для этого легко найти, ибо льстецов и мастеров темных дел достаточно. И вот совершилось...

Я сказал, что мне больно было 18 Марта взглянуть на мой храм. Но еще больнее стало когда я стал размышлять о всем свершившемся. Как ложь, лицемерие, коварство смогло так нагло восторжествовать. Неужели так легко в Пр[авославной] Русской Церкви унижить, оскорбить, удалить священнослужителя 76-летнего, после 54 лет беспорочной службы? ...

В отношении ко мне даже игнорировано [элементарное] правило правосудия *audictur ex altera pars*³. Никаких обвинений епископ не представлял <мне> и рапортов Медведева и Константинова⁴ не показывал, а удостоил лишь присылкой своего Указа, который одновременно выслал и в Патриархию, которая в свою очередь, тоже не выслушав меня приняла [его] к сведению. Ну а если <епископ> впал в сумасшествие и продолжает править, что тогда делать? Невольно пожалеешь о прежних консисториях и их секретарях, о Синоде и его обер-прокуроре. Были гарантии правосудия...

А тут еще Епископ, пробывший 13 лет в лагерях, и без проверки и испытания прямо из лагеря получивший кафедру. Епископ, <о> котором [неразборчиво, возможно недавно, еще в] 1944 году архиеп[ископ] Алексей Куйбышевский⁵ в своем || докладе на имя Свят[ейшего] Патриарха отзывался так: «в Актюбинске пребывает священник Леонид Поспелов неопределенного направления»⁶. И при всем этом настоящая прелесть, которую льстецы всячески усугубляют в нем.

Я знаю историю Церкви, знаю правила Вселенских [Соборов], девяти поместных Соборов и Св. Отцов Церкви. Много земного праха приставало к Св. Церкви, на ее жизненном пути, много бывало печальных фрагментов в ее Истории, но никогда Она не поощряла, а отвергала самодержавный произвол в епископате и отвергала всякую «прелесть», как грех, а управление душами верующих с помощью интуиции, как нарушение канонов Церкви. Непогрешимость распоряжений и действий епископов *ex cathedra* Церковью отвергнуто⁷.

Еще два слова: Как мог наш Епископ впасть в такое искушение? Здесь бы следовало проделать не малый психологический анализ, несомненно отрицательных качества его в потенции были у него <и> до лагерей, в которых они достигли высокой остроты, но я ограничусь указанием на два факта, какие сыграли решительную роль в моем личном деле, а именно:

1) Событие с Вами. Оскорбление Патриаршего наместника, оклеветание его, меры, которые Епископ предпринял для этого – прошли для него безнаказанно. От этого пострадала церковная жизнь Епархии, пострадал сейчас я, пострадал и сам Епископ ибо обуяла и его гордость и «прелесть», что Сам Бог за ним. Если с

Вами можно было ему так поступить, то значит, все можно || ему в укрепляющем Иисусе Христе⁸.

Судите же, дорогой брат, доброе ли дело [*неразборчиво, возможно сделал*] тот, кто в Вашем деле удержал карающую руку над Кириллом?

2^й факт, придавший в моем деле уверенность и дерзость Кириллу – это убеждение его, что я в опале в Патриархии. Он и распоясался.

Но довольно. Я сам не знаю, зачем я это все пишу и что такое пишу. Еще меня интересует, сами то Вы читали ли в чем меня обвиняет Епископ и читали ли мое объяснение[?].

Ради Господа, не сердитесь на меня за небрежность сего письма и не откажите в святых своих молитвах.

Ваш /прот. Гр. Брицкий/

1946 г. 19/III

АТЕУ, оп. 1 л/д, д. 47, лл. 29–30.

¹ «Молитвы» – в данном случае листочки бумаги с напечатанным текстом «Молитвы разрешительной, от иерея над преставившимся чтойой»; в конце отпевания молитва по этому листочку читается священником над умершим (что видно из ее названия), а затем кладется в гроб. *Венчик* – небольшая полоска бумаги с отпечатанными на ней священными изображениями и надписями; по русской православной традиции возлагается на лоб умершего после опрятаия и положения во гроб. *Крестики* – в данном случае имеются в виду и нательные кресты, и небольшие крестики, также по православной традиции, влагаемые в руки покойных. Молитвы разрешительные, венчики и похоронные крестики, как правило, являются стабильной принадлежностью православных похорон и обязательно продаются при кладбищенских церквях.

² У прот. Брицкого употребление именно такой формы существительного «деревьев», по-видимому, связано с регулярным использованием (или же чтением) Синодального перевода; ср., например, следующее евангельское место: *Множество же народа постилали свои одежды по дороге, а другие резали ветви с дерев и постилали по дороге* (Мф. 21, 8).

³ «Выслушаем другую сторону» (*лат.*).

⁴ Рапорты прот. Павла Медведева и священника Петра Константинова послужили формальным поводом для отстранения прот. Брицкого от настоятельства.

⁵ Архиеп. Алексей (Палицын) весной 1944 г. по поручению патр. Сергия (Страгородского) посетил Ташкентскую епархию, в то время охватывавшую четыре республики Средней Азии и Казахскую ССР. По результатам этой поездки он составил подробный отчет, на который, по всей видимости, и ссылается прот. Гр. Брицкий.

⁶ Прот. Леонид Поспелов (будущий еп. Кирилл) в 1943–1944 годах проживал в г. Актюбинск после своего освобождения из Казахстанских лагерей. «...неопределенного направления» – т.е. не то обновленец, не то староцерковник.

⁷ Прот. Григорий намекает на не признанный Православной Церковью догмат о папской непогрешимости (или безошибочности), принятый Римско-Католической церковью на I Ватиканском соборе (1869–1870). В тексте этого догмата утверждается, что Папа Римский, выступая *ex cathedra* (с кафедры – *лат.*), т.е. как учитель Церкви, не может ошибаться в вопросах веры и морали.

⁸ См. слова ап. Павла: *все могу во укрепляющем меня Иисусе Христе* (Флп. 4,13).

8. Письмо от 17 апреля 1946 г.

Дорогой о. Гурий

Я пишу Вам, когда у нас еще оплакивают страдания Спасителя, когда Виновник жизни висит бездыханным на древе крестном и когда я сам к Его Кресту устремил свои скорби, ища им оправдание и находя его в том, что если Господь, лучший из всех – бывших и грядущих – был муж скорбей и страдал до смерти, то жизнь в печали есть неизбежная доля человека, то скорбь не только законна, но и священна...

А тут еще грядет светлое Воскресение. Событие и самое исторически достоверное и самое радостное в мире от дня грехопадения первых людей. Событие, ставшее дверью, через которую стал виден свет бесконечности, делающее нас богатыми, сильными, счастливыми, дающее определенные цели жизни, дающее им опору, смысл, устойчивость и уверенность в окончательной победе добра над злом и правды над неправдой и жизни над смертью.

Посему св. Апостол и призывает: Радуйтесь всегда о Господе... всегда в молитве и прощении с благодарением открывайте свои желания пред Богом, и Он, Бог мира, будет с вами. Он близок. Только, братия мои, помышляйте о том, что истинно, что честно, справедливо, чисто, любезно, достославно, что добродетельно и похвально. И мир Божий, который превыше всякого ума, соблюдет сердца ваши и помышления во Христе Иисусе. Аминь. (Филиппийцам 4 гл. 4-9)¹.

С праздником Воскресения Господа нашего Иисуса Христа поздравляю Вас, мой возлюбленный брат, крепко обнимаю и братски целую. Христос воскрес!

Примите также мое приветствие и отуважающей Вас Е[катерины] В[асильевны]. Просим усердно Ваших святых молитв.

Прот. Гр. Брицкий.

17/IV 46 г.

АТЕУ, оп. 1 л/д, д. 47, л. 41.

¹ Близкий к тексту пересказ Флп. 4,4, 6-9: *Радуйтесь всегда в Господе... Не заботьтесь ни о чем, но всегда в молитве и прощении с благодарением открывайте свои желания пред Богом; и мир Божий, который превыше всякого ума, соблюдет сердца ваши и помышления ваши во Христе Иисусе. Наконец, братия мои, что только истинно, что честно, что справедливо, что чисто, что любезно, что достославно, что только добродетель и похвала, о том помышляйте. Чему вы научились, что приняли и слышали и видели во мне, то исполняйте; и Бог мира будет с вами.*

9. Письмо Е.В. Бахваловой от 17 мая 1946 г.

Ваше Высокопреподобие
Глубокоуважаемый о. Гурий.

Я решилась беспокоить Вас этим письмом, в надежде, что Вы поймете всю серьезность и значение причин, побудивших меня к этому и не только простите меня, но, б[ыть] м[ожет], не откажете и исполнить мою просьбу.

Уже более 2 месяцев о. Григорий переживает то унижение и оскорбление, которым поверг [его] еп. Кирилл на 57 году его непрерывного и безпорочного служения¹. До сих пор он переносил это с удивившей всех нас бодростью, веря в торжество правды. Но последняя бумага из Патриархии о том, что дело его отослано на «отзыв» тому-же еп. Кириллу, который в настоящем деле, сам, является одной из тяжущихся сторон и как обвинитель и даже, как судья, уже представивший свой приговор с нарушением всех элементарных правил судопроизводства т.е. не только без предварительного дознания, но даже без предварительного опроса самого обвиняемого – сразу сразило его. Исчезла вера в церковное правосудие. Он пал духом, лишился остатков бодрости. ||

Пред одним вопросом стоит он теперь. Это вопрос: есть-ли эта бумага «последнее слово» Патриархии по его делу или, б[ыть] м[ожет], только один лишь формального характера акт, недостающий Патриархии для постановления этого «последнего слова»?

В первом случае вывод один – немедленно отойти от церковного служения, а во втором – видится еще какая то надежда, а следовательно и мотив к дальнейшей борьбе за правду. А где правда, то никому так ближе к ней не известно, как Вам о. Гурий.

Вы знаете дела нашей Епархии, знаете еп. Кирилла и знаете о. Григория.

Вот почему я и пишу Вам. И кроме того Вы знаете порядки Патриархии в отношении судопроизводства и сможете раз[ъ]яснить нам смысл данной бумаги, что собственно в данный момент и требуется для о. Григория, т.к. это связано с вопросом о заштате².

Я знаю, что последнее для него будет иметь печальное || последствие, б[ыть] м[ожет, грозящее] некоторым духовным самоубийством, и потому я все скудные свои моральные средства напрягаю к удержанию его от этого шага³, в том числе и [через] это обращение к Вам:

не найдете-ли Вы у себя несколько бодрящих слов для него?..

В Надежде на это последнее, а также и на Ваши Святыя молитвы – остаюсь уважающая Вас грешная Екатерина /Бахвалова/

Ташкент Н[ово-]Базарная 42
Екатерина Васильевна Бахвалова
17/V 46 г. ||

Р.С. Только, что закончила Вам письмо, приходит о. Григорий от Епископа и принес «отзыв», который от него требует Патриархия, что и прилагаю Вот Вам «отзыв»⁴.

Черчилль назвал когда-то Гитлера «Маньяком», чем же трезвее и разумнее, как администратор наш еп. Кирилл?

Простите, спешу
отнести письмо с воздушной оказией⁵.

АТЕУ, оп. 1 л/д, д. 47, лл. 42–43об

¹ Если служение в сане прот. Брицкого и было почти непрерывным, то характеризовать его как беспорочное довольно трудно; особенно если принять во внимание активное участие о. Григория в обновленческом расколе.

² «... связано с вопросом о заштате» – в данном случае Е.В. Бахвалова использовала не вполне грамматически верное выражение, обозначающее увольнение (почисление) за штат священнослужителей епархии. Такое увольнение не сопровождается временным лишением священнических правомочий (так. наз. запретом) и не является препятствием к переходу в другую епархию.

³ Можно предположить, что говоря о «духовном самоубийстве», Екатерина Васильевна намекала на появившееся у прот. Григория, в порыве отчаяния, желание отказаться от сана.

⁴ По всей видимости, Е.В. Бахвалова приложила к письму копию отзыва еп. Кирилла от 14 мая 1946 г. (см.: цитацию данного документа в тексте вводной статьи).

⁵ «Воздушная оказия» – в данном случае возможность передать письмо с одним из пассажиров, следовавшим в Москву авиарейсом.

10. Письмо к иером. Иоанну (Вендланду) от 4 августа 1946 года

4/VIII 46 г. Дорогой отец Иоанн!

Моя первая усердная просьба: помогите мне уяснить, насколько это будет возможно для Вас, мое положение в Патриархии.

Уже 6^й месяц, как по решению еп. Кирилла, я лишен настоятельства за проступки, исчисленные в его Указе.

Пусть эти поступки несмехотворны, как Вы однажды выразились, пусть даже Патриархией оне признаны очень серьезными, а мои контр-возражения легковесными и внимания незаслуживающими, но оне (возражения) представлены в виде жалобы Высшему начальству на неправильное решение низшей [власти], а потому требуют окончательного разрешения Высшей с непременным уведомлением о сем заинтересованных сторон.

Я же до сих пор ничего не знаю о своем деле. Почему?

Или дело это до сих пор еще не решено (с чем я еще могу примириться), или решения епископов, основанные ли оне на законе или на «благодати» вообще не подлежат обжалованию, или сообщать о своих решениях жалобщикам не принято в Патриархии, хотя бы в числе последних || находились 77-летние старцы и священ-

нослужитель с 55-летним служебным стажем. Это было бы очень странно, даже страшно, если принять во внимание параллель: В Советских песнях, не признающих Бога, поется: «старикам у нас почет», а в церковной организации, где именем Бога [*неразборчиво, возможно* проповедуют]: «почти лице старого»¹ – презрительное молчание.

Далеко я теперь отстою от Епарх[иальных] дел, но как бывший работник, не могу умолчать о них и ограничиться все *pro domo suo*!²

Не хорошо долгое отсутствие архиерея, в особенности если управление Епархией находится в руках ставленн<и>ков еп. Кирилла, продолжающих его политику, и ревностно [*неразборчиво, возможно снова повторяется* продолжающих] ее. Нехорошо, что Канцелярия, созданная «дедушкой» и пишущая машинка, так же «дедушкой» приобретенная – все в их руках. Там штаб-квартира для изготовления доносов, частных писем и проч., направленных против того же «дедушки». Кто управляет [всем этим]? Щербов, Покровский, Панков³, во главе с Чоглаковой[(?)].

Произвольно на себя я мог только взять смелость написать в Самарканд, (Княжинскому), Фергану, Коканд, Фрунзе⁴, Сталинабад, || Ашхабад, лично от себя просьбу к дню приезда «дедушки» явиться в Ташкент, чтобы встреча была по возможности внушительно-торжественная. Это требуется.

Я облюбовал дом для «дедушки». В покойной местности (не далеко от костела⁵), о 6 комнатах, с [*неразборчиво ...приенным(?)*] садом и видом на Салар⁶. (Коларовск[ий] тупик). Машина обещана. Деньги большие, но мы их найдем, чтобы «дедушка» имел все удобства для спокойной и вместе продуктивной работы. По всему этому: «Дедушка» необходим. Не медлите с приездом. Епархия и мы все заждались. Промедление – смерти подобно.

Пр[*неразборчиво*]
/прот. Гр. Брицкий/

АТЕУ, оп. 1 л/д, д. 47, лл. 44–45.

¹ Славянский вариант Лев. 19, 32: *Пред лицом седого вставай и почитай лице старца, и бойся [Господа] Бога своего...*

² Латинское выражение *pro domo mea (sua)* обозначает «для себя; в личных интересах; в защиту своих дел». Используя его, о. Григорий хотел сказать, что поднимает вопрос о епархиальных делах, т.к. не желает ограничивать содержание письма только своими личными проблемами.

³ Прот. Гр. Брицкий упоминает членов второго состава Епархиального совета: протоиереев Венедикта Покровского, Александра Щербова (избранного уже после его устранения от настоятельства) и Алексия Панкова – нового настоятеля Александро-Невского храма. Последнее имя прот. Григорий, по-видимому, включил в данный список ошибочно, вместо третьего члена Совета – прот. Павла Медведева.

⁴ Ныне Бишкек (Киргизстан).

⁵ Костел (или польский костел) – недостроенная католическая церковь. Строительство костела началось в 1911 г. трудами каноника Юстина Бонавентура Пранайтиса (1891–1917), но так и не было доведено до завершения. В 1939 г. ташкентский католический приход был закрыт, а здание костела было передано государственным учреждениям. В наше время, в отреставрированном и перестроенном виде, он имеет статус кафедрального собора, являясь богослужебным центром Апостольской администрации католиков Узбекистана.

⁶ Салар – один из каналов Ташкента.

Туркестан

Главы из воспоминаний «По волнам жизни»

Публикация, предисловие и примечания Татьяны КОТЮКОВОЙ

Сегодня мы располагаем достаточно обширной мемуарной литературой, посвященной описанию Туркестанских походов 1860–1880 гг. Воспоминаний, посвященных Туркестану конца XIX – начала XX веков, известно значительно меньше*.

Среди них мемуары выдающегося русского астрофизика Всеволода Викторовича Стратонова занимают особое место. Они создают «эффект присутствия», полного погружения в события, происходившие более столетия назад. Первое ощущение при чтении их – недоверие. Разве может человек, спустя годы, помнить такую массу деталей и не ошибаться ни в фамилиях, ни в отчествах? И невольно начинаешь сомневаться, перепроверять, искать опровержение или подтверждение написанному Стратоновым, забывая, что он был выдающимся ученым и как никто другой понимал, что окружающий мир состоит из эмоций, деталей и мелочей...

Вот поезд, стоящий на станции Геок-Тепе всего 20 минут. Стратонов запомнил эти 20 минут на всю жизнь, а еще пассажиров, бегущих через рельсы к музею Ахал-текинского сражения, а затем обратно. Удивительно, но один из современников В.В. Стратонова, редактор ашхабадской газеты «Закаспийское обозрение» К.М. Федоров отмечает ту же деталь: «В общем нельзя не пожалеть, что этот интересный музей находится не в Асхабаде, а на станции Геок-Тепе. Пассажирские поезда на этой станции, во всяком случае, не будут стоять более 20 минут, а в это короткое время решительно нет никакой возможности сколько-нибудь внимательно осмотреть музей»**.

* См.: Щапов Н.М. «Я верил в Россию...» Семейная история и воспоминания. – М.: Мосгосархив, 1998; Татищев А.А. Земли и люди. В гуще переселенческого движения (1906–1921). – М.: Русский путь, 2001; Васильчиков И.С. То, что мне вспомнилось... – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2002; Барятинская М. Моя русская жизнь. Воспоминания великосветской дамы. 1870–1918. – М.: Центрполиграф, 2006; Лопухин В.Б. Записки бывшего директора департамента Министерства иностранных дел. – СПб.: Нестор-История, 2009; Чиркин С.В. Двадцать лет службы на Востоке. Записки царского дипломата. – М.: Русский путь, 2007; Варенцов Н.А. Слышанное. Виденное. Передуманное. Пережитое. – М.: Новое литературное обозрение, 2011, и др.

** Федоров К.М. Ахал-Текинская экспедиция 1880–1881 гг. Геок-Тепинский бой. – Асхабад: Электронпеч. К.М. Федорова, 1904. С. 31–32.

Воспоминания Стратонова «По волнам жизни» состоят из двух частей и описывают жизнь различных регионов Российской империи с последней трети XIX века по 1916 г. В первой части воспоминаний есть раздел «Туркестан». С ним мы и предлагаем познакомиться*.

Всеволод Викторович Стратонов родился в 1869 году в Одессе, в семье директора классической гимназии. Детство провел в Екатеринодаре. В 1886 году поступил в Новороссийский (Одесский) университет, в 1891 году окончил его и в течение последующих лет был астрономом Одесской и Пулковской обсерваторий. В 1895 году он приехал в Туркестан и стал первым гражданским сотрудником Ташкентской обсерватории.

Дело в том, что Пулковская обсерватория получила два однотипных астрографа для участия в международной работе по составлению «Карты неба». Один из астрографов предполагалось установить в Пулково, а другой – в Ташкенте, где с 1874 года существовала обсерватория, принадлежавшая военному ведомству. Для работы на сложном приборе была специально учреждена должность астрофизика, на которую и был приглашен Стратонов. Директор обсерватории, военный геодезист Д.Д. Гедеонов, при поддержке начальника Военно-топографического отдела штаба Туркестанского военного округа С.И. Жилинского (в ведении которого находилась обсерватория), предоставил астрофизику полную автономию. Так, даже заведующий обсерваторией не имел права входить в башню или в лабораторию без согласия Стратонова.

Десятилетие работы Всеволода Викторовича в Ташкенте стало самым плодотворным периодом его научной деятельности, а кроме того – началом астрофизических и звездно-астрономических работ в Ташкентской обсерватории. За это время на астрографе было получено более 400 снимков неба и небесных объектов; Стратонов исследовал структуру и движение звездных скоплений, туманностей и созвездий, доказал зависимость скорости вращения Солнца от широтного пояса. Используя ясное и прозрачное ташкентское небо, он при фотографировании звездных скоплений и туманностей применял многочасовые экспозиции, порой в течение нескольких ночей**.

Столь напряженная работа, особенно по ночам, не могла не сказаться на здоровье. В 1904 году из-за болезни глаз Стратонов оставил работу астронома и переехал на Кавказ, где служил чиновником для особых поручений при наместнике, а в 1911 г. открыл собственный банк. В 1910–1917 годах на свои средства Стратонов издал несколько работ по астрономии, одна из которых, иллюстрированное изда-

* Публикация подготовлена в рамках проекта РФФИ № 17-01-00504 «Воспоминания В.В. Стратонова “По волнам жизни” как источник по истории Российской империи и Советской России (научное комментирование)». Полный текст воспоминаний В.В. Стратонова «По волнам жизни» готовится к публикации в московском издательстве «Кучково поле».

** См.: Селиванов С.М. Шестьдесят лет Ташкентской астрономической обсерватории // Мироведение, 1936. Т. 25, № 2. С. 115–120; Щеглов В.П. История Ташкентской астрономической обсерватории Академии наук Узбекской ССР // Труды Института истории естествознания и техники. 1955. Т. 5. С. 337–380; Булаевский Н.Ф. Заметки из истории Ташкентской астрономической и физической обсерватории // Историко-астрономические исследования. 1987. Вып. 19. С. 325–340.

ние «Солнце», получила в 1914 году премию Русского астрономического общества. В 1918 году Стратонов занял должность профессора Московского университета. В 1918–1920-х годах состоял научным консультантом Наркомпроса. Осенью 1918 года Стратонов в числе некоторых других видных ученых вошел в состав организованного в Москве по указанию Наркомпроса комитета, который занимался сбором оборудования и научной литературы для создаваемого в Ташкенте Туркестанского университета.

В августе 1922 года Всеволод Стратонов был арестован за организацию забастовок профессоров МГУ, направленных против вмешательства властей в деятельность университета. В октябре того же года его выслали из РСФСР*.

Покинув Россию, Стратонов поселился в Берлине. Здесь он организовал Русский научный институт, чтобы помочь детям русских эмигрантов продолжать обучение, а ученым – научную деятельность. В 1923 году переехал в Прагу, где жил и работал до конца своих дней. Читал научно-популярные лекции в Чехословакии, а также в Литве, Латвии и Эстонии; сотрудничал с Русским национальным университетом в Праге**.

В последние годы жизни Стратонов обрабатывал свои наблюдения над планетой Эрот, выполненные еще в 1900–1901 годах в Ташкенте, готовил к печати лекции по общей астрономии... 6 июля 1938 года ученый скончался в Праге. Он похоронен на Русском кладбище в Ольшанах***.

Машинопись воспоминаний Всеволода Викторовича Стратонова хранится в архивном собрании Дома русского зарубежья имени А. Солженицына в Москве, куда она была передана в 2005 г. Е.М. Стратоновой (Ф. 74. Оп. 1. Д. 1). Помимо текста воспоминаний, в собрании Дома русского зарубежья в фонде В.В. Стратонова есть его личная печать, карандашный портрет и 37 фотографий.

* См.: *Иванова Л.В.* Формирование советской научной интеллигенции (1917–1927 гг.). – М.: Наука, 1980.

** См.: *Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века. Энциклопедический биографический словарь.* – М.: РОССПЭН, 1997. С. 603–605.

*** См.: *Svoboda J.* Vsevolod Victorovich Stratonov // *Rise hvezd.* 1938. № 7. С. 172–174.

Глава первая

ПЕРЕЕЗД В ТАШКЕНТ

Зачем опять мне вспомнился Восток!
Зачем пустынный вспомнился песок!
Зачем опять я вспомнил караваны!
Зачем зовут неведомые страны!
Зачем я вспомнил смутный аромат
И росной розы розовый наряд!

К. Липскеров¹

В море

В Азию! Казалось, что отрываемся от родного, привычного... В море. Наступает что-то новое... И это новое начнется за бутыльно-зеленым Каспийским морем.

Вот оно, это море!

Порт в Баку заполнен пароходами. Они, однако, нам, привычным к пароходству на Черном море, кажутся какими-то шхунами, а не пароходами. Один из самых маленьких – его звали «Князь Барятинский»² – должен нас доставить туда, на Восток.

Выползла эта шхуна из Баку. Моросит дождик, сыро. Грустные, безотрадные картины! Мертвая морская пустыня, редко-редко вблизи берегов болтается на зыби одинокое суденышко... Кренит его влево, вправо, и снова: лево-право. Берега окрестностей Баку безлесны, скалисты и точно прокопчены нефтью.

Валясь со стороны на сторону, медленно режет наш старик «Барятинский» волны Каспия.

– Пожалуйста обедать!

Маленькая кают-компания, два сервированных столика. В стороне стол, обильно заставленный разными напитками и всевозможными закусками. Гмм, здесь, по-видимому, кормят неплохо...

Появляется капитан:

– Милости прошу, господа, закусить!

Пассажиры усердно налегают на закуски, довольные щедростью буфетчика. Увы, вышла ошибка. Гурманы думали, что все это угощение с возлияниями идет в счет уже оплаченного с билетом продовольствия. А на другое утро подали им довольно грозные особые счета «за закуски и напитки».

Среди пассажиров – ксендз и православный священник. Поострили над дурным предзнаменованием: быть непогоде! Ради шутки, усадили их за столом рядом. Ксендз, начисто выбритый, бойкий, светский – блеснул в разговоре начитанностью и воспитанностью. Военный попик выглядел рядом с ним совсем жалко: лохматый, понурый, с семинарским выговором... К тому же плохо справлялся с вилкой и ножом.

Качка заметно усиливается. Ох, уж это духовенство... К середине перехода – мало кто на ногах. Из кают доносятся неблагозвучные последствия укачивания и стоны.

Много раз впоследствии переплывал я Каспий, и только два или три раза это проходило без ощутительной качки. Удивительно беспокойна середина этого моря!

К утру беспокойная тряска стала стихать. Когда смогли выйти на палубу, перед глазами уже разворачивались прибрежные отмели. А вдали виднелись берега – песчаные, пустынные, низкие, без малейшего признака растительности. Только песок да камень!

Но зато все залито ярким жгучим солнцем!

– Вот она, Азия!

«Барятинский» подходил к главному, тогда нашему порту азиатского побережья Каспия, к Узун-Ада³.

Узун-Ада и Красноводск⁴

Это был какой-то странный каприз большого полководца М.Д. Скобелева⁵ – создание порта Узун-Ада!

С победителем не спорят. Слава покорителя туркмен была в апогее, и со Скобелевым согласились, когда он потребовал создания на пустынном берегу этого искусственного порта. Скобелев пренебрег Красноводском, а это сравнительно неплохая природная гавань. К тому же он имел уже за собой и долголетний портовый стаж и состоял из порядочного уже поселка.

Взамен этого на пустом, не населенном берегу стали, буквально из ничего, воздвигать порт. И уже отсюда известный «строитель-генерал» Анненков⁶ быстро повел через пески и пустыни чудо техники того времени – Среднеазиатскую железную дорогу⁷.

В ту пору порт Узун-Ада действовал уже несколько лет.

Пароход идет между безжизненными – или они только кажутся такими – островами и песчаными отмелями. Глазам больно от солнечных лучей, которые отражаются песками и каменистыми равнинами. В порту стоит несколько грузовых пароходов и стая парусников. Длинные деревянные мостки пристаней.

«Князь Барятинский» ошвартовывается. И на него вдруг хлынула с берега толпа мундирных людей – аристократия поселка.

Приход два раза в неделю почтово-пассажирского парохода для местного населения – событие. Это – вся его связь с внешним миром. Приходит почта, проезжают дальше на восток новые лица, а часто встречаются и старые знакомые. Они возвращаются в Среднюю Азию с ворохами новостей и впечатлений.

Это – живые свидетели того, что делается там, в России. То, что здесь, только с трудом может быть принимаемо также за Россию...

На пароходе можно местным властям вкусно поесть и выпить. В Узун-Ада торговли, в сущности, нет; разве [что] непрехотливые лавчонки для солдат и персов-чернорабочих.

Немногочисленные нотабли⁸ порта спешат заполнить уже приготовленные для их приема в кают-компаниях столы и вкусно чавкают бутербродами со свежей икрой, запиваемой водкой и кахетинским вином.

У нас же – забота о доставке громадного багажа – приданого молодой жены – на вокзал.

– Где же здесь извозчики?

Смеются:

– Какие же в Узун-Ада извозчики? Возьмите «амбалов»!

Амбалы – чернорабочие-персы, которые применяются для переноски на своей спине тяжестей и багажа.

Несколько черномазых усатых персов – в барашковых шапках или с повязанной грязными тряпками головой – взваливают на спины наши сундуки и корзины. Согнувшись почти под прямым углом, они выстраиваются караваном. Приходится маршировать по деревянным мосткам. Идти прямо по дороге – ноги увязают в песке. Тем более нельзя нести по песку тяжести. Идем по мосткам уже минут двадцать.

– Где же, наконец, вокзал?

– Да вот он, господин!

Пред нами длинные деревянные бараки, около которых несколько рельсовых путей.

Идем осматривать город Узун-Ада.

Город... Кроме деревянных зданий вокзала, еще небольшое число таких же деревянных бараков: для маленького гарнизона, для транспортных контор и для квартир частных лиц. Это, в сущности, и весь город.

Растительность?... Встречаем только несколько кустов саксаула.

Выходим за город – погулять по рельсам. Сейчас же за портовой территорией начинается песчаная пустыня. Сколько хватает глаз, тянутся холмики и холмы песка. От песчаной дали тянет знойным сухим воздухом и несет мельчайшей пылью. Она оседает на одежде, ее привкус чувствуется во рту.

Безотрадно, точно преддверие ада!

Грустно становится:

– Вот и Азия! Неужели все так пойдет и дальше... Не сделали ли мы ошибки? Не вернуться ли обратно в Европу?..

Трудно было тогда предугадать, что потом, до глубокой старости, я буду постоянно видеть Ташкент во снах и несбыточно мечтать о возвращении в Среднюю Азию.

Пустой и безлюдный вокзал в утренние часы – ведь все начальство ушло угощаться на пароход – к концу дня стал заполняться.

Отсюда поезда отправлялись во внутрь страны только два раза в неделю, в дни прихода парохода. Это – событие, разнообразящее вокзальную жизнь. На платформе играет военный оркестр, и по деревянным мосткам вдоль поезда разгуливает молодое население порта: писари, конторщики, жены и дочери военных чинов и коммерческих служащих, сказочно разрядившиеся для такого случая, и несколько молоденьких офицеров.

Более пожилые провожают наш поезд по-своему. Об этом свидетельствует густо заставленный бутылками столик на вокзале и несущиеся оттуда пьяные возгласы.

Видеть Узун-Ада в последующие годы более нам не пришлось. Трудности содержания этого искусственно созданного порта были настолько очевидны и так

велики, что он под конец был упразднен. Вскоре все здесь было бесследно занесено песком.

Портовым городом на восточном берегу Каспия снова стал Красноводск. Несколько сот домиков – одноэтажных, часто с плоскими крышами – лепятся на каменистых берегах залива. Растительность и здесь жалкая – кусты и деревца саксаула.

Драгоценное растение песчаной пустыни! Почти единственное, могущее существовать в песках без летнего орошения. Кусты и деревца саксаула – корявого и изогнутого вида – достигают иногда в высоту даже нескольких метров. Ветви безлистные, но вечно зелены, наподобие хвой. Цветение – лиловыми кистями. Растет саксаул очень медленно; толстые кусты и деревца насчитывают за собой столетия. Дерево этого короля пустынно-песчаной флоры очень твердо – тяжелее воды. Оно весьма хрупко, горит превосходно. Поэтому столь ценное для пустыни растение нещадно уничтожается на топливо.

В центре Красноводска красуется изящный вокзал, а у входа в него разбит сквер, конечно, засаженный саксаулом. Внизу, под террасой вокзала, рельсовые пути и железнодорожные строения.

Главным минусом городка был в то время недостаток воды, особенно ощутительный при горячем летнем солнце. Был, правда, устроен в Красноводске опреснитель, но тогда почему-то он плохо действовал.

Городок был по преимуществу административным центром. Торговля – лишь слабая. Главная же деятельность сосредоточивалась около вокзала. Здесь скоплялся и находил себе работу многочисленный люд. Сюда, между прочим, стекались и людские отбросы как из России, так и из Персии.

У нескольких деревянных пристаней стояли пять-шесть грузовых пароходов да десятков парусных шхун.

Жгуче-жарко и безотраднo! Но все-таки много лучше, чем в Узун-Ада.

Закаспийская степь

Тотчас же по выезде из Узун-Ада попадаем в настоящее море песка. Песчаные холмы тянутся, сколько хватает глаз. Точно мгновенно застывшее море!

Мнимо застывшее... При ветре эти «барханы» – песчаные холмы – передвигаются. Песчинка за песчинкой сносятся со старых и образуются новые холмы. А старые растаяли, как будто передвинулись на другое место. И на скатах передвижных песчаных волн ветер разрисовывает застывшую на время песчаную зыбь.

Моей мечты подобие – Восток,
Моей тоски подобие – песок!

Передвигающиеся песчаные холмы – бич для железной дороги. Холм за холмом надвигаются на рельсовый путь, и надо бороться с этими песчаными заносами.

С ними борются и не без успеха, – так же, как борются с заносами снежными: обсаживают полотно по сторонам растениями – все тем же бесценным саксаулом. И часто из боков надвинувшегося бархана бывают видны ветки затопленного песком этого стойкого деревца.

В ту пору в Туркестане начали опыты взращивания в песках и некоторых других растений, помимо саксаула. Опыты были обнадеживающие; чем кончилось, мне неизвестно.

К утру мы выехали из песчаного моря. Поезд несется по бедной растительностью степи. Она выгорает летом, но сейчас, в конце марта, ярко зелена. К югу тянется цепь безлесных каменистых гор – граница Персии. Красные горные породы – точно перед глазами ландшафт Марса, видимый в могучий телескоп.

Зато – что за веселые оазисы на больших железнодорожных станциях, где есть вода! Солнце весело заливает светом рощицы, в которых тонут станционные здания. Точно в другой мир попадаешь. И особенно наслаждаешься свежей родниковой водой.

И снова безлюдная степь. Лишь кое-где, среди убогой зелени, белеют, точно отрезанные полушария, юрты туркменских кочевников с пасущимся на траве их скотом. Да порой еще по унылой степи пройдет на лихом туркменском коне статный всадник в громадной барашковой шапке.

Эти места – арена недавних в ту пору еще боев. По безлюдной и безводной степи здесь шли войска Скобелева – покорить беспокойных туркмен.

Подъезжаем к Геок-Тепе⁹, столь памятному своими боями. Взятие русскими войсками этой крепости прикончило самостоятельность туркменских народов: ахал-теке и мерва.

Громадная площадь на равнине обнесена полуразвалившимся уже валом. Но кое-где, для памяти, вал этот реставрирован.

Так это и есть грозная туркменская крепость?

Здесь, за высокими глиняными стенами, скопилось несколько десятков тысяч населения – мужчин, женщин и детей, – искавших в крепости последнего прибежища, страдавшего, голодавшего и беспомощно погибшего при обстреле. Защищали крепость мужчины, почти сплошь вооруженные только холодным оружием: ружей у туркмен было сравнительно мало, из артиллерии же – старинная, столетняя английская пушка, да еще пара каких-то подобий орудий. Защитники крепости проявляли действительные чудеса храбрости, беззаветного фанатического героизма, когда отстаивали свое последнее убежище... Врывались почти голыми по ночам, с кинжалами в руках, в солдатские окопы, гибли массами, но вырезали при этом в траншеях русские зазевавшиеся роты. Невольно преклоняешься перед совершенно исключительным героизмом и любовью этих людей к своей выжженной солнцем родине.

Нет причины уменьшать и доблести русских солдат, осаждавших Геок-Тепе. Их героизм возбуждалось преимущественно их малочисленностью, вызванной в свою очередь скудостью денежного ассигнования на экспедицию. В Петербурге вопрос об экспедиции был поставлен экономически: минимум ассигнований, а следовательно, и минимум отправленных войск. Рекордный минимум предложил М.Д. Скобелев, и он разрешил стоявшую перед ним задачу. Но сколько из-за этой самой экономии было принесено в ненужную жертву с обеих сторон жизни! Сам же Скобелев утверждал:

– Азиатов надо бить по воображению!

Все же, хотя и значительно уступавшие числом, русские войска были несрав-

ненно лучше вооружены технически, а руководил ими полководец, стяжавший себе ореол непобедимости.

Позже около станции Геок-Тепе устроили музей в память этой Ахалтекинской экспедиции¹⁰. Поезд стоял на станции 20 минут, и пассажиры устремлялись через рельсы бегом к музею, бегло его осматривали, а затем вскачь неслись обратно к поезду.

Столица Закаспийской области – Асхабад¹¹, в простом народе переименованный в «Аскабак». Привокзальное предместье – домики с плоскими крышами и дворы, почти лишенные растительности. Унылое впечатление! самого города, впрочем, от вокзала не видно.

На вокзальной платформе медленно, с достоинством, расхаживают туркмены. Что за рослый, красивый народ! Громадные папахи, темные халаты, шашка на перевязи. Туркмены кажутся настоящими орлами. Рядом с ними наши солдаты, в белых рубахах и красных, по туркестанской форме, брюках, – выглядят, точно цыплята.

Потом поезд снова утонул в море песков, еще более ужасном, чем поглотившее поезд возле Узун-Ада. Не сладкое место для жилья – те небольшие станции, что разбросаны в этой части железной дороги! По доброй воле здесь не всякий согласится жить. И действительно, персонал таких станций состоял, кажется, только из одних солдат железнодорожного батальона. Здесь нет даже воды: она развозится по линии особыми поездами, с водяными баками на платформах.

Вот где пришлось высоко оценить поездной вагон-ресторан! Правда, этот вагон несколько не напоминал роскошные салоны-рестораны европейских скорых поездов. Небольшой вагон, часть его отделена под кухню, в остальной – во всю длину стол, покрытый клеенкой... Мест за столом недостаточно, приходится ждать очереди; кто уж попадет, не хочет уходить!

Пески, наводящие уныние на душу, постепенно сходят на нет. В воздухе ощущается след влаги. Степь кое-где зелена, а дальше – покрывается травой.

Подъезжаем к Амударье.

Потянулись сады и огороды Чарджуя¹². Минувя городок, въезжаем на железнодорожный мост.

Удивительнейший мост! Весь деревянный, он тянулся на несколько верст... Амударья – река капризная. Она часто меняет свое ложе. Нередко и случалось, что мост вдруг оказывался не над рекой, а над сушей, а река отходила от моста в сторону, на новое ложе. Это заставляло расширять мост. Так он и растянулся на необычайную длину.

Драгоценный мост надо было тщательно беречь. Поезда двигались по нему черепашьим шагом. А чтобы шальная искра от паровоза не наделала пожара, повсюду расставлены бочки с водой, и по мосту расхаживают часовые.

Позже этот мост был заменен железным и уже более коротким.

Бухара

Теперь едем Священной Бухарой¹³ – «Бухара-аль-шериф». Пустынная степь, – она сменяется в местах, куда доходит вода, цветущими оазисами.

Куда доходит вода... Край этот орошается Зеравшаном. Но прежде чем дойти до Бухары, река орошает Самаркандскую область¹⁴. Зеравшан – громадная река! В другом месте она представлялась бы крупной водной артерией, но здесь она по пути тает, распределяясь на множество каналов – «арыков»: главных – магистральных, второстепенных, еще более мелких и т.д. Зеравшан орошает по пути громадные районы, которые без его воды затвердели бы, как камень, в туркестанское бездождное лето. Вода же их делает очень плодородными; чем ближе к Бухаре, тем более исчерпывается по пути, веерообразными системами арыков, запас драгоценной влаги и отдельные рукава – арыки сходят на нет в бухарских степях.

В Самаркандской области развилось садоводство и разные культуры, требующие обильного орошения. Это больно ударило по Бухаре. Воды по пути стало расходоваться более, чем раньше. Поэтому в Бухаре многие места, до которых раньше вода доходила, более не орошаются. Даже из поезда можно видеть эти засохшие теперь русла арыков.

Вот и столица Бухары! Она, однако, во внимание к религиозной косности бухарцев, была оставлена в стороне, в восьми верстах от линии, а поезд останавливается на станции, называвшейся «Каган»¹⁵. По-бухарски, может быть, это название имеет хорошие основания, но для русского уха оно звучит типичной еврейской фамилией.

Здесь, в Кагане, называвшемся еще и «Новой Бухарой», выстроен русскими инженерами прекрасный дворец для бухарского эмира¹⁶, в восточном стиле. Затея этой эмир не противоречил и дал на нее средства, но сам от жизни в новом дворце в те годы уклонялся. Дворец пустовал, и лишь сторожа показывали его проезжим пассажирам.

Как слитно-многокрасочен Восток!
Как грустен нескончаемый песок!
Как движутся размерно караваны!
Как манят неизведанные страны!

На вокзале полно народу. Бухарская толпа бьет в глаза пестротой красок. Кажется, все цвета радуги представлены на ситцах широких бухарских халатов! Попадаются и белые чалмы – отличие благочестивых бухарцев, съездивших в Мекку на поклонение гробу пророка.

Попадаются и женские фигуры. Лица скрыты под сеткой – фаранджой¹⁷. А костюм – точно чехол на памятнике. Однообразные темно-серые ткани. Воображение разыгрывается: «Что за красotka скрыта под ревнивой фаранджой?».

Мелькают в толпе и типичные еврейские лица. Это – бухарские евреи. Они в темных халатах, перевязанных по талии платком. Здесь, в Бухаре, за столетия их образовалась значительная колония. Они считались долгое время гражданами низшего сорта. Им не позволяли прежде ездить на лошадях, а только на ослах. Бухарские евреи обязаны были опоясываться не иначе, как веревкой, – символ права для благочестивых мусульман повесить на этой самой веревке любого еврея... Но время шло, торговали евреи хорошо, и из их среды повыходили миллионеры и вообще самые богатые люди в Средней Азии.

«Бухарский еврей» стало потом синонимом богача.

Кое-где в толпе мелькают бедные, нищенские фигуры русских переселенцев.

По широким степям Бухарского ханства часто попадаются деревни – «кишлаки». Уныло выглядят эти кишлаки – сплошная глина! Вообще глина – преобладающий здесь строительный материал. Усадьбы отгорожены высокими глиняными оградами – «дувалами»; внутри – глинобитные сакли, крыши на них плоские, залитые глиной и т.п.

Встречаются караваны верблюдов. Впереди, верхом, «караван баши», глава каравана. Один за другим медленно выступают верблюды, с тюками грузов на горбах. Позванивают подвязанными на длинной шее колокольчиками и медленно поворачивают к поезду свои головы с большими и всегда жалобными глазами.

Верблюды в караване связаны между собою в одну цепь. Сквозь ноздри покорного животного проткнута палочка с веревкой, прикрепленной к седлу впереди следующего верблюда. Варварский обычай протыкания палочкой ноздрей верблюдов был позже туркестанской властью запрещен: заведены были веревочные уздечки.

Далекий караван, бредущий в степи, приподнят иногда степной рефракцией¹⁸. И тогда кажется, будто верблюды движутся в воздухе...

Три дня едем уже мы нашим поездом. Утомились, запылились. Наступает, однако, конец железнодорожному пути. Приближаемся к последней тогда его станции, к старинному, прославленному Самарканду¹⁹; дальше придется ехать на почтовых.

Прорезываем кольцо окружающих Самарканд садов. Куда же девались пески и пустыни? Здесь настоящий рай – море садов! Вот она – роль искусственного орошения.

Самарканд

Этот первый из встретившихся крупных туркестанских городов производит на европейца необычайное впечатление.

Город – масса садов и масса глины. Кривые улицы и лабиринт переулков – сплошь из глинобитных заборов – дувалов. Из-за дувалов уходят в небо высочайшие тополя. Таких высоких тополей, как в Туркестане, видеть мне нигде не приходилось. Лёссовая почва, что ли, для них так благоприятна? Садят их обыкновенно вдоль арыков, и они быстро, стрелообразно возносятся в высоту. Куда же перед ними малороссийские тополя... Карлики!

Здесь тополя идут на постройки, в качестве балок. Обсадить арыки молодыми тополями и вырастить их для коммерческой цели считается делом выгодным. Сверху туркестанский город выглядит, точно еж, ошетилившийся иглами-тополями.

Будто петухи на насесте, сидят на дувалах, на корточках, чернобородые и даже седобородые «бабаи»²⁰, сарты²¹. В широких, опоясанных платочком разноцветных халатах, иные в белых чалмах, большинство в расшитых пестрыми узорами маленьких остроконечных тюбетейках, покрывающих бритые головы.

Сарты не привыкли сидеть на скамьях, а тем более на стульях. Усаживаясь на корточки, чувствуют себя отлично и вполне при этом отдыхают. Сидя на дувалах, развлекаются жизнью улицы²².

А улицы туземного Самарканда – пусты, движение ничтожное.

Изредка проедет с грузом сартовская арба – двухколесная повозка, с высокими, метра два в диаметре, колесами. Благодаря такой величине колес арбы не вязнут глубоко в глинистом болоте, в которые обращаются в период осенних или весенних дождей немощенные дороги и улицы.

Возница – «арбакеш», сидит не в арбе, а на лошади. Но сидит совсем особенно, опять точно на корточках, и упирается ногами в оглобли у самого хомута. Кто их знает, почему такая поза для арбакешей удобна; должно быть – следствие многовековой привычки и приспособленности.

Арбакеш и сидящие на дувале обмениваются приветствиями:

– Ас-салам-алейкум!

– Алейкум-ас-салам!

Проезжают и всадники. Обыкновенно – по одному, иногда по два на одной лошади.

Сарты – превосходные наездники и с лошадьми обращаются мастерски. <...> При этом, в противоположность стройной посадке кавказских горцев, сарты ездят на лошадях сгорбившись.

Реже проезжают сарты верхом на ослах – «ишаках». <...>

Европейская часть Самарканда²³ сравнительно благоустроена. Широкие правильные улицы обсажены деревьями. Тротуары – с падающей на них спасительной в дневные часы тенью от насаждений. Много домов европейского образца... Но все же – пустынно, тихо.

Редко покажется на тротуаре одинокий прохожий. Еще реже проедет извозчий фаэтон. Живее только в центре, где сосредоточена торговля и где находятся административные областные учреждения.

Извозчик – в халате и войлочной серой шляпе – везет нас с вокзала в единственную тогда в Самарканде гостиницу. На другом фаэтоне – наш багаж. Еще на дороге мы сговариваемся с женой не поднимать наши сундуки и корзины на второй или высшие этажи гостиницы – где получим номер, а оставить их внизу, у швейцара.

Экипажи останавливаются у маленького одноэтажного домика, с двором и садом, – без всяких вывесок.

– Что такое?

– Тюрю²⁴ сказал: «Вези в гостиницу!» Привезли!

Извозчик стучит кнутом в дверь:

– Ой, одам! (эй, человек!)

Молчание.

– Ой, мала-ааай!

Издалека слышится:

– Ким келды? (кто пришел?)

– Яла кун! (отворяй!)

Через некоторое время из двери вылезает молодой сарт: белый халат, опоясанный цветным платком, на голове пестрая тюбетейка. Прикладывает руки к животу и кланяется «тюре», то есть «господину».

Он в гостинице – швейцар, лакей, горничная, комиссионер и все что угодно остальное. Такая прислуга называется «малай», фамильярнее – «малайка».

– Номера свободные есть?

– Только один, тюря. В саду!

– Ну, давайте! Несите вещи!

Малай оглядывается. К кому относится это распоряжение, даваемое во множественном числе? Ведь он – один. Мы еще не привыкли «тыкать», как здесь принято, сартов. Множественное число «вы» сарты тогда понимали буквально.

Повел нас малай через двор во флигель. Две скромно меблированные комнаты. Подал он самовар и принес, вместо хлеба, «сартовские лепешки».

Сначала мы к ним отнеслись подозрительно. Попробовали – вкусные! Они потом часто и с успехом заменяли хлеб.

Малай пожелал доброй ночи. Было девять вечера. В этот час здесь всё уже засыпало.

Надо затворять на ночь дверь. Что за чудо! Ни замка, ни даже простого крючка! Это нас смутило. Страна незнакомая. А вдруг ночью ограбят... Вот так гостиница!

Решили на ночь забаррикадироваться. По счастью, дверь открывается внутрь. Заставили ее столом, на него – стул, на край стула – пустые бутылки. Все – в едва устойчивом равновесии. Пусть кто тронет дверь, – все с грохотом рухнет! Возле себя – браунинг...

Ночь, конечно, прошла вполне благополучно. Честность туземного населения была в Туркестане в ту пору так велика, что крючки в окнах или замки в дверях не применялись.

Увы, впоследствии на наших же глазах, – все это стало изменяться...

Самарканд – город изумительных архитектурных памятников! Старинные мечети – еще эпохи Тамерлана и Улугбека. Тамерлан собирал мастеров в Самарканде со всей Азии: Индии, Китая, Персии, Аравии... И эти мастера и архитекторы понастроили в Самарканде изумительные мечети и мадрассе (так! – *Т.К.*). Они простояли без обычного ремонта ряд столетий. И это в стране, где постоянно происходят землетрясения!

Самарканд полон памятниками старины. Пережитки бывшего величия, когда на Самарканд были обращены взоры всей Азии.

Сердце Самарканда – его несравненная площадь Регистан²⁵. Сама площадь – торговый центр, базар. Полно людьми: «дикханы» (землевладельцы) привозят на лошадях и ишаках свои продукты; «усты» (мастера) выхваляют перед покупателями свои изделия; под навесами от солнца и на арбах – груды всевозможных товаров, нужных для потребления невзыскательных сартов. Пестрая и шумная площадь!

Квадрат же площади с трех сторон окаймлен величественными мечетями, с высочайшими, устремленными в небо минаретами. Шир-Дар (так! – *Т.К.*), Улугбек... Что за красота! Что за величие! Фасады и мечетей, и их минаретов разукрашены изразцами – белыми и голубыми. Много веков напрасно старалось солнце побелить нежные цвета изразцов, но спасовало. Так же ярки их краски, как и во времена создания мечетей.

На земле нету места грозней твоего Регистана,
На земле нету места его голубей и нежней!
Возле синих преддверий читают стихи из Корана,
Винограды лежат под копытами мирных коней.

Как священные арки сияют и тихо, и яро
Частым золотом звезд и извивами мудрыми слов!
Полустертые львы золотятся над входом Шир-Дара,
Улуг-Бек завернулся в павлиний узор изразцов...

Мечеть служит одновременно и «мадрассой» – высшей школой, духовной академией. Здесь профессора – «мудариссы» обучают религиозной мудрости студентов – «мулла-бачей». Во внутреннем дворе, точно в пчелиных сотах, виднеются в несколько ярусов кельи, в которых проживают будущие муллы. Двери в кельях открыты, и мы видим молодежь, сидящую, склонивши головы в чалмах, над книгами и таблицами.

Проводник ведет наверх по узкому винтовому ходу: массивные каменные ступени углублены – их стерли подошвы благочестивых людей за вереницу столетий... С отдельных террас открывается вид на Самарканд – море глинобитных строений, между ними свежая зелень только что распустившихся деревьев. Кое-где над ровным морем глины высятся минареты... И выделяется на фоне голубого неба своими зубьями уже разваливающаяся мечеть Биби-Ханым²⁶.

Там над городом Биби-Ханым наклонила руины.
О, царица мечетей, ты скоро поникнешь в пыли!
На громадах твоих вижу трещин широких морщины –
Начертанье неспешное круговращений земли;

Но толпа весела у твоих изнуренных подножий,
Возле каменных тлений растут, розовея, цветы.
И халаты шуршат, и кувшин покупает прохожий,
И верблюды идут, и скрипят на ослах хомуты...

Жена почувствовала усталость. Оставляем ее на одной из террас и с проводником поднимаемся выше.

Не совсем осторожно! Одинокaя молодая и нарядно одетая женщина привлекает к себе слишком большое внимание мусульманской молодежи. Из келий появляются фигуры молодых чалмоносцев в халатах. Собираются в группы, перешептываются... Наше возвращение заставляет их вновь вернуться к своим «зикрам» (духовным упражнениям).

– Силяу, тюря!

Проводник получает свое «силяу» – на чай. Теперь – к знаменитой гробнице Тамерлана²⁷.

Помню сумерки я. Небо было лилово и хмуро.
И на склонах пустынных устало прилег караван...
Полумесяц взошел и застыл над гробницей Тимура,
Над хранителем призрачной дремой окованных стран.

Величественный мавзолей, в персидском стиле. Высоко поднимает он свою шапку над окружающими гробницу также высокими деревьями. Мавзолей сохранился очень хорошо и бережно охраняется правоверными.

В верхней части мавзолея – группа мулл. Доносится:

– Кофир! (Гяур!)²⁸.

Взгляды – весьма мало дружелюбные.

Здесь, почти на уровне почвы, расположены памятники – гробоподобные каменные плиты. Они повторяют своим расположением настоящие гробницы, которые находятся уже в подземелье. Посередине – гробница самого Тамерлана, вокруг – его близкие и другие святые люди. <...>

Степь

Дребезжит старый тарантас под неумолчный сухой звон колокольников... На козлах киргиз²⁹, в нахлобученной на самый лоб серой шляпе с полями. На смуглом лице – узкие, в щелку, глаза; борода, точно клочок мочалки.

Тройка, загнанная частой ездой, с трудом тащит тяжелый экипаж по убийственной дороге.

Недавно прошли дожди. Почва только что подсохла, и грунтовая дорога обратилась в громадные колеи. Когда экипаж на них наедет или сойдет – встряхивает до боли.

– Осторожнее! Не наезжай на колеи вскачь!

Ямщик смотрит на нас с недоумением. С его точки зрения, эта тряска – обыкновенное дело.

Вот и Зеравшан. Он теперь широко разлился. Где же, однако, мост? Не видно и намека.

У берега стоит высокая сартовская арба, увидев нас, арбакеш поспешно взбирается на шею лошаденки и отчаянно хлещет ее. Арба устремляется в струи Зеравшана. Что же, он нас за разбойников, что ли, принял, что спасается в воду? Но за ним, не говоря ни слова, хлещет лошадей и въезжает в реку и наш ямщик.

Дело оказывается простым. Здесь – переправа вброд. Для указания брода и дежурит на берегу арба. За нею должны следовать почтовые экипажи.

Зигзаги по реке и извилины... Сильно встревоженные, мы не то стоим на месте, не то движемся. Лошадям вода по брюхо, иногда и выше. Что же нас не предупредили? Боимся за багаж, как бы он не принял ванны. Нет, определенно мы не стоим неподвижно: берег явно приближается.

Все сходит благополучно.

Сменяются станции за станциями. Изредка на козлах русский мужичок, из переселенцев. Но больше – киргизы.

Эти дети природы не знают условностей. Когда ямщику оказывается нужным – а это, благодаря тряске, случается два-три раза между станциями, – он останавливает лошадей, медленно сползает с козел, приседает у нас перед глазами на корточки и проделывает все то, что ему в данный момент повелевает сделать природа.

Сначала я возмущался этой бесцеремонностью, кричал на ямщиков... Но киргизы с таким искренним недоумением смотрели на нас:

– Что же дурного в естественном?

Под конец мы стали этим пренебрегать.

Путь степью от Самарканда до Ташкента³⁰ – 270 верст. Проехать его в одни сутки можно лишь с трудом – если нигде не случится задержки с лошадьми.

После ночлега на почтовой станции в Джизаке, маленьком уездном городке, въезжаем в Голодную степь³¹. Кое-где только начинается она покрываться травой, и горячее солнце не успело ее иссушить. Однако воздух дрожит над нагреваемой его лучами степью. Видимо для глаза струятся воздушные потоки. И время от времени в воздухе повисают небывалые реки и озера.

Степь не лишена жизни. Тысячи и тысячи черепах! Откуда их столько? Сколько глаз хватает, все ими заполнено. Там и здесь борются самцы, стараясь повалить один другого на хребет – гибель для черепахи.

Колеи на дороге – еще ужаснее, чем раньше. Почему-то ямщики любят именно наезженную дорогу, хотя, в сущности, вся степь, гладкая как скатерть, могла бы служить дорогой. Нет, упорно стремятся попасть в свои колеи.

Глупые, несчастные черепахи! Как только слышат грохот приближающегося экипажа, стремятся укрыться от опасности... в колеи дороги.

Ничего нельзя поделать. Не согласится же ямщик объезжать каждую из мириад черепах. Их мы давим сотнями. Каждое мгновение слышится:

– Крак! Крак!

Вся дорога усыпана раздавленными черепахами. Сначала, при этих «крак», мы невольно закрывали уши. Потом – привыкли.

Степь, наконец, кончается. Снова повеяло влагой.

Подъезжаем к Чиназу³². Имя городка тесно связано с забытыми теперь рассказами Каразина³³; тогда они были еще свежи в памяти.

Катится, в глинистых берегах, широкая, мутная Сырдарья.

У парома – группа киргизских юрт, – точно полушария, покрытые кошмой. Здесь расцвела торговля. Пока проезжающие ждут парома, что-нибудь и купят. Об успехе торговли свидетельствует своим толстым животом, выпирающим из халата, «бай» – киргиз, владелец большой белой юрты.

Подходит паром. Наш тарантас, как почтовый, пропускается с почтением в первую очередь. Затем свободные места на помосте, настланном на двух больших барках, заполняются арбами, лошадьми и людьми.

Паром прикреплен длинным канатом на якорю, и он движется, взад и вперед, силой течения воды. Позже я читал в «La Nature»³⁴, как этот способ паромного сообщения поразил воображение какого-то путешественника по Африке, встретившего здесь у туземцев такое же паромное сообщение. В Средней Азии эта задача механики давно уже была интуитивно разрешена.

Минуем Чиназ, маленький городишко, потонувший, благодаря близости влаги, в богатой растительности. До Ташкента остается три почтовых перегона. Они очень мучительны, благодаря тряской дороге.

К вечеру подъезжаем к морю садов, окружающих Ташкент.

Еще в поезде нам рекомендовали остановиться в лучшей ташкентской гостинице – «номерах Александрова» на Романовской улице³⁵. В вагоне-ресторане висе-

ла о них и реклама, где указывалось на европейский комфорт, наличие купальни и прочие блага.

С грохотом колес по мостовой, промчались мы по пригородным улицам и остановились около низенького одноэтажного дома. После Самарканда такой вид «лучшей» гостиницы уже не удивляет. Где там говорить о европейском комфорте! Однако соблазняет рекламированная купальня. Хочется смыть налет пыли и грязи после двухдневной езды на лошадях.

– Отведите в купальню!

Малай – сартенок ведет меня в маленький двор, на который выходят двери и окна двух десятков номеров. Посреди двора – глубокая яма, аршина два в диаметре, заполненная грязной водой. Вокруг «купальни» – редкая и насквозь прозрачная камышовая «чия» – плетенка. Купающегося можно наблюдать из всех номеров.

Вероятно, сарт счел меня капризным, когда я, молча, возвратился в номер.

Глава вторая

ТАШКЕНТ

Азия – желтый песок и колючие желтые травы.
Азия – розовых роз купы над глиной оград...
Азия – кладбище битв, намогиле сыпучее славы.
Азия – желтый песок и колючие желтые травы.

.....

Узких улиц покой, над журчащими водами сад.
Азия – розовых роз купы над глиной оград,
Многопестрый базар, под чалмою томительный взгляд,
Аромат истлеваний и ветер любовной отравы;
Азия – желтый песок и колючие желтые травы...
Азия – розовых роз купы над глиной оград...

Общее о русском Ташкенте

Ташкент конца века.... Он тогда в административном отношении, да и фактически, состоял из двух хотя и смежных, но сильно между собою отличающихся русского, или европейского, и затем туземного, или сартовского городов. Слово «сарт», однако, некоторыми считалось уничижительным. После революции его заменили словом «узбек».

Очень хороша была европейская часть Ташкента. Широкие улицы обсажены высочайшими тополями, а кое-где – местными шаровидными карагачами. По обеим сторонам улиц – иногда даже по обеим сторонам тротуара – протекают арыки, а вдоль них тянутся к облакам эти стройные тополя. Не обсажены деревьями только самые узкие улицы, в торговой части города.

Земельные участки при домах – очень велики. Иные достигали десятины и даже нескольких. Они почти сплошь в садах, и среди моря зелени – небольшие дома-особняки.

Зелень, зелень – повсюду!

Поддерживался этот райский вид, однако, не без труда. Летнее солнце основательно высушивает почву, и насаждения надо постоянно поливать. Без поливки – почва каменеет. Поливка – творит чудеса. Шутники говорили:

– Воткните вблизи арыка поломанную оглоблю: через полгода вырастет из нее экипаж с лошадьми и кучером.

Поливка осуществлялась сложнейшей системой оросительных арыков; в них вода проникает из более крупных арыков, а последние питаются из магистралей, выходящих от рек. Справедливым распределением воды в порядке очереди в разные стороны, на несколько часов в день в каждую, ведают в Туркестане особые должностные лица: мирабы и арык-аксакалы³⁶. В переводе аксакал – белая борода. Прежде это была почетная функция, доверявшаяся старикам; ведь вода здесь всё!

Лессовая почва дает массу пыли, и в теплые месяцы, от апреля до конца сентября, когда дождей почти вовсе не бывает, образуется толстый ее слой. При уличном движении воздух заполняется облаками пыли. Она оседает и на деревьях, которые становятся серыми, а не зелеными.

В ту пору – и это продолжалось до водворения большевизма – существовал в городе особый институт «караульчиков», которые по вечерам нарушали тишину, мешая спать, оглушительным стуком колотушек, чтобы демонстрацией своей бдительности отгонять от домов небывалых злоумышленников. К ночи караульчики-сарты мирно засыпали, и особого вреда от этого не возникало. В молодые годы, бывало, проходя поздним вечером мимо сладко спящего стража общественной безопасности, я вдруг освещу его лицо ярким ацетиленовым фонарем. Сарт вскочит, точно ужаленный, протирает глаза.. Потом, с досады, так застучит своей колотушкой, что начнут отзываться и окрестные собаки.

В дневное время те же караульчики становились и «поливальщиками». Они обязаны были два раза в день поливать водой, которую они черпали из арыков, охраняемые ими участки улицы. Труд караульчиков-поливальщиков обходился домовладельцам очень дешево – по три или четыре рубля в месяц с владения.

Красив был центральный сквер в городе³⁷, особенно служившая продолжением главной Соборной улицы аллея шарообразных карагачей. Деревья эти повыврастали в могучие зеленые шары.

В этом сквере, между прочим, позже стоял весьма симпатичный памятник покорения Туркестана, – не генералам и вождям, а самому солдату. Большевики сочли нужным этот памятник разрушить.

Зимы в Туркестане коротки, но суровы: морозы доходят до 30 градусов Цельсия. Летом же в Ташкенте бывало чрезвычайно знойно. В мое время доходило в тени до 43,5 градусов Цельсия, а на солнце до 70–80 градусов.

С часу дня деловая жизнь в городе замирала, окна домов заставлялись, для защиты от зноя, щитами с натянутой на них кошмой (войлоком).

Но с 6 часов вечера становилось уже терпимо, а к 10 даже прохладно. Летом к полуночи приходилось иногда и пальто надевать.

Возможность отдохнуть вечером и ночью от дневного зноя очень облегчала жизнь в Туркестане. Гораздо хуже в этом отношении на юге России, в частности в Закавказье.

Ташкент засыпал рано. В 9 вечера все затихало. Жизнь проявлялась только в двух клубах да еще изредка в одиноко стоявшем среди площади театрик.

Поистине волшебная картина развertyвалась в лунные ночи, и трудно было досыта ею налюбоваться.

Яркая луна почти отвесными лучами заливает тихие и пустые улицы. И особенно выделяются на фоне всегда звездного неба стрельчатые тополя и шары карагачей. Пыль давно осела. Всей грудью вдыхаешь чистый и свежий воздух, оздоровленный морем растительности.

А издалека, из сартовских садов, еще доносятся звуки «дойра» (бубна) танцующих мальчиков-«бачей»³⁸. Там засиделись сарты-кутилы... И вдруг ночную тишину разрезают восторженные вопли и взвизгивания поклонников этих бачей...

Точно сказка из «Тысячи и одной ночи».

Уличная жизнь

Движение по улицам Ташкента было тогда малое, кроме только самых бойких, в торговой части города. Да и их оживление было относительное: за целый час проедут десятка два экипажей и проскрипят несколько раз туземные высокие арбы.

Часто попадались на улицах всадники: и сарты, и русские. Лошади были тогда совсем дешевы. За 50 рублей можно было иметь недурного иноходца, или, по-здешнему, «тропотуна». Редко кто не имел поэтому верховой лошади. Бывало, что и гимназисты приезжали на уроки в гимназию верхом, а дамы в амазонках часто гарцевали на улицах.

О трамвае еще и мысли не было.

Многие из русских имели и свои «выезды». Рессорных экипажей – колясок или хотя бы дрожек – попадалось не так много. Но весьма употребительными были плетеные «корзинки» на длинных дрожинах³⁹ или полурессорные. Эти тележки-«корзинки» не были ни удобны, ни красивы. Зато они стоили недорого и хорошо служили в грязное время. Полурессорную тележку можно было иметь за 150–180 рублей. Лошади тоже обходились недорого: неплохую упряжную лошадь покупали за 25–40 рублей. Кучеру, сарту или киргизу, платили 7–10 руб. в месяц. Все это было по средствам и среднему чиновнику, и скромному офицеру.

Извозчиками были пароконные фаэтоны. Они стояли «биржами» в определенных местах. В Ташкенте было принято как-то особенно выкрикивать:

– Извооо-щик!!

Точно слово переламливалось пополам, и громче всего раздавалось – «щик!».

Время от времени двигались по улицам и караваны верблюдов. Так как железная дорога до Ташкента еще не доходила, то все грузы доставлялись сюда из Самарканда на этих «кораблях пустыни».

В роли полицейских были на улицах сарты или киргизы, облаченные в форменные халаты, в черных барашковых шапках, а иногда просто в тюбетейках. На поясе с крупными металлическими бляхами болталась декоративная шашка. Такая полиция мало на что была пригодна, кроме неуклюжего козырания проходившим в форме русским офицерам и чиновникам, что, по-видимому, и составляло главную их работу.

Эти городовые добродушно выстаивали свое время на постах, а когда чувствовали голод, разводили себе, бывало, под ближайшим деревом маленький костер и, зачерпнув котелком воду из арыка, что-то себе мирно варили.

Потом эту идиллию уничтожили, заменив туземных стражей порядка полицейскими из отслуживших русских солдат.

Базар

Азия – страна базаров. Как раз против нашего временного пристанища – «номеров Александрова» – расположен Воскресенский базар; он, впрочем, более был известен под названием «пьяного» базара⁴⁰.

Такой мало лестной репутацией базар был обязан русским солдатам. В ту пору сарты если и пили, то только пиво, да и то не допьяна. Варкой пива для мало требовательного туземного населения занимались особые заводы, и пиво получалось довольно скверное.

В первые годы жизни в Ташкенте нам не раз приходилось наблюдать, с каким презрением, иногда отплевываясь, оглядывали сарты валявшихся под заборами или на тротуарах тела упившихся русских переселенцев. А потом... приходилось видеть пьяными и самих сартов. С криками и песнями катались они на извозчицких фазтонах по улицам.

В ту же пору и на базаре, и вообще во всем укладе туземной жизни поражала, как уже упоминалось, честность населения. Правда, эта честность была внедрена многовековой школой, причем педагогические меры, для прочного ее укоренения, доходили до бесцеремонного отрубания судом рук, ненадлежаще примененных в отношении чужой собственности. Тем не менее, цель школы достигалась.

Бывало тогда на базаре, что, например, торговец фруктами, уходя ночевать домой, обвивал в один раз свой товар – горку арбузов и дынь – тоненькой, так называемой «сахарной» веревочкой, и спал спокойно. Символическая веревка делала его товар для чужих рук неприкосновенным. Торговцы, имевшие мелочные лавочки, уходя, прикрывали вход в свою лавчонку «чийей» – прозрачной камышовой плетенкой. И это все, – никаких затворов или замков.

Поехали как-то мы в первый год жизни в Ташкенте на ночной пикник и только там вспомнили, что оставили в нашей квартире – одноэтажном доме в глухом переулке – все окна на улицу открытыми настежь. Но мы напрасно поволновались. Вернувшись под утро, застали все в полной сохранности.

Потом постепенно, под культивирующим влиянием русских солдат, а особенно начавших приезжать на гастроли кавказцев, из числа специалистов против чужого добра, эта идиллия нравов стала исчезать, и притом быстрее, чем можно было думать. К концу десятилетнего нашего пребывания в Ташкенте от прежней честности мало осталось и следов.

На базаре, в разносной торговле и в лавочках, можно было купить самые разнообразные товары, иногда очень дешево. Там, вместе с тем, проголодавшемуся можно было и подкрепиться – в сартовских чайханах и шашлычных.

Особенно обилен бывал базар, когда созревали фрукты. Тогда возвышались настоящие горы арбузов, гордости Средней Азии – дынь и винограда.

Цены того времени: белый хлеб – 4 или 5 коп. фунт; сотня яиц – 80 коп. – 1 рубль; рябчики – по 15 коп., фазаны – по 40–50 коп. штука; клубника «Виктория» – 3 коп. фунт; виноград – 3–4 коп. фунт; мясо – 10 коп.; рис – 5 коп.; арбузы и дыни – 10–15 коп. штука; русское масло – 15–20 коп. фунт; паюсная икра – 1 руб. фунт, и т.д. Извозчики брали за конец по городу по 20 коп.

На базаре существовал особый институт «тащишек», от слова «тащить». Этой профессией занимались мальчишки, но иногда и бородатые сарты. Они неустанно приставали к закупающим продукты кухаркам:

– Барына! Панэсу! Барына, тащишка панэсу!

Кухарка возвращалась «барыней», сопровождаемая тащишкой с корзиной, и гонорар тащишки был баснословно дешев. Тащишки применялись на базаре и для мелких поручений: навести где-либо нужную справку, позвать извозчика и т.п.

Туземный город

Совершенно иной – и характерный для азиатского города – вид имел туземный, или старый город.

Внешне – сплошное царство глины. Узенькие и часто извилистые улочки и переулки – сплошные коридоры из глины. Иные улочки очень узки – двум арбам и не разъехаться.

Заблудиться в чрезвычайно сложном лабиринте мелких улочек – постороннему ничего не стоит, но не прямые и главные артерии города.

В глиняные дувалы, которыми окаймлены все улицы, часто входят, возвышаясь над дувалами, задние стены жилых сакель. Редко когда попадетсЯ в них маленькое окошко на улицу. Чаше – обитатели вполне скрываются от постороннего мира.

А внутри, за крепкими воротами, – азиатский уют и своеобразное благоустройство. Его замечаешь, когда на минуту откроются ворота, чтобы пропустить хозяйскую арбу.

Глинобитная сакля с террасой, при сакле служебные постройки, а за ними двор с садиком. Во дворе – почти обязательна обсаженная деревьями лунка воды, в виде купальни или прудика, – «хауз». В таком хаузе каждый <...> моет себе пять раз в день руки, а то и голову, ноги, а также и иные, неназываемые в литературе части тела... В эту же воду сморкаются, плюют, и эту же воду часто и пьют. ...Верят, что вода все растворяет: она не может загрязниться.

Не удивительно, что питьевая вода из таких хаузов служит источником разных заболеваний. Одно из них бывает, когда в организм попадает зародыш «ришты»⁴¹. Тогда под кожей развивается длинный, в несколько десятков сантиметров, нитевидный червь, который вызывает очень болезненные ощущения. Впрочем, туземным «лекарям» иногда удается весьма ловко избавить больного от ришты. Они пользуются тем, что из чирья выступает конец ришты. Захватив его щепочкой, «доктор» весьма медленно и постепенно извлекает червя, накручивая его на щепочку. При неудаче этой операции – разрыва наворачтываемого червя – происходит заражение раны, часто смертельное.

Море плоских крыш над саклями разнообразится невысокими минаретами мечетей, также глинобитными, серыми. Только изредка попадаются в Ташкенте мечети покрупнее. Издали или с высоты это царство глины разнообразится зеленью садилов.

Грязь на улицах – страшная. Шоссирована только главная улица. Остальные, при глинистой почве, обращаются осенью и весной в густой кисель, а в теплое время покрываются подушкой пыли.

Удивительно, как это сарты умудряются проходить по своим улочкам при такой грязи. Ходят они в высоких мягких сапогах, на которые надевают кожаные калоши, на каблуках, без задков. Калоши надеваются на ногу, как туфли. Сарты оставляют эти калоши, входя в дом, в прихожей или на крыльце.

Обычный экипаж в старом Ташкенте – арба с высокими колесами. Но сарты всех возрастов, до самых старых «бабаев», ездят верхом. Однако сартянок на лошади тогда не попадалось, в противоположность киргизкам, которые постоянно гарцуют по-мужски верхом, с открытыми лицами.

Центральное место старого Ташкента – его базар. Он охватывает, кроме площади, несколько ближайших переулков. Базар – открытый, но часть его, на некоторой высоте над домами, прикрыта навесом, защищающим толпу при непогоде.

Жизнь на базаре бьет ключом. Здесь – все необходимое для туземца. Много покупалось здесь и русскими – частью съестные продукты, частью азиатские вещи. Все это бывало здесь дешевле, чем в русской части города.

На порогах лавчонок сидят на корточках торговцы в халатах, в тюбетейках или в чалмах, и сидят спокойно, терпеливо, бесстрастно – иногда часами, пока к ним не зайдет покупатель.

Или соберутся вместе несколько купцов. Сидят, покуривая кальян, и молчат в созерцательном настроении, только изредка обмениваясь незначительными словами.

Любимое, однако, место для сидения сартов – это их чайхана. В таких чайных обязательно устраивается навес над открытой террасой, а внутри – диванчики.

На террасах восседают на корточках сарты. «Чайханчи» (владелец чайханы) или его малайки подают гостям чай в чашках без блюдец; сарты держат чашки снизу концами пальцев. Потребляют они чай в громадном количестве. Этим делом занимаются часами, сидя с внешним невозмутимым спокойствием, как будто ничем не интересуясь, на самом деле зорко следят за происходящим на улице.

Здесь же, в чайханах или в особых «шашлычных», можно получить шашлык. Кусочки баранины мелко режутся, нанизываются по дюжине на тонкие металлические заостренные палочки-вертела и жарятся на углях. На этих же вертелах шашлык и подается гостю.

Наиболее, однако, излюблен сартами их «палау» – рисовый плов, приготовляемый на бараньем сале в котлах, но так, что рис остается рассыпчатым. К рису добавляются куски баранины, морковь, изюм, лук и сушеные абрикосы – «урюк». Прибавляется еще перец, и получается действительно вкусное блюдо.

Сарты любят и свои пельмени, приготовляемые из баранины с большим количеством бараньего сала.

Летом же их любимым блюдом являются дыни, притом обыкновенно боль-

шие, длинные, так называемые «арбакешные» дыни. Они велики, дешевы, но мало вкусны – не сочны; напоминают огурец, только что сладкий.

Часто, бывало, видишь летом обед простолюдина-сарта, чернорабочего-«мардакера» или «арбакеша»: одна или две сартовские лепешки и большой кусок дыни; этот непрехотливый обед запивается грязной водой из мимо текущего арыка.

В зимнее время – а холода здесь доходят до 30 градусов мороза по Цельсию – бедные сарты сильно мерзнут. Печей в саклях у них нет, а устраивается подобие жаровни – мангал. Железное ведро на маленьких ножках заполняется горячими углями, закутывается одеялом. Под это одеяло сарты протягивают руки и ноги, спина же остается на холоде.

В теплое время года сарты очень любят посещать свои чайханы, устраиваемые в садах.

В сапфирной мгле мне чайхана видна.
Фонарь горит, зовя призывом алым,
За ним другой... Как грузным опахалом,
Пахнула страстью древнею страна.

Задел халат меня в проходе тесном...
Куда иду я в городе безвестном?
Я чую дым и запах душных губ,

Меня влекут посулами дурманов
Глухие стоны томных барабанов
И хрипы напрягающихся труб.

Во внутреннем помещении чайханы происходят скрываемые от русского полицейского глаза развлечения сартов с «бачами». Это – мальчики в нежном еще возрасте. Танцами, кокетством и ласками они доводят страсть бородатых сартов до полного иступления.

Уже город затих, жизнь на улицах замерла, как будто все спит... Но жизнь кипит в закрытых от постороннего глаза внутренних дворах садовых чайхан. Слышится заунывная восточная музыка и удары бубна. Под них пляшут в чайханах разряженные, точно женщины, мальчики. При особо сладострастных телодвижениях танцоров, далеко по окрестностям разносится дружное, восторженное взвизгивание. Кончая пляску, бача обращает свое внимание на кого-либо одного из зрителей. И избранник, ошастливленный лаской мальчика, удаляется с ним в укромное помещение насладиться любовью. А его сопровождают злобные и завистливые взгляды менее счастливых соперников.

Развлечения с бачами были запрещены русской властью, но они так сильно въелись в нравы народа, что вывести их тогда еще не было возможно. К тому же присутствие бачей чайханчи маскировали тем, будто это – просто мальчики для услуг в их чайханах.

То, что связано с жизнью женской части семьи, от постороннего мужского, а тем более от гяурского глаза тщательно скрывалось.

Женщины на улицах видны бывали часто, но вид их был безобразен. Длинные серые халаты, вроде балахонов, а на лице висит, спускаясь до колен, точно хобот

слона, темная грубая сетка – фаранджа. Русские дамы, посещавшие знакомых сартянок, рассказывали, что под халатом – по крайней мере летом – женщины носят только лишь длинную рубаху. Зимой же сартянки надевают на себя по несколько халатов. Между прочим, в связи с сильно развитым шелководством, сартянки часто носят под мышкой коконы, чтобы отогревать их своим теплом.

Женщины навещают друг друга, уединяясь в гаремы. При таких условиях святость супружеских прав тщательно оберегается; измены кажутся невозможными.

На деле бывает иначе, увы! Нередко поклонники красавиц сами наряжаются в женский туалет и великолепно проникают к своим дамам в гаремы, под самым носом у ревнивого мужа. Бедняга ничего поделать не может. Прикоснуться к чужой женщине, поднять ее вуаль – тяжкое преступление против обычая. На это не отважится и отчаянный ревнивец.

Не раз бывало, что встречаешь одиноких женщин в малолюдных переулках. Они не закрывают лица, а весело улыбаются незнакомому гяуру. Но если только вдали заскрипят колеса туземной арбы или послышится топот лошади, на лицо мгновенно натягивается темная сетка.

Окрестности Ташкента были населены главным образом сартами и киргизами. Первые, кроме самого Ташкента, жили еще в окрестных кишлаках; киргизы же, за редкими исключениями, вели кочевую жизнь.

Сарты – народ смирный, трудолюбивый и очень склонный к торговле. Подобно китайцам, каждый сарт в душе мечтает стать купцом.

Поденные рабочие-сарты, «мардакеры», на земляные работы являлись со своими «кетменями» – большими круглыми лопатами, приделываемыми к рукояти под прямым углом. К маневрированию этим инструментом надо привыкнуть, тогда он себя оправдывает более, чем обыкновенная наша лопата.

Но как рабочая сила, сарты неважны. Силы у них мало, и русские рабочие в данном отношении их превосходили. Быть может, это зависело от скудного питания чернорабочих сартов.

Очень любили сарты устраивать бои петухов и перепелов. Последних сарты часто выращивали у себя на груди, под халатом, не расставаясь с ними целый день. Перепела при таких условиях привыкают к своим хозяевам. В чайханах посетители выпускают перепелов на взаимный бой и увлекаются этим спортом. Развлекаются иногда и борьбой своих силачей – «палванов».

У туземного населения чрезвычайно развито было почтение к старшим, особенно же к духовенству, к муллам и к святым – «ишанам»⁴². На этом большевики, в первый период захвата власти, сильно здесь споткнулись, когда попробовали применить в Туркестане те же приемы антирелигиозной борьбы, которые им удалось среди других народов России.

Киргизов было много меньше, чем сартов. Народ этот – с хитрецей, себе на уме. Женщины у них всегда ходили с открытыми лицами. Своим женщинам киргизы нередко давали самые поэтические имена.

В общем население было удивительно законопослушное, и управлять им было легко: нельзя и сравнивать с Кавказом. «Басмачество»⁴³, получившее такое развитие во время большевизма, этим последним и было вызвано к жизни. Оно было по

преимуществу борьбой с советской властью. В ту же пору разбои были единичными и весьма редкими исключениями.

Администрация иногда злоупотребляла легкостью управления этим населением. Например, возник обычай, перед проездом важных лиц летом по пыльной дороге, сгонять на два-три дня население окрестных кишлаков для поливки дороги. Это мотивировалось желанием поднять престиж власти. Доходило до того, что население вынуждено бывало поливать дорогу и перед проездом семейства генерал-губернатора или властей поскромнее и даже, что может быть наиболее возмутительно, перед проездом путешественников-иностранцев. Не стеснялись отрывать людей в самое горячее рабочее время. Воспитанные поколениями в повиновении власти, сарты и киргизы внешне не проявляли недовольства. Этот порядок был выведен в самом конце века по приказанию генерал-губернатора Н.А. Иванова⁴⁴.

Мы застали население Туркестана на переломе от прежней честности и покорности власти и своим старейшинам к новым нравам, которое сюда принесли русские солдаты и кавказцы.

Почительна история Джурабека⁴⁵.

Джурабек

Гроза над Самаркандом разразилась внезапно. Русские войска, занявшие старинный город, оставили в нем лишь небольшой гарнизон. Опасаться было некого. Население – мирное, рабочее. Мало боеспособное войско сартов уже разгромлено. Отряды двинулись на запад, к Катты-Кургану⁴⁶ и Бухаре.

Внезапно Самарканд оказался обложенным большими неприятельскими силами. Это секретно подобрался налетом из Бухары с 20-тысячным отрядом Шахрисязбский бек, Джурабек.

Началась героическая борьба. Положение нескольких сот человек, составлявших самаркандский гарнизон, было критическое. Три дня длились бои с резней, и ряды защитников совсем поредели. Предстояла сдача изнуренного неравным боем гарнизона. А потеря только что завоеванного Самарканда произвела бы на страшно впечатлительном Востоке весьма невыгодный для русского престижа эффект.

Но как-то удалось уведомить о грянувшей грозе русский отряд в Катта-Кургане. Спешно возвратившиеся подкрепления отогнали орды Джурабека.

Слава о лихом джурабековском налете тем не менее широко разнеслась по создающим общественное мнение базарам Азии. Он мог бы пожинать лавры... Но, увы, судьбы людские изменчивы! Бек Шахрисязба Джурабек и правитель более скромной бухарской области Бабабек⁴⁷ навлекли на себя чреватый грозными последствиями гнев эмира Бухарского. Спасая жизнь свою, надо было бежать. Оба бека, в сопровождении своих близких, бежали в Фергану, под покровительство Кокандского хана⁴⁸.

Владыка Коканда, считаясь с непобедимостью в Азии русских, проявил в отношении беглецов покровительство особого рода. Приказал бросить бежавших беков в азиатскую тюрьму, яму-клоповник. А сам послал гонца к туркестанскому генерал-губернатору К.П. Кауфману⁴⁹:

– Ваши враги, Джурабек и Бабабек, сидят у меня в яме. Если угодно «полуцарю», я посажу их на кол, а головы их пришлю в Ташкент!

Кауфман ответил, [что] он сам желает произвести эту операцию. Пусть хан пришлет к нему невредимыми обоих арестованных!

Кокандский хан не посмел послушаться.

Джурабек и Бабабек, ожидавшие за самаркандскую резню лютой казни, были доставлены к генерал-губернатору. Кауфман их обласкал и предоставил полную личную свободу. Более того, потребовал от Бухарского эмира возвращения обоим бекам конфискованного имущества.

Эмир поартачился:

– У Джурабека еще кое-что было, а у Бабабека был лишь кобылий хвост...

Однако вынужден был обеспечить обоих беглецов.

А беглецы стали самыми горячими приверженцами России. Оба они, особенно весьма умный Джурабек, оказывали не один раз русской власти весьма важные политические услуги.

Вскоре оба они получили офицерские чины. Мы застали Джурабека полковником, а на коронацию Николая II он стал и генералом.

Значение этой меры Кауфмана, при впечатлительности азиатов, было огромное. И оно выгоднее отразилось на отношении к нам <...>, чем, быть может, выигранное сражение.

Замена бухарского халата генеральским мундиром не сделала Джурабека смешным. Его мощная фигура, с лицом, на котором выделялся слегка приплюснутый нос, была довольно картинной.

В Ташкенте у Джурабека было два имения. Одно – великолепный дом в восемь комнат, на границе между русским и туземным городами. При этом – дивный сад десятины в полторы и большой цветник. По азиатскому обычаю при доме было много всяких служб, конюшен и пр[очего].

Этот дом я нанимал у Джурабека, и мы прожили в нем два года.

Общение с Джурабеком доставляло известное удовольствие. По-своему это был очень образованный человек. Он часто возился с арабскими книгами и делился впечатлениями о прочитанном. По русской письменности Джурабек был слаб, но в русском обществе, благодаря природному уму и такту, ложных шагов не делал.

Уважением среди сартов он пользовался громадным. Оно переносилось и на его имение. Например, вход в наш дом вовсе не запирался, даже простого крючка не было. Войти мог всякий, особенно ночью... Но не сознававшие за собою на то права – не входили. Ведь это же дом Джурабека!

Не один раз оставляли мы на ночь на громадной открытой террасе, выходявшей в сад, ковры, посуду, иногда даже не убирали и серебра. Ни разу ничто не пропало, несмотря на открытый доступ в сад.

Впрочем – одно исключение. В саду было много пармских фиалок. И мальчишки-сартята, ранним утром, когда мы спали, перелезали через дувал, воровали сколько могли фиалок, а затем продавали их в городе. Иной раз проказники на улицах предлагали и нам:

– Фиалки из сада Джурабека!

Сам Джурабек переселился в другое свое имение – на дачу в восьми верстах от

Ташкента, на речке Карасу⁵⁰. Здесь у него также был дом, хотя и более скромный, с множеством служб и с еще большим садом, чем в городе. При нем всегда жило с десяток родственников-челядинцев.

Казалось, уважение к Джурабеку – беспредельно. Но уже после нашего выезда из Ташкента, около эпохи первой революции, осенней ночью пробралась в его дом на Карасу шайка грабителей. Зарезали старика, порезали кое-кого из челяди и ограбили что могли. Это были, по-видимому, кавказцы, но не без участия и сартов, посягнувших на столь уважаемого в народе бека.

Продолжение следует

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Цитаты, приведенные в двух первых главах, – из стихотворений К. Липскерова. *Липскеров Константин Абрамович* (1889–1954) – поэт, переводчик, драматург, художник. Наиболее известен переводами классической восточной поэзии.

² «Князь Бярятинский» – колесный почтово-пассажирский пароход, принадлежавший одному из трех крупнейших в дореволюционной России пароходств – «Кавказ и Меркурий».

³ *Узун-Ада* – бухта в Михайловском заливе, на восточном берегу Каспийского моря. В рамках строительства второй очереди Закаспийской железной дороги в 1885 г. в бухте были построены порт и железнодорожная станция, получившие одноименное название. Станция Узун-Ада до 1899 г. была началом Закаспийской железной дороги, пока, в результате обмеления бухты, не было принято решение о переносе порта и железнодорожной станции в Красноводск.

⁴ *Красноводск* – город на восточном побережье Каспийского моря. Первое военное укрепление здесь было основано еще в 1716 г. князем А. Бековичем-Черкасским во время военного похода в Хивинское ханство (1714–1717). В 1869 г. в этом районе побережья укрепление было повторно основано полковником Н.Г. Столетовым. До 1881 г. был административным центром Закаспийской области. После строительства Закаспийской железной дороги город превратился в важный транспортный и экономический центр. Ныне город Туркменбаши.

⁵ *Скобелев Михаил Дмитриевич* (1843–1882) – генерал от инфантерии, выдающийся военачальник. В 1868 г. был направлен на службу в Туркестанский военный округ. С начала 1869 г. состоял при штабе округа. Участник Хивинского похода 1873 г. В январе-феврале 1876 г. участвовал в подавлении антиросийского восстания Пулат-хана в Кокандском ханстве. С прекращением восстания и присоединением Кокандского ханства к России в 1876 г. Скобелева назначили военным губернатором и командующим войсками образованной на территории ханства Ферганской области Туркестанского генерал-губернаторства (1876–1877). В 1880–1881 гг. он руководил 2-й Ахалтекинской экспедицией. Под его командованием войска взяли штурмом крепость Геок-Тепе, а из при-

соединенных в результате этого территорий был образован Закаспийский отдел (1881), преобразованный в Закаспийскую область (1882), административно подчиненную первоначально Кавказскому наместничеству, а с 1898 г. – Туркестанскому генерал-губернаторству.

⁶ *Анненков Михаил Николаевич* (1835–1899) – генерал от кавалерии, строитель железных дорог. Руководил строительством железной дороги от Красноводска до Мерва перед началом Ахалтекинских военных экспедиций (1879–1881). В результате ранения в 1880 г. был вынужден, не дождавшись окончания строительства дороги, оставить свой пост. В 1886–1887 гг. заведовал постройкой Самаркандского участка Закаспийской железной дороги, открытие которого состоялось в 1888 г. С 1888 по 1891 гг. был управляющим Закаспийской железной дорогой.

⁷ *Среднеазиатская железная дорога* образовалась в результате соединения Закаспийской военной железной дороги и Самарканд-Андижанской железнодорожной линии, открытой в мае 1899 г. Общая протяженность Среднеазиатской железной дороги по состоянию на январь 1905 г. была около 2233 км.

⁸ *Нотабли* (от лат. «значительный») – во Франции члены собрания, носившего совещательный характер, созывавшегося королем для обсуждения важнейших государственных вопросов. У В.В. Стратонова выражение носит иронический оттенок и применено к состоятельным жителям порта Узун-Ада.

⁹ *Крепость Геок-Тепе* (или Янги-Шаар) была построена туркменами-текинцами (племя текке) для обороны Ахалтекинского оазиса от вторжения русских войск. Несмотря на отчаянные попытки удержать крепость, русский отряд под командованием генерала Н.П. Ломакина, атаковав в августе 1879 г., взял ее штурмом. Но ненадолго. Ломакину пришлось отступить из-за недостатка продовольствия. Командующим новой экспедицией был назначен генерал М.Д. Скобелев. Осада крепости, начавшаяся в декабре 1880 г., длилась 20 дней. Защитники Геок-Тепе совершили ряд успешных вылазок. 12 января 1881 г., взорвав крепостную стену, русские штурмом овладели Геок-Тепе. С падением крепости Геок-Тепе был открыт путь для дальнейшего продвижения России в Закаспий и при-соединения в 1884 г. Мервского оазиса.

¹⁰ Сохранилось описание музея одним из современников В.В. Стратонова – К.М. Федоровым, редактором ашхабадской газеты «Закаспийское обозрение». Вот как он описывает музей и его экспозицию в начале XX века: «Музей этот хотя до сих пор не заполнен окончательно, но имеет однако уже много интересных предметов. Вперед здания музея стоят три пушки, взятые у текинцев. ... В помещении музея имеется довольно много портретов убитых участников славного Геок-Тепинского боя и георгиевских кавалеров. ... Здесь же находится большая картина, написанная масляными красками, известного художника Сверчкова, изображающая генерала Скобелева на белом коне, подаренная нынешним военным министром А.П. Куропаткиным. ... Кроме этой картины в музее есть еще прекрасная картина известного баталиста французского художника Рубо, изображающая «Штурм Геок-Тепе». Помещены в музее также два щита с коллекцией русского и туркменского оружия, употреблявшегося во время осады и штурма. ... В числе фотографий имеется чрезвычайно интересная группа. ... Группа эта изображает всех офицеров – участников штурма, оставшихся в живых, во главе с генералом Скобелевым. Имеется в музее несколько осколков снарядов. ... Было бы весьма желательно, чтобы коллекция музея была дополнена всеми сочинениями об экспедиции, которые вышли до сего времени. В общем, нельзя не пожалеть, что этот и интересный музей находится не в Асхабаде, а на станции Геок-Тепе. Пассажирские поезда на этой станции, во всяком случае, не будут стоять более 20 минут, а в это короткое время решительно нет никакой возможности сколько-нибудь внимательно осмотреть музей» // *Федоров К.Н.* Ахал-Текинская экспедиция 1880–1881 гг. Геок-Тепинский бой. М.Д. Скобелев. Асхабад, 1904. С. 31–32.

¹¹ *Асхабад* был основан русскими в 1881 г. Название города происходит от соединения двух персидских слов – «любовь» и «город». Был административным центром Закаспийской области. В 1919 г. в честь революционера Павла Полторацкого переименован в Полторацк, а в 1927 г. – в Ашхабад (ставший столицей Туркменской ССР). С 1991 г. – Ашгабад (столица Республики Туркменистан).

¹² *Чарджуй* – город на востоке Туркмении. Древнее название Амуй. Под названием Чарджуй город известен с XV в. С 1924 по 1927 гг. – Ленинск, с 1927 по 1992 гг. – Чарджоу, в 1992–1999 гг. – Чарджев. С 1999 г. – Туркменобад.

¹³ *Бухара* – на момент описываемых событий – столица Бухарского эмирата. В русской политической, административной и научной практике сложилась традиция называть Бухарой всю территорию Бухарского эмирата.

¹⁴ *Самаркандская область* Туркестанского генерал-губернаторства была образована в результате военных действий в пределах Бухарского эмирата, повлекших отторжение части его территории. Первоначально в состав генерал-губернаторства вошел в 1868 г. Зеравшанский округ, с центром в Самарканде, в 1887 г. преобразованный в Самаркандскую область.

¹⁵ *Каган* – город на территории Бухарского эмирата, основанный в 1888 г. как русское поселение «Новая Бухара» (так город назывался до 1935 г.) при Зака-

спийской железной дороге. В городе находилась железнодорожная станция Бухара-1, обслуживающая город Бухару («Старую Бухару»), расположенный в 12 км от Кагана. В Кагане также находилось специальное учреждение, управляющее дипломатическими отношениями между Российской империей и Бухарским эмиратом, – Русское Императорское политическое агентство.

¹⁶ Строительство нового дворца эмира бухарского Абдул-Ахадхана началось в 1895 г. по приказу последнего. В строительстве участвовали ведущие архитекторы и инженеры. Спроектировал дворец А.Л. Бенуа. Строительство было завершено в 1898 г.

¹⁷ *Паранджа* (от перс. *фаранджи*, в узбекском произношении *паранджи*) – женская верхняя одежда в мусульманских странах Центральной Азии и Ближнего Востока. Представляет собой халат с длинными ложными рукавами и с закрывающей лицо волосистой сеткой – чачваном. Первоначально – мужская верхняя одежда. С XVI в. ее стали носить и женщины. Расцвет культуры ношения паранджи пришелся на конец XIX – начало XX вв. У В.В. Стратонова слово передается в персидской форме – фаранджа.

¹⁸ *Рефракция* – преломление света на границе двух сред, дающее парадоксальный зрительный оптический эффект.

¹⁹ *Самарканд* – с 1887 г. административный центр Самаркандской области Туркестанского генерал-губернаторства.

²⁰ *Бобо* (тюрк. – «дед, старец») – В.В. Стратонов передает слово в русифицированном варианте – «бабаи» (старика).

²¹ *Сарты* – оседлое, преимущественно городское, население Средней Азии. Термин употреблялся в русской дореволюционной историографии и административной переписке. Вышел из употребления после проведения национального размежевания и создания в Средней Азии советских республик.

²² Автор неточен: местные жители имели обычай сидеть не на дувалах (заборах), а на плоских глиняных крышах. (Прим. ВС.)

²³ После образования Туркестанского генерал-губернаторства в 1867 г. все старые города Средней Азии, в том числе Самарканд, были поделены в административно-территориальном смысле на две части – «новый», или «русский» (европейский) и «старый» (азиатский) город.

²⁴ *Тюр* – господин.

²⁵ *Регистан* (тюрк. – «место, покрытое песком») – центральная площадь Самарканда, на которой расположен знаменитый архитектурный ансамбль XV–XVII вв.: медресе Улугбека (1417–1420), медресе Шердор (Шир-Дар) (1619–1636) и медресе Тилля-Кари (1646–1660).

²⁶ *Мечеть Биби-Ханым* (буквально «старшая принцесса») – соборная мечеть Амира Темура, построена в 1399–1404 гг. Восстановлена в конце XX в.

²⁷ *Гур-Эмир* – мавзолей Тимура и Тимуридов, был построен в 1403–1404 гг. Восстановлен во второй половине XX в.

²⁸ «Неверный», не мусульманин.

²⁹ *Киргизами* до 1920-х годов в русской административной практике было принято называть все кочевое население Туркестана (кроме туркмен).

³⁰ *Ташкент* – с 1865 г. административный центр Туркестанской области, с 1867 г. – Сырдарьинской области и всего Туркестанского генерал-губернаторства.

³¹ *Джизак* – с 1887 г. уездный город Самаркандской области. *Голодная степь* (*Мирзачул*) – глинисто-солончаковая пустыня на территории современного Узбекистана и Казахстана.

³² *Чиназ* – железнодорожная станция и город (с 1972 г.) в 63 км юго-западнее Ташкента. Расположен на слиянии Чирчика и Сырдарьи.

³³ *Каразин Николай Николаевич* (1842–1908) – русский художник-баталист, писатель, участник Туркестанских походов. (См. о нем: ВС, 2013, № 2 (XXX). С. 95–99. – Прим. ВС.)

³⁴ «La Nature» («Природа») – французский научный журнал, выходивший с 1873 по 1972 гг.

³⁵ Одна из главных улиц Ташкента. Возникла в плане «нового» города 1866 г. и была его планировочной осью. Улица связывала окраинные районы города с основным центром торговой деятельности – Воскресенским рынком. Напротив рынка вдоль улицы располагались магазины, пассажи, гостиные дворы, ремесленные мастерские.

³⁶ *Мираб* (буквально – «господин воды») – с эпохи средневековья должностное лицо, в обязанности которого входило распределение воды по арыкам и заведение оросительной системой. *Арык-аксакал* – в 1886–1917 гг. должностное лицо, заведовал одним из основных арыков. Назначался военным губернатором из числа зажиточных и уважаемых местных жителей. Получал содержание из общественных сумм.

³⁷ Речь идет о *Константиновском сквере*, который был заложен в 1882 г. по инициативе генерала М. Черняева как главный архитектурно-планировочный центр русской (новой) части Ташкента. В 1905–1907 гг. сквер являлся сборным пунктом для многочисленных митингов. В 1913 г. в центре сквера был открыт памятник первому генерал-губернатору Туркестана К.П. фон Кауфману. После октябрьской революции памятник был снесен. В 1918 г. на этом месте был установлен памятник Освобожденному Трудом, а сквер стал называться сквером Революции. В 1927 г. здесь появился памятник десятилетия Октября. В конце 40-х гг. в центре сквера Революции был поставлен памятник И.В. Сталину, а в 1968 г. на том же месте установлен новый памятник – Карлу Марксу. 31 августа 1994 г. сквер был переименован в Сквер Амира Темура, а в его центре был открыт бронзовый конный монумент Тамерлану.

³⁸ *Бачи* – мальчики, танцующие в женском платье перед собравшимися мужчинами.

³⁹ *Дрожина* (или *дрога*) – продольный брус в повозках, соединяющий переднюю ось с задней. (Прим. ВС.)

⁴⁰ *Воскресенский базар* – возник в 70-е гг. XIX в. в центре русской части Ташкента. До 1883 г. назывался

«пьяный базар» (или Пьян-базар) – из-за многочисленных кабаков, расположенных на его территории. Главные сооружения базара состояли из двух полукруглых корпусов, окруженных крытой галереей. Базар существовал до 30-х гг. XX в.

⁴¹ *Дракункулез*, или *ришта* (от перс. «нить») – паразитарная болезнь, вызываемая самками круглых червей. Распространена в тропиках и субтропиках Африки и Азии.

⁴² *Ишан* – глава и наставник мусульманской общины, обычно принадлежащей к одному из суфийских орденов.

⁴³ *Басмачество* – военно-политическое партизанское движение, возникшее после разгрома большевиками Туркестанской (Кокандской) автономии. Основной его целью была борьба с советской властью и изгнание большевиков.

⁴⁴ *Иванов Николай Александрович* (1842–1904) – генерал-лейтенант. В 1877–1883 гг. начальник Зеравшанского округа, затем военный губернатор Ферганской области. В 1889 г. вышел в отставку. В 1899 г. был вновь призван на службу и назначен помощником Туркестанского генерал-губернатора генерал-лейтенанта С.М. Духовского. В 1901–1904 гг. занимал пост Туркестанского генерал-губернатора и командующего войсками Туркестанского военного округа.

⁴⁵ *Джурабек* (*Джура-бий*) (1841(?)–1906) – шахрисабзский бек, происходил из знатного узбекского рода Кенегас. Один из основных противников русской армии во время Туркестанских походов, впоследствии генерал-майор русской армии. Состоя в распоряжении Туркестанского генерал-губернатора, исполнял весьма серьезные и секретные поручения по дипломатической части в Бухаре, Афганистане, Кашгаре. 6 мая 1901 г. по ходатайству Туркестанского генерал-губернатора Н.А. Иванова был произведен в генерал-майоры. Живя в Ташкенте, приобрел близ города небольшое поместье, в котором хранилась одна из лучших в Туркестане библиотек старинных восточных рукописей.

⁴⁶ *Катта-Курган* (*Каттакурган*) (буквально «Большая крепость» или «Большой холм») – основан в последней четверти XVII в. После завоевания Бухарского эмирата вошел в состав Российской империи и статусе уездного города Самаркандской области.

⁴⁷ *Бабабек* (*Баба-бий*) (1833(?)–1898) – бек одного из бухарских владений, происходил из знатного узбекского рода Кенегас. Воевал против русской армии во время Туркестанских походов, впоследствии полковник русской армии. Принимал участие в военных действиях против Кокандского ханства.

⁴⁸ Речь идет о Кокандском хане *Худояре* из узбекской династии Минг. Правил с перерывами с 1845 по 1875 гг.

⁴⁹ *Кауфман фон, Константин Петрович* (1818–1882) – первый туркестанский генерал-губернатор.

⁵⁰ *Карасу* (узб. «черная вода») – канал, протекающий в Ташкенте и его окрестностях. Часть древней системы искусственного орошения.

«Здесь жилось тогда много вольнее...»

Воспоминания о Средней Азии 1920-х – начала 1930-х годов

Публикация, предисловие и примечания Михаила ТАЛАЛАЯ

Путь с крайнего севера на крайний юг необъятной Империи, бывшей российской, а затем советской, совершил в 1920-е годы писатель Борис Николаевич Ширяев (Москва, 1889, – Сан-Ремо, 1959). Путь был вынужденный – с каторги в ссылку.

Борис Ширяев родился в Москве в дворянской семье, учился в университете у Ключевского, затем в Геттингенском университете. Ушел добровольцем на фронт – дважды, сначала на Мировую войну, потом на Гражданскую. Вместе с «белыми» он впервые попадает в Среднюю Азию, под самый эпилог войны, и бежит отсюда в Иран, но неудачно: персы выдали его, за деньги, «красным». Командовавший Туркестанским фронтом командарм Михаил Фрунзе неожиданно помиловал белогвардейского офицера, более того – поручил ему работать в конском запасе Красной армии. Через три месяца Ширяева отправляют из Средней Азии в Москву, где в 1920 году он был осужден на смертную казнь, замененную на 10-летнюю каторгу на Соловках (тогда максимальный срок). Именно соловецкий опыт позднее стал источником для написания его главной книги – «Неугасимая лампада», которая вышла в 1954 г. в США и была не раз переиздана. Задолго до Солженицына Ширяев создал обличительное произведение, но с особой тональностью – христианского смирения.

На Соловках будущий литератор провел пять лет. В 1927 году, при «разгрузке» лагеря, его выслали в Ташкент, где, в условиях послереволюционного сумбура, его приняли на работу журналистом. Именно эти пять лет в Средней Азии и составили материал для его мемуарных очерков, которые он писал уже в Италии и публиковал в монархических газетах «Знамя России» (Нью-Йорк) и «Наша страна» (Буэнос-Айрес).

Эти его эссе, вместе с другими историческими очерками, мы с американским

исследователем Андреем Власенко собрали для будущей книги, которая готовится к выходу в петербургском издательстве «Алетейя».

Как же писатель оказался в Сан-Ремо, в столице итальянской канцони?

В 1933 г. в родной Москве он подвергается новому аресту и новой ссылке. Скитаясь по российской глубинке, оседает в Ставрополе.

Приход немцев Ширяев воспринимает как возможность легальной борьбы с большевизмом, через основанные им газеты. Конец войны застает его на севере Италии, среди казаков генерала Краснова, которым он преподает русскую литературу в «Пропагандистской школе».

Казаки-красновцы в мае 1945 г. сдались в Австрии в плен англичанам и были выданы СССР, но опытный каторжник и ссыльный Ширяев остался в Италии, где перешел на положение беженца. Именно в Италии, в рядах «второй волны» эмиграции, он и состоялся как писатель. Он опять живет в лагерях, но теперь – «перемещенных лиц», «Ди-Пи». После успеха «Неугасимой лампы» он покупает в любимой Лигурии, на окраине Сан-Ремо, клочок земли и сам строит жилище. Продолжает писательскую деятельность, в том числе составляет антологию «Религиозные мотивы в русской поэзии» (Брюссель, 1962).

Пройдет полвека, и тексты Ширяева начнут возвращаться на его родину. Соловецкий и итальянский период писателя теперь хорошо известны; пришла очередь для ташкентского.

Воспоминания Ширяева не свободны от отдельных неточностей и тенденциозных трактовок, которые поясняются в примечаниях. Все имена и названия, связанные со Средней Азией, даны в авторском написании, которое зачастую отличается от принятого и отражает либо распространенное в 1920-е годы, либо неверно воспринятое автором «со слуха». Например: «чай-ханэ» (вместо «чайхана»), «Ляби-хоуз» («Ляби-хауз»), «Фейзула Ходжаев» («Файзулла Ходжаев») и т.д. Современное написание дается в примечаниях.

Вывихнутые жизни¹

В кабине сильно потрепанного «Юнкерса» нас четверо²: первый секретарь ЦК Киргизии Кульков³, наркомзем той же республики киргиз Исакеев⁴, делегат на сессию ЦИК'а от Каракола (б. Пржевальск) колхозник Семикрасов и я, командированный на ту же сессию сотрудник крупнейших среднеазиатских газет – «Правды Востока», «Советской Киргизии» и всех газет на местных языках, которые будут перепечатывать переводы моих отчетов, платя половину гонорара. Среднеазиатские националы (узбеки, таджики, туркмены, киргизы и каракалпаки) – очень честные люди. Я с ними большой приятель.

Попутчики тоже мои приятели. Я уже второй год кружу в качестве разъездного корреспондента по Фергане, Семиречью и Прибалхашью, мое имя беспрерывно мелькает на страницах газет, я в курсе и «внешней», и таинственной «внутренней» местной политики, я, «нужный» человек, могу стать и «вредным»...

С Кульковым, благодаря которому я и получил место на правительственном самолете, у нас даже общая тайна: я привожу в «христианский» вид его статьи и

стенограммы речей. Он член партии с 1917 г., выходец из петербургских рабочих, малограмотен и стыдится этого перед своими товарищами. Мода на малограмотность, рисовка ею уже кончена. Внешний лоск Кульков приобрел, а вот с грамотой неладно...

– Эх, грамматику, грамматику мне надо подучить, – говорит он, смотря на принесенный мною перемаранный текст его статьи.

– Отчего ж не подучишь, Семен Матвеевич⁵? – спрашиваю я.

– А где времени взять? Сам видишь, я по двадцать часов в день работаю!

Это правда. Работает он, как мотор. Я это вижу, наблюдая его на службе, и знаю, что дома, вернувшись за полночь, он еще штудировал всякую партийную литературу,

– Надо, брат! Нельзя без этого! Партия – дело ответственное, того гляди уклончик дашь. Тогда – амба!

Довольный выправленной статьей, он сейчас же старается меня угостить. А угостить в то время, в начале коллективизации, в Киргизии было еще чем.

– Марфа, – кричит он, – тащи по первому разряду!

В дверях почти тотчас же появляется Марфа Николаевна с подносом. А на подносе чего только нет. И водки всех видов домашнего настоя, и жареные фазаны, и маринованная форель «салтанка».

Сам Кульков уже мало похож на рабочего, а Марфа Николаевна совсем простенькая. Она ставит поднос на стол и кланяется в пояс, сложив руки на животе.

– Не обессудьте, чем Бог... – она спохватывается и робко взглядывает на мужа, но он сегодня благодушен и милостив.

– Ладно там... Бог или не Бог, а ты еще грибков в сметанке поджарь. Товарищ писатель их очень уважает. Не могут бабы без Бога, – резонирует он, – но революция от этого не страдает, хотя женщина и большая сила, как верно говорит товарищ Сталин... Повторим? Под рыбку!

По должности Кульков – фактический генерал-губернатор всего Семиречья и части Ферганы. Его полномочия даже шире, чем были у генерал-губернатора. Он достиг этого положения в жестокой внутрипартийной борьбе, благодаря необычайно крепкой в нем русской сметке. Часто наблюдая его в работе, я поражаюсь, видя, как туманные, запутанно изложенные предначертания «генеральной линии» разом претворяются в его голове в ясные, конкретные, практические мероприятия. В этом его сила.

Крепка в нем и воля. Все партийцы Киргизии трепещут при его имени. Он знает все грехи каждого из них, и горе тому, кто пойдет против Кулькова. Но пока человек нужен ему, Кульков держит патроны в кармане. Так и со мной. Он прекрасно знает мое соловецкое прошлое, но протезирует мне. Я ему нужен.

– Коли ты соловецкую академию прошел и уцелел, значит, кое-чему научился, а такие, как ты, нам нужны, – сказал он как-то после многих «повторений» домашнего травника.

При проведении сплошной коллективизации Кульков был чудовищно жесток не только по отношению к коллективизируемым, но и к коллективизаторам. За малейшее проявление человечности видные местные партийцы «исчезали». Это

и погубило Кулькова. После отбоя, данного Сталиным, он попал в «козлы отпущения». Весь аппарат партии Киргизии разом набросился на него, и разжалованный «генерал-губернатор» загремел в ссылку...

Мой второй попутчик – наркомзем Исакеев – типичный киргиз.

На его круглом и плоском желтом лице ничего не прочтешь. Карие глазки чуть поблескивают в узких щелках, и мне кажется, что они всегда иронически смотрят на нас, русских:

– Что вы там ни вытворяйте, – говорят они, – а мы сами по себе, и вам нас не поймать.

Исакеев считается и пишется в анкетах «батраком», но в степных кочевьях все знают, что он из богатого байского рода, знают, но помалкивают. Помалкивают и о том, что теперь, в период ожесточенной коллективизации, через наркомзема Исакеева можно спасти кое-что из имущества, и о том, что агенты Исакеева скупают у раскулачиваемых, конечно, за гроши, ценнейшие ковры и золото головных женских уборов. Я узнал об этом на горных пастбищах за Иссык-Кулем, но тоже молчу. Он ли, другой ли, не все ли равно? Глядя в его щелки-глаза, я тоже посмеиваюсь, но не угадываю того, что через пять лет этот Исакеев будет расстрелян как национал-уклонист и «агент одной державы».

С моим третьим спутником, колхозником Семикрасовым, мы едем вместе от самого Иссык-Куля. Там я видел его «работу» по раскулачиванию русских поселенцев, из среды которых он сам. Страшна была эта «работа», а посмотреть на Семикрасова, так хоть икону с него пиши: в глазах – ясная синь, улыбка мечтательна и безмятежна, не то что матерного слова от него не услышишь, но все речи его мягки и ласковы.

– Я ж его из детства знаю, – рассказывает он мне в дороге о своих «подвигах», – все родство его мне известно! Трудовые мужики, основательные. По полсотне десятин каждый заседал. Кровью и потом поливали.

– А вы их по миру пустили?

– Значит так надобно, – уверенно возражает Семикрасов, – они батраков-малаек⁶ держали? Держали. И половинщиков-чайрикеро⁷ эксплуатировали? Значит, я по всей справедливости действовал. А он на меня с ломом...

– Ну и что же?

– Что ж? Выпалил я в него. В живот попал. Однако, еще жив был, когда увозили. Четверо детей осталось. Что ж! Революция на это не смотрит...

Мы летим из Фрунзе⁸, столицы Киргизии, в Ош, где собирается сессия ЦИК. Под нами лесистый Тянь-Шань. Для меня это хаос каких-то нагромождений, но Исакеев и Семикрасов знают эти места и прекрасно разбираются в живой карте.

– Сусамыр! – указывает Исакеев на расстилающуюся под нами широкую ярко-зеленую долину.

– Богатеющие летовки! – подтверждает Семикрасов, – не трава тут, а пирог! Я еще в прежнее время с отцом сюда ездил. Скотины-то, скотины-то сколько сюда нагоняли. Прямо Ноев ковчег был, а теперь, гляди, пусто...

– А ты откуда про поголовье Ноева ковчега осведомлен? – откликается Кульков.

– Я, товарищ Кульков, всю леригию очень точно знаю. Смолоду всегда интересовался и духовные книжки читал. Можно сказать, даже и в партию через леригию вступил.

– Вон что! Бывает и так, – соглашается Кульков, – а скажи-ка, у вас в Караколе сейчас много скота через горы в Кульджу угоняют?

– Чтобы русские гнали – не слышно... наш крестьянин со двора не погонит, хотя бы и от коллективизации, а киргизы, те, конечно, гонят.

Я знаю, что гонят в Кульджу десятками тысяч. Исакеев знает это много лучше меня, но мы оба молчим. Замолкают и наши спутники, думая каждый свою думу.

Что было в головах у других, я не знаю. Но, смотря на моих соседей, я задавал себе вопрос: чем стал бы каждый из них, если бы Россию миновала катастрофа революции?

Вот Кульков с его острым практическим умом, огромной трудоспособностью и упорной энергией. Он, слесарь-механик, несомненно, выдвинулся бы, завел бы свою мастерскую, а потом, быть может, и фабрику... такие, ведь, и строили русскую промышленность.

Исакеев? Чем был бы он, киргиз байского рода, воспринявший и усвоивший европейские методы работы? Несомненно, стал бы ловким широким торговцем, посредником между фабрикой и степью, и его агенты везли бы в эту степь звонкие полноценные рубли, а не срывали бы последние из них с родовых женских уборов киргизок.

А Семикрасов? Ну, это совсем ясно. Он был бы хорошим, крепким мужиком-поселенцем. Сам заседал бы десятин 50 и, вероятно, не отошел бы от «леригии» в коммуны, не палил бы в живот своему соседу во имя революционной справедливости...

– Будь проклята эта революция! – думал я тогда, смотря на них. То же проклятие, думаю я теперь, повторил и Исакеев в подвале НКВД, и Кульков в концлагере, и Семикрасов в своем голодном колхозе, обнищавшем поселке богатых мужиков-семиреков...

Служба лжи⁹

Сессия ЦИК Киргизской АССР собирается в г. Оше, в северной Фергане, где еще совсем недавно хозяйничали басмачи. Теперь тут спокойно. Город и район густо насыщены войсками всех родов оружия. Поэтому Ош и избран местом сбора делегатов. Им нужно показать:

– Смотри, мол, как сильна советская власть! Попробуй где-нибудь еще побасмачить!

Делегаты, главным образом киргизы, собраны со всех концов Семиречья. Большинство – неграмотные кочевники, но все же партийцы. Из русских поселков собран «актив». Весь состав делегатов резко распадается на две группы: «головку», в центре которой Кульков, и «массы», т.е. статисты предстоящей комедии.

На сцене городского театра, под огромным портретом «мудрейшего»¹⁰, – покрытый красным сукном стол президиума, слева трибуна, справа, в глубине, стол

прессы и за ним человек десять корреспондентов. Кроме меня, все националы: киргизы, казахи, узбеки – комсомольская молодежь. Но я знаю, что работать буду только я, то есть, получив стенограмму, сокращу ее, выберу из речей наиболее осмысленное, продиктую под максимальное число копиров и раздам им копии для перевода на их языки. В накладе я не останусь. Они честно выплатят мне половину своего гонорара. Правила адата (обычая) еще живы в мусульманской среде, а по адату в степях вору отрубали руку. Там и теперь не крадут.

Первыми на повестке дня доклад Кулькова и содоклад Исакеева о проведении сплошной коллективизации. Я только что вернулся из-за Иссык-Куля, т.е. проехал, по большей части верхом, всю Киргизию и видел коллективизацию воочию, теперь слушаю о виденном мною.

Оказывается, что в восточных районах (там, где Семикрасов пустил пулю в живот своему соседу) 90% русских и киргизов с восторгом вступили в колхозы (секретарь зачитывает их благодарственные резолюции), кочевники Сусамыра, над которым мы пролетели и Семикрасов удивлялся его пустоте, коллективизировались полностью, выработав новый тип кочевых колхозов. Они даже прислали подарок своему правительству – два десятка баранов, которыми сегодня нас будут угощать. В Токмаке и зачуйских районах небольшая группа кулаков сделала бешеную вылазку, которая была ликвидирована самим населением. (Там было поголовное восстание русских и киргизов в трех районах. Подавляли его два полка кавалерии и броневатоколонна. Районы опустели. Я видел «стада» выселяемых по 300-500 человек с женщинами и детьми, гонимых пешком).

Кульков говорит четко и уверенно, иллюстрируя доклад цифрами, телеграммами, резолюциями с мест... Ни тени сомнений на его энергичном лице... бодро... смело...

Потом начинаются «прения». Отсталые европейцы и американцы, вероятно, предполагают в прениях присутствие полемики, возражений, оспариваний, нескольких точек зрения. Какая отсталость!

В самой «прогрессивной и передовой» стране этого нет. Там все «монолитно», и «преющие» лишь подтверждают в своих выступлениях тезисы основного доклада.

Так и теперь. Оратор сменяет оратора, и все повторяют одно и то же: как разом возросло благосостояние их колхозов. Все приводят цифровые данные. Цифры, вероятно, вполне правильны, но дело в том, что сравнивается имущество прежних колхозов, включавших в себя 3-5 бедняцких семей, и теперешних, захвативших собственность всех поселенцев и кочевников. Но об этой ничтожной детали все молчат. Молчат и о гудах павшего от бескормицы обобществленного скота, которые красуются и смердят около всех поселений Киргизии.

Скучно. И я, и мои соседи, чтобы не задремать, играем «в крестики». Но вдруг мои коллеги-комсомольцы прислушиваются и начинают фыркать в кулаки.

Прислушиваюсь и я, хотя плохо понимаю киргизский язык, а на трибуне старый оборванный киргиз-пастух.

Что это? Я не верю своему знанию туземного языка. Оратор излагает сплошную непристойность. И с каким пафосом! Но хохочет уже весь зал.

– Переведите мне, в чем дело, – толкаю я соседа.

– Его (этого «показательного старика») в Москву с делегацией возили, – захлебываясь смехом, сообщает мне комсомолец, – и там он впервые увидел проводной ватерклозет... Поражен «достижениями советской власти» и сообщает свои впечатления со всеми подробностями!

– Хоть один говорит искренно, от всей души! – думаю я, глядя на старика...

Перерыв, и мы «в кулуарах», т.е. в фойе театра. Мне предстоит еще собрать для газеты страницу «Наше правительство», т.е. фото наиболее ярких делегатов и их короткие реплики. Я выискиваю подходящий «типаж», даю записки к фотографу, коротко опрашиваю, стараясь вытянуть что-либо путное. Нужно 24 фото.

За мной неотступно бежит русский доктор из Фрунзе, партиец из незадачливых. Он, как из пулемета, распинаясь в восхищении «нашим ростом». Я понимаю, что он хочет попасть в число фотографируемых, но мне в «типаж» он не нужен. Отчаявшись, он отстает, и меня ловит нарком здравоохранения.

– С чем он к вам приставал?

– Все достижениями восхищался.

– Ясно. Он в заместители ко мне лезет. Черта лысого я его пушу, склочника такого!

– Почему, – наивничаю я – ведь он известный активист, всюду выступает и партстаж у него солидный?

– Мало ли что! А Сизов через кого в Нарым загремел? А доктора Маныкина кто слопал? Нет, ему в Наркомате не быть.

Вот он, «монумент», при взгляде на него изнутри!

На мое плечо опускается тяжелая рука. Оглядываюсь. Это начальник пограничного поста в самой глуши Тянь-Шаня. Я гостил у него целую неделю. Он угощал меня охотой на каменных баранов и сногшибательной китайской водкой. Он партиец и вместе с тем лихой рубаха-парень, прямой потомок старых русских пограничников.

– Какого еще петрушку ты здесь валяешь, товарищ-корреспондент?

– Видишь, собираю фото членов правительства КирАССР. И тебя сниму. Держи записку. Подвиг твой какой-нибудь опишу.

– Ну тебя к черту и с фото, и с подвигом! Без меня вранья хватит!

– Да ведь ты сам тоже будешь выступать с речью.

– Ну, так что ж? У меня служба. Я по обязанности.

– И они по обязанности. У них тоже «служба».

– Так ты раздай им записки, а клещами за душу их не тяни. Сам наври. Это складнее выйдет. Пойдем лучше водку пить.

Но выпить водки со славным парнем мне не пришлось. Кульков вызвал меня срочно выправлять стенограмму его доклада. Мы трудились над ней весь вечер. Я смотрел в его глаза и не видел в них ни малейшей искры стыда за сплошную ложь. Этой лжи требовала партия, узами которой был скован Кульков. Социализм торжествовал.

Сатрапы разных образцов¹¹

Первый и бесменно пробывший на своем посту целых 19 лет председатель Совнаркома Узбекской ССР Фейзула Ходжаев¹² выглядел на своих многочисленных портретах точь-в-точь как изящный сын раджи из оперетки «Жрица огня»¹³. Маленькая белая чалма при европейском пиджаке, капризный излом тонких губ, мягкий овал лица, нос с горбинкой... казалось вот-вот заканканирует с своей партнершей-парижанкой.

Фейзула Ходжаев принадлежал к мощному роду Кунград, делавшему внутреннюю политику эмирской Бухары. Его отец был вторым в ней после эмира по богатству и его главным конкурентом в оптовой торговле каракулем, хлопком и кишмишом. Именно на почве этой коммерческой конкуренции Ходжаевы и возглавили возникшую в 1917 году младо-бухарскую партию, оппозиционную еще державшемуся у власти эмиру. Большевики, конечно, их использовали, и, после бегства эмира, младобухарцы, во главе с молодым Фейзулой, влились, мало что в этом понимая, в компартию. Из них было сформировано первое советское «национальное» правительство тогдашней Туркеспублики. Фейзула Ходжаев был поставлен во главе его. Выбор был удачен для большевиков. Как мусульманин из знатного рода Кунград, Фейзула был авторитетен среди местного населения, но, как азиат, глотнувший всех прелестей западной «культуры» и уже отравленный ими, он становился марионеткой в руках Москвы, где он и нахватался этих прелестей, окончив там коммерческое училище. Часть своего огромного богатства Ходжаевы сохранили, и Москва делала вид, что не замечает этого.

Я познакомился с Фейзулой не в политической, а в частной обстановке, в его особняке. Мой приятель, художник К-ий отделявал для него служебный кабинет, и я, много тогда писавший об искусстве Средней Азии, был приглашен в качестве эксперта по выбору материалов для украшения этого кабинета, задуманного в восточном стиле.

Явившись в назначенный час, мы с К-м были введены в большую залу.

– Тысяча и одна ночь! Сокровищница халифа! – воскликнул я.

Весь пол был устлан кучами образцов яшмы, малахита, переливчатого «павлиньего глаза», разноцветных мраморов и других неизвестных мне пород. Они перемежались со столбиками древних узорчатых изразцов из мечетей Бухары и Самарканда, а на столах лежали груды светлых ходжентских аметистов и зеленоватой с темными прожилками персидской бирюзы. По стенам висели полотнища шелка и парчи... ковры...

– Для выбора хватит! Не правда ли?

К нам подходил сам хозяин. Чалмы на нем не было, но блистал идеальный «набриолиненный» пробор. Пиджак сидел великолепно, и брюки были отглажены «в стрелку».

Мы с увлечением углубились в работу, примеряя сочетания образцов к эскизам.

– А если в эти медальоны вставить вместо яшмы бирюзу? – предложил Ходжаев.

– Темные прожилки можно позолотить, и будет очень эффектно, – отозвался К-ий, – но это обойдется не меньше, как в полмиллиона.

– Das spielt keine Rolle¹⁴, – по-немецки бросил Ходжаев, небрежно скривив губы.

Потом мы были приглашены к ужину. Все вина были только лучших марок, и хозяин знал в них толк. То, что в этом деле понимал кое-что и я, его, видимо, радовало: было перед кем хвастнуть. Как все азиаты, он быстро опьянел, и мы заговорили о прежней Москве. Фейзула впал в дикий азарт.

– Вы у Зона бывали? И у Максима? Помните даже этого самого негра? А Мари-Шери, французскую дизёз¹⁵, помните? Какая женщина? Неповторимо! Сверхъестественно. А Яр? Стрельна? Цыгане? Неповторимо!

Он приказывает принести граммофон, и из трубы раздается подлинно неповторимое бархатное контральто Вари Паниной...

– У меня полная коллекция, – хвастает Ходжаев. – Варя Панина, Вяльцева, Дулькевич.

Он млеет. Но он умеет и работать. Восемнадцать лет он пролабирал в густом сплетении внутрипартийных интриг, угадывая тонким чутьем восточного купца все капризные изломы политического ветра. В своей вотчине Узбекистане он буквально царствовал, пока не поскользнулся. Его расстреляли в 1937... Что ж, пожил, и будет!

Второй сатрап Узбекистана – секретарь ЦК УзКП(б) Икрамов¹⁶ использовал свое время менее «продуктивно». Он всерьез уверовал в построение социалистического рая на Востоке и фанатично отдал себя этому делу. Икрамов жил аскетом, работая, как вол, и именно его знанию Востока обязан Сталин распространением влияния на Персию, Афганистан и Кульджу, созданием системы школ восточных пропагандистов, которые работают теперь в пятых колоннах Азии, ликвидацией басмачества. Ошибка Икрамова была в том, что он, организовав этот мощный агрессивный аппарат Среднего Востока, стал сам слишком силен и, следовательно, опасен. Его расстреляли вместе с Фейзулой.

У обоих этих сатрапов была общая вывеска – председатель ЦИК'а Узбекистана («президент» республики), подлинный батрак Ахун-Бабаев¹⁷, «Калинин советского Востока». Кличку «Калинин» он получил не зря: Ахун-Бабаев был такой же безличностью, таким же покорным <...>, как и его всесоюзный прототип.

Он не умел говорить ни по-узбекски, ни по-русски. А говорить с трибуны ему приходилось по должности часто. <...> И слушали его, и аплодировали ему тоже «по должности», а всерьез его слова не принимали. Даже самые «низовые массы», и те пересмеивались.

Однажды в Ташкенте я присутствовал в качестве корреспондента на каком-то торжестве городских пожарных. Ахун говорил им поздравительную речь и был избран «почетным пожарным». На голову ему надели блестящую каску, а в руки дали крюк-топор. <...> Мне захотелось пошкольничать.

– Снимай красавца Ахуна, – крикнул я своему фоторепортеру и после вспышки магния торжественно сказал «президенту»:

– Подождите еще минутку, товарищ Ахун-Бабаев, не снимайте каску, я вам сейчас «почетную кухарку» приведу. Куму-пожарному нельзя без кумы-кухарки.

– Каряшо, – благодушно согласился <...> «президент» и не снимал надетой набекрень каски до самого конца вечера, терпеливо ожидая «кухарку»...

Средне-Азиатский военный округ возглавлял некогда знаменитый «победитель Кронштадта» Дыбенко¹⁸.

Во время каких-то очередных осложнений с Англией я был послан к нему взять интервью о мощности Красной армии на афганско-персидской границе. Цель – припугнуть Черчилля. Я ожидал увидеть статного самоуверенного красавца (ведь должен же быть красивым любовник разборчивой и опытной в этом деле Коллонтай¹⁹), но меня принял невзрачный, хотя и здоровенный детина. Еще удивительней было, что он явно робел, диктуя мне интервью, и беспрерывно оглядывался на стоявшего за его стулом начальника политуправления округа, кивавшего в знак согласия на каждую фразу,

– Вот во что обратилась теперь «краса и гордость революции», – подумал я тогда, – буйная, жестокая, но смелая и крепкая «братва-клёшники» перемолота в пыль партийным жерновом! «За что боролись, братишки?» Если ваш «вождь» оглядывается на политрука, то что же от вас осталось? И осталось ли что-нибудь?

Но и оглядка на политрука не спасла Дыбенку от общей для всех героев октября и февраля заслуженной ими участи. Собрав остатки своего бунтарского темперамента, он, последним из начальников военных округов, все же примкнул к заговору Тухачевского²⁰. Но восстановить в себе пафос бунтарства уже не было сил. Он «оглянулся» на политрука и был в числе выдавших организацию, что, конечно, не спасло его. Расстрелян вместе с прочими. Говорили, что на следствии и суде он, в противовес Тухачевскому, держался позорно малодушно, каялся, плакал и давал обещания исправиться. <...>

Романтика революции²¹

Русский Туркестан, Средняя Азия играет большую роль в моей судьбе, да и не только в моей: в 20-х годах ее просторы и сохранявшие тогда еще свой колорит городá давали приют многим подобным скитальцам. Здесь жилось тогда немного сытнее и много вольнее, чем в Европейской России. Но моя жизнь связана с ней особенно крепко и причудливо.

В первый раз я попал в нее летом 1918 г., командуя конными разведчиками особого Сибирского полка армии ген. Деникина. Этот полк был сформирован из возвращенных из Франции русских солдат, полностью распропагандированных большевиками. Он почти целиком сдался в бою под Казинджином 23 ноября 1919 г. Но мои разведчики не сдались, а прорвались в горы и потом прошли весь крестный путь отступления вплоть до Каспия – второй фазы замечательного, но мало известного «знойного похода» преданной англичанами Закаспийской белой группы ген. Казановича²². С остатками этих всадников я ушел в Персию, почему и считаю себя одновременно и «старым» и «новым» эмигрантом.

Но об этой части моих скитаний я расскажу, если Бог даст, когда-нибудь потом, а в этих очерках вспомню лишь кратко о моих первых встречах с коммунистами того, уже ушедшего в историю, времени.

Персидские пограничники меня буквально продали красным за 10 туманов (20 царских рублей) и передали связанным комиссару кавалерии 1-ой армии Советов еврею Марцеллу Соломоновичу Рабиновичу²³, за упокой души которого я ежедневно молюсь.

Вы удивлены, читатель? Не удивляйтесь: не такие еще «чудеса» случались тогда, в то суматошное время, да и теперь бывают...

Марцелл Рабинович был один из очень немногих евреев, заслуживших солдатского Георгия на Германской войне, куда он пошел добровольцем. В 1917 году он вступил в партию. Этот человек был «романтиком революции», характерным для того времени, но теперь уже полностью истребленным, типом. Мне думается, что ему были созвучны полковник Муравьев, Котовский, Чапаев и другие подлинно доблестные, но одурманенные революцией русские солдаты. Вероятно таким же, с тайной мечтой о карьере Бонапарта, был и Тухачевский.

Все они теперь или погибли в боях или перебиты своими же социалистическими «единомышленниками». Но к Марцеллу Рабиновичу Господь был милостив и послал ему легкую смерть: в конце 20-х годов он полетел с приятелем-пилотом «прокатиться по облакам» на непроверенном еще новом аппарате. Сверзились. От романтика осталось только кровавое пятно...

Комиссар Рабинович привез меня непосредственно в свой личный салон-вагон в поезде командующего Туркфронтом М.В. Фрунзе.

В нем – целая серия неожиданных встреч. Во-первых, я совершенно свободен и мог бы бежать, если было бы куда. Но после встречи с англичанами, оккупировавшими тогда Персию и заставлявшими наших, попавших туда разоруженных офицеров чистить конюшни и резать саман для их сипайской конницы (бенгальских улан)²⁴, – бежать к ним снова у меня не стало охоты. Здесь же, в том же вагоне – свои, взятые в плен в Красноводске ротмистр Львов (Приморского драгунского полка), ротмистр Голодолинский, гардемарин Пульман²⁵ ... Заходят и красные... бывшие гвардейцы Ушаков, Тросков. Позже я узнал, что это отношение к нам диктовалось самим Фрунзе, стремившимся привлечь в комсостав пленных белых офицеров.

В первый же день – допрос в Особом отделе. Его начальник – по фамилии Ганин²⁶. Он прекрасно, тонко, как говорили тогда, одет, стилизован под англичанина, щеголяет, вставляя а речь немецкие и английские фразы. Его вопросы трафаретны, вежливы, и мои ответы его, видимо, мало интересуют.

– Допрос окончен, – говорит он через пять минут, – он только формальность. Война в Туркестане тоже закончена, и нового вы мне не скажете. Поговорим о другом.

Из этого «другого» я узнаю, что товарищ Ганин окончил знаменитую Петербургскую Анненшуле, что он поручик (военного времени) одного из пехотных гвардейских полков, Павлов...²⁷, и что завтра со мной будет говорить сам командующий фронтом.

Настает и завтра. Я впущен в личный салон-вагон Фрунзе. Множество книг. Я успеваю заметить, что большинство из них военного содержания. За столом начинающий полнеть, не то небритый, не то с легкой бородкой тридцатилетний человек, с спокойными серыми глазами, в мешковатой и грязноватой парусиновой гимнастерке.

– Садитесь, ротмистр!

Мой чин назван просто, без иронии, без аффектации. Так же просто завязывается и разговор. Не допрос, а именно разговор двух любящих свое конное дело военных. Фрунзе расспрашивает меня о водопоях в колодцах пустыни, о преимуществах русского седла перед попавшим тогда в Россию канадским. Увидев, что я путаю местные породы лошадей, достает книжку о них полковника Ионова и объясняет мне разницу между карабаиrom и ахалтекинцем... Полчаса проходит незаметно.

– Вы – серьезный кавалерист-практик, – говорит мне Фрунзе, – такие нам очень, очень, – подчеркивает он, – нужны. Но я не предлагаю вам вступить в Красную армию. Таким, как вы, насколько я понял вас, – поднимает он на меня свои спокойные серые глаза, – это трудно, пожалуй, невозможно. Я предлагаю вам должность начальника табунного коневодства Семиречья. Огромное поле работы. Там уже есть пять тысяч маток. Производителей вы выберете сами в Байрам-Али. Согласны? – и, видя, что я колеблюсь, добавляет:

– России всегда, какой бы она ни стала, будет нужна кавалерия, а кавалерии – строевая лошадь. Согласны?

Я соглашаюсь, и через десять минут (как позавидуют мне современные «военные преступники»-коллаборанты!) у меня в кармане широковещательный «мандат» и свидетельство о персональной амнистии за подписью Фрунзе, что, однако, в дальнейшем, через три месяца действительно большой и интересной работы в Тянь-Шане, не помешало мне быть арестованным и отправленным в Москву, а там получить приговор к смертной казни. Меня спас Перекоп. Упоенные победой большевики «даровали широкую амнистию», по которой предстоявшая мне «шлепка» была заменена 10-ю годами Соловков, предельным тогда сроком (теперь 25 лет).

Не помешали и гибели М. Фрунзе его действительные революционные заслуги, несомненный талант полководца и военного организатора и глубокое, серьезное отношение к своему делу. Когда СССР облетел слух, что Фрунзе зарезан ножом хирурга по приказанию Кремля, все изумились. Но я не удивлялся. Мне вспомнились его слова:

– России всегда, какой бы она ни стала, будет нужна кавалерия.

России... ее искра все же тлела тогда в сердце большевицкого главковерха, под пеплом уже перегоревшего революционного безумия. Такой полководец, к тому же пользовавшийся огромной популярностью в РККА, был немыслим в социалистической системе. Его «устранение» было неизбежно и вполне логично для нее. Вслед за ним, через 10 лет, пошли Егоров, Блюхер, Тухачевский, Саблин. 57% высшего красного генералитета. Саблина я знавал еще гимназистом. Он принадлежал к хорошей почтенной московской семье и был тоже «романтиком революции». Сколько таких «романтиков» было в числе этих 57%? <...>

С допрашивавшим меня начальником Особого отдела Ганиным судьба свела меня еще раз при моем втором приезде в Среднюю Азию. Он был тогда переводчиком иностранной прессы при газете «Правда Востока». Его держали там «из милости». Раз в месяц он неизменно запивал ровно на неделю и бродяжничал в эти дни по Ташкенту. На шестой день запоя он столь же неизменно приходил ко мне опохмеляться, мылся, брился, разговаривая только по-немецки (этим языком он вла-

дел в совершенстве) и по-французски. Потом брал у меня ровно на бутылку водки и уходил... на могилу высланного Государем в Ташкент и умершего там Великого Князя Николая Константиновича²⁸. (Это отец находящегося теперь в эмиграции кн. Искандера²⁹, оставившего по себе в Средней Азии очень добрую память). Там, на могиле отпрыска Царственного Дома, особист Ганин проводил последнюю, особенно мучительную ночь припадка своей страшной болезни. Что переживал он? Бог весть! Но во всяком случае не горделивые воспоминания о своих «подвигах» в Особом отделе.

М. Рабинович был единственным человеком, присылавшим мне посылки в Бутырки после моего ареста. Семьи у меня тогда не было. Судьбы остальных я узнал, попав вторично в Ташкент. Фон Шульман погиб в бою с басмачами, Львов и Голодолинский сгинули в недрах ГПУ.

Не чудо ли, что я сейчас пишу эти строки? Кровь... кровь... кровь... ею залит путь русской интеллигенции, указанный «прогрессизмом» XIX века.

Главковерх М.В. Фрунзе отдает честь...³⁰

Поезд командарма, инспектирующего свой огромный округ, медленно продвигается от Ашхабада к Ташкенту по мертвым пескам пустыни. Но вот, в их безбрежье блистает яркий изумруд оазиса. Это Байрам-Али³¹ – личное имение Государя. Оно еще не разграблено. <...> Туркмены выразили больше честности и верности Ак-Падишаху³², чем его русские подданные. Здесь мне предстоит отобрать жеребцов для табунного коневодства.

Только подлинный, истинный конник поймет всю красоту того, что я там увидел. Конский завод Байрам-Али ставил целью сохранение и культуру местных пород: поджарые, высушенные зноем песков текинцы, их кровные братья номуды, нарядные карабаиры, уродливые, но неутомимые киргизы³³ чаруют глаз любителя. Фрунзе ставит здесь охрану из своего личного мадьярского конвоя.

Сады, виноградники, опытные поля Байрам-Али – дивное сочетание восточной сказки с огромной продуманной культурной работой. Чего только, каких только растений там не культивировалось! Позже, перевидав сотни «передовых» совхозов и племхозов, я не видел ни в одном из них подобного размаха и осмысленности культурной работы. Вся она полностью служила потребностям края. Государь ни разу не был в Байрам-Али, и этот образцовый рассадник культуры не был его «развлечением».

Геок-Тепе³⁴, памятник русского героизма, уже позади. Мы путем Скобелева приближаемся к Амударье, переезжаем ее по одному из длиннейших в мире мостов. Снова памятка. Проект этого моста военного инженера Анненкова был забракован специалистами, утверждавшими, что построить мост такой длины здесь невозможно, но Государь дал Анненкову денег из личных средств, и мост был построен железнодорожным батальоном Русской Армии. Так было в «отсталой» России!

Вот и Новая Бухара, железнодорожная станция в 12 километрах от замечательного по красоте древнего восточного города. Эмир еще держится. Коммунизм и восточная деспотия обмениваются приветом.

Вдоль платформы выстроена афганская гвардия эмира, brave ребята в английской форме. У самой станции – ожившая сказка – свита восточного властителя, переливающаяся всеми цветами радуги группа всадников на великолепных конях, в блистающих самоцветах уборах. Пестрые халаты, белые чалмы, драгоценные пояса с редкостным оружием... 1001 ночь...

Фрунзе, стоя на площадке вагона, здоровается с почетным караулом.

– Здравствуй, ваше Тилие-пилис-два! – довольно стройно звучит в ответ, и гордость эмира – европейско-азиатский оркестр гремит «встречу»...

– «Боже, Царя храни!»³⁵

Штабные главкома смущенно переглядываются, но он сам спокойно берет под козырек. Вслед за ним – штаб и мы...

Вернувшись в вагон Рабиновича, мы оживленно обсуждаем это необычное происшествие.

– Главком совершенно прав, – авторитетно решает сам комиссар Рабинович. – Почетный караул приветствовал Россию! Великую Россию, товарищи, которой многим обязана эта страна. Ведь я бухарский еврей, из тех, что здесь при вавилонянах еще были. Моя семья и теперь в Бухаре. Знаете, что было здесь до русских? Каждый еврей был обязан перепоясываться веревкой.

– Для чего? – удивленно спрашивает фон Шульман.

– Чтобы правоверный <...> не утруждал себя поиском веревки, когда захочет повесить этого еврея³⁶.

– И вешали?

– Еще как! Ведь это же Восток, товарищи, Восток, где все было залито кровью, вплоть до «белой кошмы» на троне эмира! <...> Съездим в Бухару, я покажу вам и «минарет смерти», с которого сброшены десятки тысяч жертв³⁷, и подземную тюрьму со скорпионами, зарисованную Верещагиным³⁸... Только русские покончили со всем этим безобразием... Нет, здешним народам нечем укорить Русских царей, особенно нам, здешним евреям. Это не «черта оседлости»... Правильно сыграли гимн «арбакэши»³⁹! Да и что иное они могли сыграть? Не польку-мазурку же! А «Интернационала» они, конечно, не знают. Россию, Великую Россию они приветствовали, товарищи! И правильно!

– Расцеловать бы вас, товарищ комиссар, за эти слова! – искренне вырвалось у ротмистра Львова, – но все ли у вас так думают?

– Массы есть всегда массы, – морщится Рабинович, – но ведь я – комиссар кавалерии фронта и могу самостоятельно мыслить.

Как счастлив Марцелл Рабинович, коммунист, что не дожил до «торжества социализма», думаю я теперь. Попробовал бы он сейчас так помыслить!

Это было весной 1920 года. Через два или три месяца Бухара была разгромлена инсценированным «восстанием масс», а на самом деле татарским полком Красной армии. Операция окружения города была проведена очень плохо: эмир не только уехал в Афганистан под охраной своей афганской гвардии, но вывез сто лучших жен и 500 верблюдов с драгоценностями. Зато грабили ее «хорошо». Весь Арк, холм, на котором стоял дворец эмира⁴⁰, был устлан шелками и коврами из его сокровищницы. Досталось и мирному населению. Позже я сам видел золотой само-

варчик (с пробой) тульской работы, выменянный у красноармейца за десять пачек заусайловской «фабричной» махорки, которой не было тогда в Средней Азии. Поджились «освободители»! Таков был первый акт «самоопределения».

Через десять лет я повидал и второй акт той же драматической комедии. Бухара, куда я заезжал в 30-х годах, была жалким, обнищавшим, пыльным и грязным городком. Красочный Ляби-хоуз⁴¹, зеркальный водоем в центре города, где прежде кейфовал весь его «бомонд», раскинувшись на коврах висящих над водой чай-ханэ, зарос тиной и вонял. Исключительная по красоте мечеть «четырёх минаретов»⁴² стояла полуразрушенной и опустелой. Огромные крытые базары, в 20-м году еще полные товаров и кипевшие колоритной восточной жизнью, в 30-х годах были мертвы и раскрыты... Население явно голодало: по карточкам давали только фунт скверного серого хлеба, тогда как прежде вся Бухара питалась лишь белыми пшеничными лепешками «нон». Рису для национального плова не было вовсе, но Узбекистан был зато даже не автономной, а полноправной и суверенной «советской» социалистической республикой.

Мне вспомнилось тогда то, что я успел повидать и узнать о прежней «Бухаре Эшарип»⁴³ – Священной Благословенной Бухаре, втором (после Мекки) духовном центре Ислама, городе с сотнею медресэ (духовных мусульманских школ), тысячами мударисов (мусульманских профессоров), изучавших и развивавших творения суфи-философов таинственного *мусульманского* мира. Эта священная мусульманская Бухара, к которой стекались десятки тысяч паломников со всего Среднего Востока, развивалась и процветала под охраной и попечением *православных* Русских Царей!

Мне вспомнился простой, самый обыкновенный каракулевый воротник, какой был почти на каждом жителе городов России; представились колонки сухих многозначных цифр, показатели *мировой* торговли каракулем, монополии Бухары; пришли на память фамилии миллионеров Ходжаевых, Магомет-Рассулевых, Салтановых. Конечно, не каждый бухарец был миллионером, но каждый ел вволю румяные белые «ноны» и плов с ароматным барашком, стоившим здесь тогда полторы копейки фунт. <...>

Вот почему я молюсь об упокое мятежной, заблудшей души еврея, коммуниста и комиссара Марцелла Рабиновича, имевшего смелость и честность салютовать и встать на защиту национального гимна Единой Великой России, последнего «Боже, Царя храни»! <...>

Великий комбинатор⁴⁴

В песках Туркмении водится огромная, достигающая двух метров длины ящерица-варан. С виду она очень страшна – прямо крокодил, но на самом деле абсолютно безвредна и безопасна. Туркменские мальчишки забавляются с ними, как наши – с котятами.

В газете «Вечерняя Москва» промелькнула заметка о том, что на «буржуазном разлагающемся Западе» вошли в моду женские туфельки и сумочки из замшевой кожи. В мозгу «великого комбинатора» – первого секретаря Средазбюро ЦК ВКП(б), т.е. заместителя Сталина над пятью бутафорскими республиками Средней

Азии Зеленского⁴⁵ она оформилась в четкий план превращения узорчатых шкур варанов в не столь живописные, но более приятные в наши дни долларовые бумажки, часть которых прилипла бы к рукам его самого.

Темпы соцстроительства не терпят промедлений. Тотчас по всей кооперативной сети Туркмении пролетели циркулярные телеграммы о заготовке варанов для экспорта. <...> Туркменские ребятишки толпами устремились в пески и потащили оттуда на веревочках тысячи экземпляров нового достижения социалистической экономики. Одновременно начались поиски и наем операторов, т.е. драчей, умеющих снимать тонкие шкурки ящериц.

Первая часть «кампании» шла с перевыполнением плана на 300%.

По цене 100 граммов паточных леденцов за штуку, туркменчата наволокли во дворы степных факторий тысячи ящериц. Но во второй ее части получился «прорыв»: спецов по обдиранию варанов не оказалось, а дилетанты портили экспортные шкурки.

Между тем, сам заготовленный экспорт внепланово хотел есть, и устремился на лишки сахара, риса, муки, сложенные во дворах тех же факторий.

Завы факторий завопили. Начался бешеный обмен телеграммами между степью, Ташкентом (Зеленским), Москвой (Внешторгом) и Лондоном (фирмами, выдавшими задатки под товар). Все окончилось к общему удовольствию: лондонские покупатели получили крупные неустойки; вараны – свободу; туркменчата – леденцы; завы факторий – разрешение списать в графу «неизбежных потерь производства» съеденное варанами и, конечно, добавили в этот счет на свою долю, а все Средазбюро, во главе с самим Зеленским, хохотало до коликов. О пущенных на ветер народных деньгах не было сказано ни слова. Такова была веселая, но неудачная афера «великого комбинатора». Прочие его «комбинации» были много удачнее для советской кассы и много печальнее для подсоветского народа. В их финалах никто не смеялся, но многие, очень многие плакали.

Сын местечкового еврея, владельца мелкой аптеки, провизор по профессии и образованию, Зеленский был действительно незаурядным финансистом социалистического типа, т.е. ставившим знак полного равенства между понятиями «прибыль» и «грабеж». Его первой широкой, всесоюзной операцией на этом поприще было исключительное по наглости ограбление возродившейся в годы НЭП'а российской кооперации.

Населению больших городов было предложено строить, организовавшись в кооперативные общества, собственные многоквартирные дома, при гарантии личной собственности квартиры каждого пайщика. Это мероприятие имело большой успех. По всем значительным центрам, а более всего в самой Москве, создано множество строительных коллективов; их члены, урезая себя во всем, ежемесячно несли свои взносы. Стройка развернулась вовсю... Через 3-4 года, когда много таких домов было уже построено, а еще большее количество обеспечено строительными фондами, правительство... национализировало все эти дома и собранные средства, не вернув, конечно, пайщикам даже их взносов. Счастливые обладатели собственных квартир в 3-4 комнаты, созданных на их трудовые сбережения, были «уплотнены» и перешли на положение бесправных жильцов «жактов».

Эта «комбинация» была оценена, и Зеленский поставлен во главе всей кооперации. Тут он произвел такую же «реформу», «уровняв» всех пайщиков, т.е. отбрав безвозмездно все взносы сверх основного минимума. Пайщик, внесший, примерно, 1000 рублей, терял 990, сохраняя лишь 10 рублей. Потребительская и производственная кооперация были убиты наповал. Вся система перешла в руки социалистического государства и фактически перестала существовать.

После этих «достижений» Зеленский был назначен суб-диктатором всего Туркестана с чрезвычайными полномочиями. Этот пост был очень значительным, т.к. Средняя Азия в то время была самой богатой частью Союза, сохранив еще многое из накопленного в «тюрьме народов»⁴⁶.

Зеленский начал с «земельно-водной реформы», т.е. с зажиточных хозяйств. Дело в том, что в Средней Азии помещиков русского типа, многоземельных, совсем не было. Владения в 6-8 га орошенной земли или сада были бытовым максимумом, но плодородие страны (две жатвы пшеницы или шесть укосов люцерны в год на Зеравшане!) делало их владельцев сравнительно богатыми, вполне зажиточными. Вода же там имеет исключительное значение: без орошения – все мертво.

Зеленский прежде всего национализировал земли мечетей, «вакуфов» (мусульманских благотворительных обществ) и все владения, превышающие 1,5 га полива. Награбленное он передал мелкими участками безземельным младшим родовичам (родовой быт и родовое землевладение еще жили тогда в Средней Азии) и загнал этих новых собственников в прообразы колхозов, национализировав воду, вырвав все водоснабжение из рук крестьянских общин и передав его своим чиновникам. Упорных единоличников он ликвидировал чрезвычайно просто: не дал им воды и засушил их участки. Таким образом, он предвосхитил в Средней Азии проведение сплошной коллективизации.

Далее была объявлена «новая хлопковая программа», т.е. на всех поливных землях было разрешено производить только хлопок, сдавая его соцгосударству по бесстыдно сниженной цене.

Промышленность царской России была также остро заинтересована туркестанским хлопком, но тогда производство его стимулировалось высокими ценами закупки, авансированием производителей и другими мерами поощрения. Кроме того, Средняя Азия получала дешевую пшеницу с Кубани через Красноводск и с Поволжья через Оренбург. Теперь этого притока не было, и хлопководство обрекало местное население на голод.

Кишлаки (поселки) сопротивлялись сначала пассивно – сеяли неразрешенную пшеницу. Зеленский двинул на поля спецотряды и выкосил незрелый хлеб на корню. Возникло движение «палочников» – крестьянских антисоветских партизан. Оно было потоплено в крови.

Победа! Соцпромышленность получила хлопок, а трудовое крестьянство «национальных республик» – голод и нищету. Достижение!

В личной жизни Зеленский был очень веселым, остроумным и скептически-циничным человеком. Часто соприкасаясь с ним по газетной работе, я всегда старался настраивать его на разговор «не для печати». Когда это удавалось и Зеленский, увлекшись своей болтовней (поговорить он любил), начинал с потрясающим

цинизмом рассказывать свои «анекдотики», можно было лишь изумляться той степени морального разложения, до которой он дошел.

Под пару ему была и его жена. Она происходила из старинной титулованной семьи, воспитывалась в Смольном, но в самой последней торговке было больше совести и меньше бесстыдства, чем в ней.

Проводя социалистические «комбинации», Зеленский не забывал и себя. Медленно и осторожно он переводил крупные суммы за границу, подготавливая себе «невозвращенство» и богатую жизнь в одной из либерально демократических стран. Это сорвалось. Личная вражда – ею пропитаны все партийные организации – «подобрала ключи» и, несмотря на огромные заслуги перед партией и несомненную «нужность» ей Зеленского с его большим соцкоммерческим умом, он был все же расстрелян. А способности его были незаурядные: адская идея Торгсина... выжимание золота голодом – принадлежала тоже ему, чем он любил хвастать.

Расцвет «творчества» Зеленского совпал с появлением книги Ильфа и Петрова «12 стульев», и в партийных кругах Зеленский получил кличку ее героя – Остапа Бендера – «великий комбинатор».

Сверх-Обер-Хам⁴⁷

В тридцатых годах, в Ташкенте, был созван 5-ый всемирный геологический конгресс⁴⁸. Большевики, воспользовавшись очередью России в Международной ассоциации геологов, решили блеснуть, и имели эту возможность, благодаря жившим еще старым геологам: Обручеву, Ферсману, Губкину⁴⁹ и уже начатым широким исследованиям первой пятилетки.

Но пропагандный бум не удался: на съезд прибыла лишь делегация Германии, социал-демократическое правительство которой дружило тогда и заигрывало с Советами.

Зато уж с этой делегацией носились, как с богатой тещей: угощали на банкетах, услаждали специальными концертами... не обошлось без неудач и здесь. «Президент» Ахун-Бабаев в произнесенной им по-русски приветственной речи так и не смог выговорить слова геология и заменял его привычным идеология. Внимательно слушавшие немцы были озадачены.

На концерте туземной музыки стало еще «веселее». Этот концерт устраивал местный старожил Покровский⁵⁰, большой знаток восточной музыки, автор глубокого двухтомного труда о ней, но абсолютно не знакомый с законами сцены. Главную же роль в туземных оркестрах играет инструмент карнай – гигантская, в четыре метра длиной труба, прямой потомок тех, которые разрушили стены Иерихона. Обычно «артист» в нее дует, его помощник держит на плече противоположный конец с раструбом. Рев ее ужасен.

Немцев посадили в первом ряду небольшого, но изящного зала, бывшего военного собрания, а Покровский построил оркестр в ряд по самому краю авансцены, взмахнул руками...

...Дружно грянули огромные котлы-барабаны, а карнаи рявкнули, упершись чуть не в самые лица немцев...

Толстый профессор Кайзер в ужасе схватился за голову и мог лишь сказать:

– Kolossal!

В заключение же съезда немцы задали ехидный вопрос:

– Почему у вас, при таком невероятном богатстве геологического материала и столь широком размахе прикладных исследований, так бедна их теоретически-научная разработка?

Отвечавшему им академику Ферсману пришлось смущенно ограничиться общей фразой.

Но ловкачи советской пропаганды готовили уже новый трюк: была задумана объединенная советско-германская экспедиция на Памир, с целью «открыть» уже открытые пики Петра Первого и Николая Второго, а заодно и переименовать их в пик Ленина и пик Сталина. Оба пика выше 7000 метров, близки по высоте к Эвересту, и Германия выслала для их «открытия» шестерых лучших альпинистов. Советы также послали бригаду альпинистов, бригаду научных работников, во главе с профессором Щербаковым⁵¹, а верховное начальствование над всеми «штурмующими Крышу Мира» силами вручили «испытанному» главковерху, в то время прокурору республики – Крыленко⁵².

Я обслуживал от газеты и конгресс и экспедицию, вследствие чего и имел сомнительное удовольствие познакомиться с этой «исторической» личностью.

Тотчас по прибытии экспедиции я интервьюировал профессора Щербакова. Это был скромный, тихий, но глубокий, вдумчивый человек науки. Он обстоятельно и детально излагал мне ряд исследовательских проблем, которые надеялся разрешить в предстоящей экспедиции. Я записывал. С шумом открылась дверь, и в комнату ввалился здоровенный детина средних лет, очень похожий на переодетого в щегольской френч деревенского мясника. Соответствующие манеры, соответствующая морда.

Дорогие читатели, вы знаете, что я избегаю грубых слов в моих рассказах вам, но в данном случае такое определение неизбежно. Можно сказать лишь еще грубее – харя. Назвать же этот «портрет» лицом или физиономией нельзя.

Черты его были обычными, даже правильными, но выражение тупого самодовольства, чванства, наглости – попросту хамства – проступало столь ярко, что покрывало собой все прочее. Трудно верилось, что его обладатель окончил университет.

– А, сотрудник печати? Очень хорошо, – не здороваясь, бросил он мне, – ну, эту профессорскую... (непристойное слово) бросьте к... (непристойная фраза). Слушайте, что я вам скажу и записывайте. Слово в слово.

Крыленко развалился в кресле, закурил, не предложив, конечно, нам, папиросу, и понес трафаретную пропагандную чушь о «достижениях», «победах» и прочем. О научной работе, ее конкретных задачах – ни слова. Потом выяснилось, что он спутал даже намеченный маршрут, что мягко пояснил мне проф. Щербаков: тов. Крыленко «оговорился».

Что было делать мне? Дать болтовню Крыленко без разъяснения смысла экспедиции?

Умный заместитель редактора Эйдельсон нашел выход. Он дал оба интервью разом под жирным заголовком: «Мы штурмуем Крышу Мира».

Я сопровождал экспедицию до линии вечных снегов, и в вагоне служил переводчиком между русскими и немецкими альпинистами. Наши были славными, крепкими молодыми ребятами. Снаряжены они были «по-советски»: в солдатских бутсах и стеганых ватниках. Для питания – сало и крупа. Немцы имели, конечно, полное снаряжение европейских спортсменов, каждый предмет которого возбуждал удивление и восхищение наших.

– Что это? Для чего это? – то и дело спрашивали они, указывая то на сухое горючее, то на другие приспособления горного спорта. Рулончики гигиенической бумаги, которые несли при себе немцы, привели их сначала в недоумение, а потом вызвали взрыв хохота. Оторвали себе по кусочку – показать дома.

– Они, кажется, никогда не видали этого? – в свою очередь удивились немцы.

Стыдно мне было тогда, и этот эпизод, эти вежливо-насмешливые улыбки немцев вспомнились мне много лет спустя, когда я увидел знаменитый номер розенберговского журнала «Untermensch»⁵³.

Крыленко в дороге шумно ссорился с сопровождавшей его сожительницей, тоже «героем» тов. Розмирович⁵⁴, причем крепкие выражения сыпались с обеих сторон. В тех же формах он покрикивал и на профессоров. С альпинистами он вообще иначе не разговаривал.

«Штурм» совершился. И русские и немцы поднялись на пики. Переименовали их и утвердили на ледниках красные тряпки.

– Каковы научные результаты экспедиции? – интервьюировал я вернувшегося Щербакова.

– Темпы научной работы не совпадают с темпами спорта, – уклончиво ответил он, – пока я воздержусь от ответа... потом... Когда мы разберем, проанализируем собранные материалы...

– Для науки – нуль с хвостиком! – понял я.

Но шум был большой. Кажется, прокричали об «открытии Памира» и за границей, как потом о папанинской буффонаде на Северном полюсе. Госиздат предложил мне выпустить книгу об экспедиции с очень большим тиражом при столь же высоком гонораре. Я отказался. Не смог. Пришлось бы сверх сил врать, восхваляя «подвиг» и «достижения» советчины, в то время как единственный там действительный реальный подвиг был совершен нашими ребятами-альпинистами, сделавшими этот очень трудный подъем на пики без снаряжения, полуголодными, но все же не отстав от блестяще снаряженных и тренированных немцев.

Не беда! Рекламные книги написали другие, не видевшие Памира и близко. Так фабрикуются «достижения», приводящие в восторг наивных европейцев и янки.

Русский «колонизатор»⁵⁵

В тридцатых годах, в бытность мою разъездным корреспондентом газеты «Правда Востока», мне удалось встретить в одном из маленьких городков на Средней Сыр-Дарье труппу курчаkbозов, по всей вероятности, последнюю. Курчаkbозы – это актеры, режиссеры, драматурги и одновременно владельцы бродячего кукольного театра, корни профессии которых уходят в глубокую древность народов Средней

Азии. Главный несменяемый герой этого театра Аман-Пальван (в переводе на русский язык – Горе-богатырь) приходится, вероятно, отцом итальянскому Пульчинелле, турецкому Карагезу, немецкому Иоганну Вурсту и... нашему, памятного еще старикам, забористому, веселому Петрушке. Да и сам театр курчакбозов развивался теми же путями, как и его западные родичи, включая в свои «классические» пьесы новых злободневных персонажей.

Я пробродил вместе с курчакбозами несколько дней, записал около десятка пьес их репертуара и позже, разработав эту тему в Ташкенте, при помощи сохранившейся там прекрасной библиотеки, выпустил даже небольшую монографию о нем, за которую получил ученую степень в местном университете.

В ходе этой работы меня поразило присутствие в некоторых пьесах двух русских персонажей: доктора Батыршина и купца Иванова, которые, к моему еще большему удивлению, оказались на самом деле жившими и широко известными всему Туркестану конца прошлого века людьми. Доктор Батыршин был военным врачом одного из туркестанских батальонов, поразившим местное население успешным действием русской медицины и лечившим это население бесплатно, а «купса» Иванов – одним из первых русских промышленников Сыр-Дарьинского края, коммерсантом-созидателем широкого размаха. Позже я познакомился с его сыном и узнал многое о жизни и карьере этого характерно-русского типа дельца вовлеченных в орбиту Российской Империи новых земель. Немало таких было и на Кавказе, и на Дальнем Востоке, и в Средней Азии.

Первым русским коммерсантом, двинувшим свои миллионы в Среднюю Азию, был москвич Хлудов⁵⁶. Его приказчики шли вместе с отрядами замиравшей край небольшой русской армии, а иногда даже впереди них, стремясь по существу различными методами к одной и той же цели. Цветистые, прочные, дешевые ситцы и миткали хлудовской фабрики действовали совместно с пушками генералов Черняева⁵⁷ и фон Кауфмана⁵⁸ и в некоторых случаях даже радикальнее их. Так, например, хлудовский приказчик Алиханов, проникнув со своим караваном в запретный для русских Мерв, организовал в нем прорусскую партию, в результате чего цветущий оазис с огромным городом был присоединен к Империи без пролития крови.

Одним из приказчиков «хлудовского батальона», как называли его тогда в Туркестане, был и некий, еще молодой в те времена, ловкий и сметливый Иванов⁵⁹. Старик Хлудов, объезжая в восьмидесятых годах прошлого столетия свою коммерческую территорию, заметил и оценил его. Он, Хлудов, слыл в Москве чудаком, большим самодуром, но вместе с тем человеком большого сердца.

– Тебе бы, Иванов, свое дельце тут надо начать, а то у меня, брат, много не наворуешь, – пошутил он с молодым приказчиком.

– Всей душой этого хотел бы, хозяин, да деньжонок маловато.

– А сколько ж тебе надо?

– Немножко для большого человека, тыщенок с десятков.

– Ну, что ж, бери, я тебе дам под вексель.

«С этих десяти тысяч и начал мой папаша, – рассказывал мне его сын, – да не одно какое-нибудь дело, а тоже разом с десятком или больше того. Я-то не помню – тогда еще не родился, – но знаю, что первым делом он стал строить по всей Сыр-

дарье хлопкоочистительные заводы. Очистка на месте немного повышала стоимость продукта, и барыши у отца были крупные. Но он не скарденничал над ними, а значительную часть уделял хлопкоробам, закупая вперед и контрактируя посевы целых уездов. Этим он служил одновременно себе самому, им, да и России-матушке, развивая отечественное хлопководство и тем вызволяя московских промышленников из кабалы ливерпульских купцов. Вместе с хлопком, действуя теми же методами финансового поощрения самого производителя, он двинул вперед и виноделие края. Ведь сами узбеки – мусульмане и вина, по крайней мере в больших количествах, не употребляют, экспорта тоже не было, а почва и климат для винограда вполне подходящие. Выписал отец лоз из Крыма, Персии и даже из Франции, роздал их садоводам и выдал задатки под урожай».

Через несколько лет он уже вывозил в Россию десятки тысяч ведер высоко-сортного вина, вовлек в компанию еще нескольких коммерсантов – Первушина⁶⁰, Филатова⁶¹ – и закудрявился виноградом весь Сыр-Дарьинский край, в котором, по местным легендам, были когда-то знаменитые сады Семирамиды (близ Ходжента).

Правительство налаживало дорожную сеть, проводился рельсовый путь из Оренбурга до Ташкента, а на юге – ямские и почтовые тракты. Иванов взял подряд на весь край. Понадобились лошади, и он не только тысячами закупал их в степи, но сейчас же завел в городе Аулие-Ата образцовый конный завод, в котором, тоже первым в Средней Азии, применил метизацию, улучшая английскими чистопородными жеребцами местных киргизов, карабаиров и текинцев.

Этот завод пришлось видеть и мне. Я был поражен его огромным манежем и замечательными помещениями для маток. Любая европейская конюшня могла бы им позавидовать, а еще более позавидовали бы европейские коннозаводчики результатам метизационных опытов Иванова – стойким, сильным и резвым англо-текинцам и англокиргизам. Этот метод переняли от него и владевшие десятками тысяч голов степные киргизы-коневоды, что, конечно, послужило к их экономическому укреплению. По всему краю, например, славился Гали-Узбеков – владелец ста тысяч маток, которому даже посвятил несколько строк в «Амазонке пустыни» генерал-писатель П.Н. Краснов⁶².

В начале двадцатого века Иванов делал уже многомиллионные обороты. Золото сыпалось всюду, где чувствовалось влияние его руки, но попадало не только в эту руку, а и во множество других, принадлежавших местному населению. И население ценило и любило «купсу Иванову». Однажды он очутился на краю полного разорения, начав тоже новое дело. Чимкент и его уезд – единственное в мире место, где обильно произрастает цитвар, дающий при переработке сантонин, также единственное в то время средство против глистов. Иванов решил развернуть это дело в мировом масштабе и выстроил там оборудованный по последнему слову техники сантонинный завод. Но судьба на этот раз отвернулась от энергичного промышленника. Немцы как раз в это время изобрели способ добывания того же сантонина из какого-то дешевого материала и наводнили им мировой рынок. Удар для Иванова был слишком силен, и все его предприятия повисли на волоске. Выручили местные мусульманские капиталисты, которые вполне понимали огромную

роль деятельности Иванова, знали и ценили его самого, как честного человека, и знали также то, что вместе с ним пострадает и множество мелких местных промышленников. Они собрали нужную сумму и спасли кредит Иванова.

Вот этот-то «купса Иванов» и послужил прототипом для действующего лица многих пьес школьного узбекского театра курчакбозов. Народные драматурги его репертуара отнеслись к русскому промышленнику с большой симпатией. В большинстве комедий он появляется тогда, когда их главный герой, незадачливый Аман-Пальван попадает в какое-нибудь безвыходное положение, например, когда визирь или злой хан требует от него какой-нибудь редкостной вещи или выполнения невозможного, угрожая в противном случае отрубить голову. Тогда, словно из-под земли, появляется русский «купса Иванов» со своим коробом или смехотворным по виду верблюдом и тотчас же доставляет нужное, требуя за него также какой-нибудь смехотворной платы, например, в одной из пьес – горсти навоза, который Аман-Пальван с радостью с ним расплачивается. Этот навоз «купса Иванов» тут же мешает с каким-то чудодейственным порошком и посыпает им виноградную лозу; та мгновенно начинает расти и через минуту над ярко расписанной сценой кукольного театра свисают грозди сочного винограда при шумном торжестве всей публики, бросающей на эту сцену мелкие деньги.

Так отразил в своем творчестве узбекский народ появление в его стране первых минеральных удобрений, введенных туда чуждым этому народу по религии, крови и культуре «русским колонизатором», поставив ему там поистине «памятник нерукотворный»...

Этот эпизод вспомнился мне теперь при чтении газетных сообщений о той жестокой борьбе, которая протекает сейчас в Алжире и Марокко, где местное, очень сходное по крови, религии и культуре с туркестанскими узбеками, население ведет кровавый бой с демократическими колонизаторами свободнейшей и просвещеннейшей в мире республики. Были ли там, в Северной Африке, свои Ивановы? Поют ли о них песни арабы и представляют ли их в своих народных театрах в лицах благодетелей и чуть ли не добрых волшебников, как купца Иванова в Средней Азии?

Не думаю. Тогда не лилось бы там столько крови.

Средняя Азия – страна чудес, страна непомерных возможностей исследований и открытий во всех областях знания и творчества, будь то геология, экономика, история, биология, поэзия, музыка или даже... уличный кукольный театр, зародившийся там, а не в Европе и переславший в дальнейшем, вероятно, с арабскими или венецианскими купцами своего продувного, остроумного героя – «Аман-Пальвана», принявшего в Турции имя «Карагеза», а под небом Италии – любимца толпы – «Пульчинеллу».

Мозг советской системы ясно учитывает культурное и экономическое значение этой страны, бросает туда крупные научные силы, тратит на это огромные средства, и поэтому там с особою яркостью рисуется подлинное отношение коммунизма к истинной всечеловеческой, надполитической, свободной науке...

В 29 г. в Ташкенте был созван 5-й всемирный геологический конгресс⁶³. <...> Главными докладчиками от русских были сомнительный ученый, но ловкач и пролаза академик Губкин, выступавший с темой «сера в Каракумах», и светило русской геологии, теперь умерший, академик Обручев, прочитавший блестящий доклад «проблема лесса» – плодотворной пыли азиатских пустынь. Блеск этого доклада затмил в глазах немцев и серую скуку остальных исключительно прикладных, слабых с точки зрения науки сообщений, и предельное невежество приветственных речей местных «вождей» <...>

Горы Ферганы и обнаженные геологические особенности их строения произвели на немцев потрясающее впечатление: «Das ist ein Paradies für Geologarbeiter!»⁶⁴ – восклицал старый, сентиментальный профессор Кайзер. – Почему же вы, русские геологи, столь талантливые и эрудированные, пренебрегаете этими сокровищами знаний, раскрывающими свои тайны у ваших ног? Почему вы предпочитаете этой высокой работе разрешение чисто промышленных проблем – удел ремесленников науки, но не ее творцов и мыслителей?»

Хитрый, изворотливый Губкин ускользнул от прямого ответа, но прямодушный Обручев, думая, что никто из окружающих не понимает немецкого языка, ответил откровенно:

– Я видел больше вас и знаю, что Фергана дает лучшую в мире иллюстрацию тектонических процессов. Она – открытая книга мироздания, но сколько я ни просил об отпуске средств на ее чисто научное исследование – не дали...

К счастью для старика, его слова из русских понял только я один.

В том же году через Ташкент проследовала на Памир столь же широко разрекламированная комплексная экспедиция, возглавлявшаяся тогдашним прокурором республики – Крыленко. Ее научную часть заведовал проф. Щербаков. Немцы также принимали в ней участие, прислав трех ученых и трех спортсменов-альпинистов. Я сопровождал их до линии снегов. В разговорах немцев между собою всегда слышалось удивление, а порою и насмешка над бедностью и устарелостью научно-технического снаряжения русской группы. Сами они были во всеоружии, и разница между их приборами и теми, которыми располагал Щербаков, бросалась в глаза даже мне, профану. Завистливые взгляды и слова русских научных работников подтверждали оценку немцев.

Крыленко, действительно, прекрасный альпинист, поднялся на высочайший из пиков Памирской системы, водрузил там красный флаг и переименовал его в пик Сталина, а второй по высоте – в пик Ленина. Прежде они носили имена Петра Великого и Николая II. Это и было единственным результатом экспедиции, о которой вышло потом больше десятка пропагандных книг.

Аналогичный трюк был произведен позже в значительно более широких размерах с прогремевшим по всему миру «завоевателем полюса», экспедицией полунинтеллигента Папанина и его столь же причастных к науке сотрудников. Ее научные результаты ничтожны по сравнению с грандиозной всемирной рекламой, колоссальными затратами и... трудами скромных, малоизвестных в широких кругах полярников дореволюционного времени: Седова, лейт. Вилькицкого, адм. Макарова. Ссылаюсь в этом случае на интимно сказанные слова одного из ближайших

сотрудников проф. О.Ю. Шмидта, имени которого назвать не могу – он еще жив. От него же я слышал жалобы на то, что огромную научную силу и могучую энергию О.Ю. Шмидта безрассудно растрачивают на разрешение второстепенных, чисто практических задач по завоеванию Арктики. Известный рейс «Челюскина», в течение которого этот первоклассный мировой ученый нес чисто административные обязанности начальника группы арктических зимовщиков и со свойственным ему темпераментом затрачивал свое драгоценное для науки время даже на выпуск паровой агитки-стенгазеты, что отмечено самой советской пропагандой, – подтверждает справедливость этих жалоб.

В те же годы на всем мусульманском востоке СССР с огромным шумом проводилась «реформа» алфавита. Арабский алфавит, которым пользовались все мусульманские народы, заменялся новым – латинизированным. Это требовало большого труда и знаний, так как каждое из многочисленных восточных наречий имеет свои грамматические и фонетические особенности. Председателем всесоюзного комитета по латинизации был назначен старый большевик, друг Сталина, бакинский турок Агамали-Оглы⁶⁵, безграмотный настолько, что при интервьюировании его мною он твердил лишь одну фразу:

– Пиши, пиши: плохой алфавит, совсем плохой...

Текст необходимого в интервью мне пришлось сочинять самому под руководством проф[ессора] Среднеазиатского университета, арабиста Шмидта⁶⁶, позже погибшего в ссылке.

Широкая пропаганда, сопровождавшая эту «реформу» (которая через 10 лет была отменена, и алфавит был на этот раз русифицирован), убеждала восточные народы в огромном культурном ее значении, но на самом деле цель была иная – уничтожение самобытности народных культур советского востока, порабощение мышления масс, отрыв его от религии путем создания невозможности чтения Корана и других мусульманских религиозных книг и, главное, разобщение масс и сильной еще в то время в Хиве и Бухаре мусульманской духовной интеллигенции. Бухара, где в царской «тюрьме народов» не только свободно функционировали, но даже были поощряемы многочисленные медресе – религиозно-философские школы, считалась тогда вторым – после Каира – центром богословской и философской мысли ислама.

Комитет Агамали-Оглы прибыл в Ташкент с необычайной помпой, в особом поезде из одних салон-вагонов, но, начав работу, тотчас же расписался в своем бессилии и полном незнакомстве с техникой поставленной проблемы. На помощь был вызван крупнейший из исследователей Средней Азии, ее истории, археологии, искусства и необычайно сложной лингвистики – академик В.В. Бартольд⁶⁷.

Глубокий старик, тщедушный и хромавший на обе ноги, он все же тотчас явился на зов, надеясь одновременно выполнить и свое страстное желание – докончить разбор и сверку исторических надписей на стенах мавзолея Султана Санджара (XII в.), работу, необходимую ему для окончания последнего в жизни исследова-

ния страны, культуре которой он отдал 50 лет упорного вдохновенного труда. Для поездки к стоящему в пустыне памятнику требовались средства и разрешение. И в том, и в другом ему было отказано под предлогом уже не существовавшей тогда опасности от басмачей.

– Меня-то басмачи не тронут... они-то мне дали бы возможность работать... меня весь здешний ислам знает... и чтит... – жаловался огорченный ученый. Он был прав. Позже, при беседах с представителями самых различных групп местного населения, я был поражен популярностью имени В.В. Бартольда. О его мудрости и всестороннем знании Востока слагались легенды. В массах он был известен под прозвищем, значившим по-русски «видящий соль земли».

Его научная работа была не нужна советской «культуре». Он не стоял «на базе марксизма-ленинизма».

Подобные злключения постигли и его талантливый ученик археолога М.Е. Массона⁶⁸. Пока он выполнял заветы и заканчивал прерванные смертью труды своего учителя, его систематически выживали из всех научно-исследовательских учреждений Средней Азии. Когда он открыл указанное Бартольдом лишь приблизительно местоположение мертвого города Баласагун в долине реки Таласа, таинственной столицы столь же таинственного, но могущественного некогда и культурного государства кара-китаев, его выгнали из последнего прибежища – Средне-Азиатского музея, лишили квартиры и жалкого заработка. Но случай его спас. Сличая тексты арабо-испанских и багдадских историков, он установил существование в древности в районе современного Ходжента на Сырдарье крупнейших серебряных рудников. По его гипотезе само серебро было из них выбрано, но сопутствующие ему обычно тугоплавкие редкие металлы должны были остаться в породе. Это разом заинтересовало советскую науку. Средства на изыскания были тотчас отпущены, и М.Е. Массон, работая во главе комплексной изыскательной группы, нашел древние рудники и месторождения руд. В результате возник ходжентский комбинат редких металлов.

Коллеге Массона, археологу-любителю В.Л. Вяткину⁶⁹ не пришлось «поймать фортуна за чуб». Не обладая широкими знаниями, но заменяя их исключительным трудолюбием и упорством, этот фанатик археологии Средней Азии отдал ей всю свою долгую жизнь. Генерал-губернаторы Средней Азии, особенно барон Вревский⁷⁰, давали ему кое-какие средства, не богато, но хватало для того, чтобы расчистить знаменитую «обсерваторию Улуг-Бека» под Самаркандом и доказать, что этот высокопросвещенный внук Тамерлана открыл до европейцев закон вращения Земли вокруг Солнца. С концом генерал-губернаторства кончился и приток средств, но фанатик науки, будучи уже пожилым, продолжал один свою работу, копаясь в песке под палящим солнцем, и установил близ Анау место древнейшего города Афросиаба⁷¹, пережившего 4 последовательных цикла культуры, из которых 3-ий современен Александру Македонскому, а 4-ый – Гарун аль Рашиду.

Энтузиаст и труженик умер в нищете и безвестности, оставив свои труды охраняющей памятники древности организации Сред-аз-Комстарис⁷². Там их нашли спекулянты на науке, и в конце 30-х годов я читал в рекламном журнале «Советская археология» статью, кажется, В. Денике, прокламирующую результаты трудов

всей жизни Вяткина, как «достижения советской науки». Его имя было упомянуто вскользь.

«Советская археология» – журнал, роскошно выпускаемый параллельно по-русски и по-французски. Он предназначен исключительно для обмана Европы, и, конечно, стоит больших денег. Читая его, я всегда вспоминал те гроши, в которых было отказано упомянутым служителям науки. <...>

Утилитарность, выгода политическая или финансовая – основное и единственное направление научной работы в СССР. <...> На этой почве происходят порою забавные анекдоты, порою трагедии.

В пустынях Туркмении водится огромная ящерица – варан, достигающая длины двух метров. Она совершенно безопасна, обладает красивой узорчатой кожей, и поймать ее очень легко⁷³.

В Ташкенте жил энергичный, любящий свое дело биолог профессор Д.Н. Кашкаров⁷⁴. Он «для себя», вне плана работал над темой «насекомые безводных песков».

В Нью-Йорке вошли в моду сумочки и туфельки из змеиной кожи, и московская «Вечерка», наиболее живая из всех газет СССР, сообщила об этом новом проявлении «гнилости буржуазного строя».

Три этих, казалось бы, несвязуемых факта сплелись, и в результате дали характерный для уродливости советской жизни гротеск.

Профессор очень хотел для разработки «своей» темы съездить в Каракумы, но прекрасно знал, что для изучения жизни каких-то букашек ему ни копейки не дадут. Собственных же средств на поездку у него, конечно, не было. По прочтении заметки в «Вечерке», перепечатанной, кажется, «Правдой Востока», профессор составил смелый план: заинтересовать, кого следует, выгодами экспорта кожи варанов, получить за счет этой безобидной ящерицы средства на поездку для изучения ее биологических особенностей и способов промышленной ловли, а поездку попутно использовать для работы над пленившими его насекомыми.

Задумано – сделано! Эффект превзошел ожидания. Большевики падки на все из ряда вон выходящее, как дикари на блестящие бусы. Средства на экспедицию были отпущены во внеплановом экстраординарном порядке, но узнавшие о варанах заправила Внешторга не захотели дожидаться результатов профессорских изысканий и дали циркулярную директиву Средазкоопсоюзу о немедленной, срочной заготовке варанов. Средазкоопсоюз – колоссальная государственная торговая система, ведущая в Средней Азии не только снабжение населения всевозможными товарами, но и заготовки местной продукции, скупку ее у населения и по твердым, и по вольным ценам. Фактории его сети раскинуты по всей Средней Азии. Его работники, конечно, не могли ослушаться приказа Москвы и тотчас приступили к его выполнению.

Вот тут-то получился гротеск, очень похожий на тот, который дал безвременно погибший писатель Булгаков в своем замечательном рассказе «Роковые яйца».

Инструкция была дана по телеграфу в то время, когда инструктора препарирования (обдирания) варанов еще только подыскивались. Специальность – редкая, и найти их было нелегко. <...> Наполнившие дворы факторий ящерицы хотели есть. Кормить их в планы не входило, но они внепланово нападали на сваленные во дворах грузы: рис, муку, сахар, кишмиш и уничтожали их с поразительной быстротой.

Телеграф ожесточенно работал, завыв факторий рвали на себе волосы и ругались на всех языках и наречиях Средней Азии. Но Москва не хотела сдаваться. Уж очень заманчиво блестели американские доллары.

Кончилось тем, что глава Средазкоопа Зеленский, вопреки воле Внешторга, приказал выпустить всех варанов и угнать их подальше в степь, а убытки списать в графу непредвиденных расходов.

Кашкарову эта история сошла благополучно, во вредительстве его не обвинили, т.к. НКВД в это время «накапливало материал» против Зеленского, который был расстрелян вместе с Рыковым в 1937 г.⁷⁵ <...>

«Научная авантюра» проф. Кашкарова не бросает на него тени. Он не имел личных материальных выгод. Но обычно спекуляция на науке или ее плодах ставит иные цели. Характерен такой случай.

В прошлом веке в Ташкент, вследствие какой-то чисто семейной истории, был сослан великий князь Николай, кажется, Константинович⁷⁶. Это была бурная, деятельная натура. Он построил себе в Ташкенте дворец, теперь – музей, наполнил его картинами хороших художников, в саду устроил зверинец со львами и тиграми, но, главное, восстановил за свой счет древнюю, разрушенную ирригационную систему Голодной степи, превратив пустыню в огромный плодородный оазис – теперь широко разрекламированный совхоз-гигант Пахта-Арал. На этом он не остановился и разработал вместе с инженером Анненковым грандиозный проект возвращения Аму-Дарьи в ее старое русло – Узбой, выходящий в Каспийское море. Осуществление этого проекта вернуло бы к жизни гигантскую площадь пустыни. Война помешала началу работ. В 1918 г. великий князь умер, Анненков затерялся в вихрях революции, а проекты, сметы и чертежи работ попали, вместе со всем имуществом князя, в Среднеазиатский музей. Там, в архивном хламе, нашел их в середине 20-х годов ловкий инженер ирригации Ризенкамф⁷⁷. Он выдал себя за автора проекта, получил за него очень крупную сумму в тогда еще веских червонцах и стал главой грандиозного строительства.

Но счастье было скоротечно. Нашлись завистники, проделка была раскрыта, оплата проекта конфискована, а сам Ризенкамф отбыл на Соловки, где я узнал от него часть истории, подробности – позже, уже в Ташкенте. Характерно, что Ризенкамф не признавал себя виновным, базируясь на «праве находки» и несомненной общественной пользе при выполнении проекта, который без его энергии заглох и был оставлен. На фоне общего советского беспорядка эти аргументы звучали убедительно.

Подобную же историю о присвоении авторства проектов царского времени я слышал о постройке Московского метро. Во всяком случае, многие из грандиозных работ, предпринятых большевиками, авторство которых они приписывают себе и

только себе, задуманы и подготовлены много раньше. Ведь и идея Великого Северного Морского пути родилась в гениальном мозгу Петра I, и после него неуклонно, хотя и постепенно практически осуществлялась офицерами императорского флота, начиная с командора Беринга и кончая лейтенантом Вилькицким и адмиралом Макаровым. Пресловутое «достижение» – Турксиб был не только спроектирован, но начат и уже доведен до Аулие-Ата (около 200 км). В 1916 г. О-во Риддер уже имело концессию на разработку Кузбасса, и лишь война задержала ее осуществление. Таких случаев – сотни.

Иногда спекуляция на науке бывает трагична.

В конце 20-х годов в Ташкенте жил профессор Михайловский⁷⁸.

Как научный работник он был слаб, выдвинулся в «краевую» профессию из рядовых провинциальных врачей, но, по странной склонности, еще в молодости заинтересовался способами мумификации и достиг в этом искусстве больших результатов: сделанные им мумии ящериц, змей и лягушек были украшением местного музея. Его жена умерла родами первого ребенка. После революции умер и шестилетний сын. Пользуясь религиозной свободой, этот вряд ли нормальный психически профессор сделал из него мумию и посадил ее у себя в кабинете. Мумия вышла необыкновенно удачная: ребенок сидел, как живой. Сохранился даже цвет лица.

На антирелигиозников-коммунистов эта мумия производила сильное и своеобразное впечатление. Они, малограмотные и напичканные дешевыми агитками – тенденциозной популяризацией опытов Бехтерева, анабиозы и пр., видели в ней ключ к возможности оживления мертвых.

Профессор Михайловский учел это и построил на легковерии фанатиков материализма свое благополучие. Он объявил, что ведет научную работу по преодолению смерти и даже близок к ее завершению, мистифицировал какие-то опыты, читал сумбурные, демагогические доклады и тянул деньги отовсюду. Верили и давали. Слишком заманчива была цель – смертельный удар по религии.

Профессор женился на студентке-комсомолке и вдруг неожиданно ночью застрелился. Подозрительного ничего не было, его похоронили с большевицкими церемониями.

Но через несколько дней журналист Эль-Регистан⁷⁹ (теперь автор слов нового, сменившего Интернационал, гимна СССР) неожиданно заявил в ГПУ, что он вспомнил никем не замеченную деталь:

– Выстрел был сделан в *левый* висок.

Тело откопали, а дело раскопали. Оказалось, что проф. Михайловский был убит во время сна собственной женой, при соучастии ее любовника, а его ассистента, тоже комсомольца. Преступление было задумано и подготовлено заранее, еще до брака убийцы и жертвы, и сам брак был средством к его выполнению.

Убийцы *верили* в реальность и ценность шарлатанской «работы» Михайловского и хотели завладеть ее результатами. Сигналом к убийству послужила брошенная профессором фраза:

– Главное закончено. Остаются лишь технические детали. «Боженька» побежден!

Верившие в «гений» проф. Михайловского были глубоко разочарованы: его «труды» не представляли никакого научного интереса. Это были беспорядочные, небрежные выписки из различных медицинских книг...

В суд дело не поступило. Виновники убийства исчезли в недрах ГПУ⁸⁰.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ «Знамя России» (Нью-Йорк). 16 февраля 1952 г. № 56. С. 11–14.

² Все приведенные мною фамилии точны. В дальнейших очерках я изменяю некоторые, не желая причинить зла их носителям, но каждый раз буду осведомлять об этом читателя. – *Примеч. автора.*

³ Михаил Максимович Кульков (1891–1939) – первый секретарь Киргизского областного комитета ВКП(б) в 1929–1930 гг., с 1931 г. – в Москве и других российских городах на партийно-производственной работе; казнен.

⁴ Баялы Диканбаевич Исакеев (1897–1938) – народный комиссар земледелия Киргизской АССР в 1929–1933 гг., затем председатель Совнаркома Киргизии; казнен.

⁵ В действительности Кулькова звали Михаилом Максимовичем (см. прим. 3).

⁶ Малайка – батрак, живший в своей юрте и имевший небольшое хозяйство.

⁷ Чайрикер – батрак-издольщик.

⁸ Ныне Бишкек (Республика Киргизстан).

⁹ «Знамя России» (Нью-Йорк). 23 марта 1952 г. № 59. С. 7–9.

¹⁰ Имеется в виду И.В. Сталин.

¹¹ «Знамя России» (Нью-Йорк). 5 апреля 1952 г. № 60. С. 8–10.

¹² Файзулла Губайдуллаевич Ходжаев (1896–1938) – в 1924–1937 гг. председатель Совнаркома Узбекистана; казнен.

¹³ Популярная оперетта В. Валентинова.

¹⁴ «Это не играет роли» (нем.).

¹⁵ Diseuse – артистка-куплетистка (франц.).

¹⁶ Акмаль Икрамович Икрамов (1898–1938) – первый секретарь ЦК ВКП (б) Узбекистана в 1925–1937 гг.; казнен.

¹⁷ Юлдаш Ахунбабаевич Ахунбабаев (1885–1943) – председатель Президиума ЦИК Узбекистана в 1925–1938 гг., председатель Президиума Верховного Совета Узбекистана в 1938–1943 гг.

¹⁸ Павел Ефимович Дыбенко (1889–1938) – революционер и государственный деятель, в 1921 г. – один из руководителей подавления антибольшевистского мятежа в Кронштадте, в 1928–1933 гг. – командующий войсками Среднеазиатского Военного округа; казнен.

¹⁹ Ширяев ошибается; Дыбенко был – правда, недолго, – супругом Александры Коллонтай (1872–1952), революционерки и советского государственного деятеля.

²⁰ Реальность существования этого «заговора», во главе которого якобы стоял маршал Михаил Тухачевский (1893–1937) и который послужил началом широкомасштабных репрессий среди военных кадров в 1937–1938 гг., до сих пор остается дискуссионной.

²¹ «Знамя России» (Нью-Йорк). 11 мая 1952 г. № 62. С. 10–13.

²² Борис Ильич Казанович (1871–1943) – генерал-лейтенант, в 1920 г. через Турцию эмигрировал в Югославию.

²³ Марцелл (Марцел) Рабинович в начале 1920-х годов переехал в Москву; входил в ближайший дружеский круг Сергея Есенина и сам писал стихи.

²⁴ Кавалерия армии Бенгальского президентства (одного из трех президентств Британской Индии), состоявшая преимущественно из бенгальцев, напрямую подчиненная Британской короне. Сипаями назывались индийские наемники в британской колониальной армии. Саман (тюрк. «солома») шел на корм лошадям.

²⁵ Фамилии даю точно. Все они уже погибли. – *Примеч. автора.*

²⁶ Эту фамилию даю условно, т.к., быть может, он еще жив. – *Примеч. автора.*

²⁷ Вероятно, имеется в виду либо Павловский, либо Павлоградский гвардейский полк.

²⁸ Великий князь Николай Константинович (1850–1918) – первенец великого князя Константина Николаевича, младшего брата российского императора Александра II. В ссылке в Ташкенте принял фамилию Искандер. Могила вел. князя не сохранилась.

²⁹ Князь Александр Николаевич Искандер (1887–1957) – участник Белого движения, эмигрировал во Францию.

³⁰ «Знамя России» (Нью-Йорк). 16 июня 1952 г. № 64. С. 14–16.

³¹ Ныне – Байрамали (Туркменистан).

³² «Белый царь» (тюрк.) – так среди среднеазиатских народов во второй пол. XIX – нач. XX вв. называли русского императора.

³³ Имеется в виду киргизская лошадь – горная порода лошадей.

³⁴ Совр. название – Гёкдепе; во время завоевания Туркмении 12 января в 1881 г. селение-оазис, оплот текинцев, было взято штурмом войсками М.Д. Скобелева.

³⁵ Государственный гимн Российской империи в 1833–1917 гг.

³⁶ Согласно повелению халифа Харуна ар-Рашида в 807 г. все представители «покровительствуемых» религий – как иудеи, так и христиане – должны были подпоясываться веревкой. Это повеление преследовало только одну цель – внести внешние отличия между мусульманами и немусульманами (аналогичные положения в отношении нехристиан имелись и в средневековой Европе) и не имело никакой связи с тем, о чем – в передаче Ширяева – говорит Рабинович; последнее было «народной» интерпретацией этого обычая.

³⁷ Имеется в виду минарет Калян (XII в.), с которого сбрасывали осужденных на смерть.

³⁸ Картина В.В. Верещагина «Самаркандский зиндан» (1873).

³⁹ Арбакешами назывались водители арбы, а не гвардейцы эмира.

⁴⁰ Арк – название не холма, а цитадели, в которой находился также и дворец эмира.

⁴¹ Название «Ляби-хауз» (перс. «У хауза») носит не сам водоем-хауз Нодир-Беги, а площадь, окружающая его.

⁴² Имеется в виду медресе Халифа Ниязкула (нач. XIX в.), также известное как «Чор-Минор» (перс. «Четыре минарета»).

⁴³ «Бухара-и Шариф» – «Священная Бухара» (перс.)

⁴⁴ «Знамя России» (Нью-Йорк), 30 июня 1952 г. № 65. С. 7–10.

⁴⁵ Исаак Абрамович Зеленский (1890–1938), с 1924 г. возглавлял Средазбюро, верховный орган ЦК ВКП(б) в Средней Азии (функционировало в 1922–1934 гг.); казнен.

⁴⁶ Т.е., до революции 1917 г. «Тюрьма народов» – расхожий фразеологизм, возникший в сер. XIX в. на основе известной книги маркиза де Кюстина «Россия в 1839 году». Благодаря использованию его в статье В.И. Ленина «К вопросу о национальной политике» (1914) прочно вошел в советскую риторику как обозначение угнетенного состояния нерусских народов в Российской империи.

⁴⁷ «Знамя России» (Нью-Йорк). 14 июля 1952 г. № 66. С. 11–13.

⁴⁸ Еще одна неточность автора: 5-ый всемирный геологический конгресс состоялся в Вашингтоне в 1891 году. Ширяев имеет в виду III Всесоюзный съезд геологов с участием иностранных гостей, который проходил в Ташкенте с 20 по 26 сентября 1928 года. В нем принимали участие пять немецких геологов (Кайзер, Хосмат, Кайзер, Борн и Цур-Мюллен) и один чешский (Ульрих).

⁴⁹ Иван Михайлович Губкин (1871–1939) – академик АН СССР (с 1929 г.), вице-президент АН СССР (с 1936 г.), председатель филиала АН Азербайджана (с 1937 г.).

⁵⁰ «Большого знатока восточной музыки» с фамилией Покровский в Ташкенте тогда не было; вероятно, Ширяев имеет в виду Виктора Александровича Успенского (1879–1949), музыковеда, композитора и фольклориста. С 1918 г. (и до конца жизни) В.А. Успенский жил в Ташкенте, занимался исследованием музыкальной культуры народов Средней Азии. В конце 1920-х он устраивал также вечера национальной музыки. Под «двухтомным трудом» Ширяев, видимо, подразумевает труд Успенского «Туркменская музыка», первый том которого вышел как раз в 1928 году. (Сообщено А.Б. Джумаевым.)

⁵¹ Дмитрий Иванович Щербаков (1893–1966) – ученый в области геологии, минералогии, геохимии и географии, с 1953 г. – действительный член Академии наук СССР.

⁵² Николай Васильевич Крыленко (1885–1938) – верховный главнокомандующий российской армии после октябрьского переворота 1917 г., с 1931 г. нарком юстиции; казнен.

⁵³ «Недочеловек» (нем.). Так называлась брошюра (а не журнал), выпущенная в 1942 г.

⁵⁴ Елена Федоровна Розмирович (1886–1953) – революционерка, жена Н.В. Крыленко (позднее – дипломата А.А. Трояновского), в 1931–1933 гг. – член коллегии Наркомсвязи СССР.

⁵⁵ «Наша страна» (Буэнос-Айрес). 8 марта 1956 г. № 320. С. 4.

⁵⁶ Михаил Алексеевич Хлудов (1843–1885) – фабрикант, благотворитель, общественный деятель. Участвовал в военных действиях в Средней Азии, имел награды, включая Георгиевский крест. В Русско-турецкую войну состоял адъютантом генерала Скобелева.

⁵⁷ Михаил Григорьевич Черняев (1828–1898) – генерал, военный и политический деятель. Участвовал в Крымской войне, начал и позднее завершил период завоевания Туркестана и был первым губернатором Туркестанской области. Издавал в Москве газету «Русский Мир», разделял взгляды славянофилов. В конце 1870-х по приглашению сербского правительства занимал пост главнокомандующего сербской армией, и его имя стало символом славянского братства и единства.

⁵⁸ Константин Петрович фон Кауфман (1818–1882) – инженер-генерал. Представитель русской ветви австрийского рода, служил на Кавказе, участвовал в Крымской войне, служил генерал-губернатором Северо-Западного края, позднее – Туркестанской области.

⁵⁹ Николай Иванович Иванов (1836–1906) – купец. Крупнейший ташкентский предприниматель своего времени, конезаводчик, учредитель и владелец винокуренных и пивоваренных заводов, фармацевтической фабрики, коммерческого банка, известный благотворитель.

⁶⁰ Иван Иванович Первушин (1842–1871) – купец. Основал в Ташкенте винокуренный, а затем и винодельный завод.

⁶¹ Дмитрий Львович Филатов – купец, общественный деятель. Служил денщиком у графа И.С. Тургенева.

Борис ШИРЯЕВ. «Здесь жилось тогда много вольнее...»

Получив наследство после смерти графа, занялся виноделием в Туркестане, основал известный Самаркандский завод марочных вин.

⁶² «Амазонка пустыни» – приключенческий роман генерала П.Н. Краснова (1869–1947, с 1920 г. – в эмиграции), вышедший в 1922 г. в Берлине.

⁶³ См. примечание 47.

⁶⁴ «Это рай для геологов» (нем.).

⁶⁵ *Самед Ага Агамалыоглы* (1867–1930) – председатель ЦИК Азербайджана в 1922–1929 гг.

⁶⁶ *Александр Эдуардович Шмидт* (1871–1939) – востоковед и арабист; погиб, находясь под арестом в Ташкенте.

⁶⁷ *Василий Владимирович Бартольд* (1869–1930) – востоковед, арабист и тюрколог.

⁶⁸ *Михаил Евгеньевич Массон* (1897–1986) – археолог, историк-востоковед.

⁶⁹ *Василий Лаврентьевич Вяткин* (1869–1932) – археолог, историк-востоковед.

⁷⁰ *Александр Борисович Вревский* (1834–1910) – Туркестанский генерал-губернатор и командующий войсками Туркестанского военного округа.

⁷¹ Ширяев спутал городище Афросиаб (ныне – на территории Самарканда, Узбекистан), одним из первых исследователей которого был В.Л. Вяткин, и городище Анау (Аннау, совр. Туркменистан), к исследованию которого ученый отношения не имел.

⁷² Среднеазиатский комитет по охране памятников старины, искусства и природы.

⁷³ См. эпизод с варанами также в очерке «Великий комбинатор».

⁷⁴ *Даниил Николаевич Кашкаров* (1878–1941) – зоолог, эколог; заведующий кафедрой зоологии Среднеазиатского университета (1920–1933 гг.; ныне – Национальный университет Узбекистана).

⁷⁵ Оба были расстреляны весной 1938 г.

⁷⁶ См. прим. 27.

⁷⁷ *Георгий Константинович Ризенкампф* (1886–1943) – основатель Научно-мелиорационного института в Петрограде в 1920 г. (ныне – Всероссийский научно-исследовательский институт гидротехники им. Б.Е. Веденеева); с 1929 по 1932 гг. был в заключении; вновь арестован в 1942 г. Скончался в заключении.

⁷⁸ *Иван Петрович Михайловский* (1877–1929) – ученый-физиолог, профессор Ташкентского университета.

⁷⁹ *Эль-Регистан*, настоящее имя Габриэль Аршакович (Аркадьевич) Уреклянц (Уреклян) (1899–1945) – журналист; автор, вместе с С. Михалковым, слов гимна СССР.

⁸⁰ История с гибелью Михайловского была иной. Эль-Регистан опубликовал в 1929 г. в партийной газете «Узбекистанская правда» статью «Выстрел в мазанке», утверждая, что «Михайловский своими недавними опытами... потряс незабываемые основы старухи-медицины, бросил вызов смерти, ежедневно уносящей тысячи человеческих жизней, гибнущих от целой кучи заболеваний, связанных с тем или иным поражением крови. <...> Михайловский ярый атеист, ненавидящий религию... <...> ученый – жертва конфликта науки и религии». Вскоре после статьи был арестован проф. Войно-Ясенецкий (еп. Лука), прежде давший заключение о сумасшествии Михайловского, вдова которого намеревалась похоронить мужа по христианскому обряду. ОГПУ было сформировано уголовное дело: убийство Михайловского якобы было совершено его «суеверной» женой, имевшей сговор с Войно-Ясенецким, дабы не допустить «выдающегося открытия, подрывающего основы мировых религий». Приговор по сфабрикованному делу так и не был вынесен, но святитель находился в тюрьме и последующей ссылке до 1934 г.

Наталья СЕЛУЯНОВА

Семейная хроника Селуяновых

Публикация О. Илюшкиной*

Переписка с Курьей и Тихвином:

(1) Милочке: «14.II.44 г. Как это ты не забыла меня поздравить? Благодарю. Я в этот день ходила на “Раскинулось море широко” – понравилось».

(2) Милочке: «19.II.44 г. ...Здоровье мое не блестяще: ноги отекают, передвигаю их с трудом. Не обижайся за письмо, хочу, чтобы ты была лучше других. Я очень о тебе скучаю и не дождусь, когда будем жить вместе... Технологический мне что-то не нравится».

(3) Лидии Васильевне: «26.II.44 г. ...Приезжать еще рано: обстрелы кончились, но бывают тревоги, потерпите. Вызов в Ленинград временно прекращен. Пусть Милочка кончает десятый класс, тогда, наверное, и война кончится, вот тогда и приезжайте.

В Библиотеке холодно, как на улице, руки красные, опухшие, и ноги с трудом таскаю. Чувствую себя неплохо, только после больницы очень плохо на рационе. Три дня живу на казарменном положении, а четыре – дома. Отец очень рад приезду Володи – все же поможет дровишек расколоть.

То, что вы пишете о Марине, просто ужасно. Спросите ее, хочет ли она в Ленинград? Может быть, она меня бы постеснялась? Может быть, у нее переходный возраст? Юра лежит в госпитале, весь в ожогах. Ночевал в бане, где взорвался порох, – едва выскочили».

(4) От Милочки: «28.II.44 г. ...Посылай книги для чтения. ...Иду на вечер, научилась танцевать».

(5) От Лидии Васильевны: «28.II.44 г. Марина давно поправилась, пополнела. Мы с Милой не очень с ней ладим, она нам не нравится. Живем будущим, ждем ваших побед».

* Окончание. Начало в №№ 3 (XXVII), 2012; 1–3 (XXIX–XXXI), 2013; 1–3 (XXXIII–XXXIV), 2014; № 2–4 (XXXVII–XXXIX), 2015; 1–2 (XL), 2016; 3 (XLI). (Все примечания – ВС.)

(6) Милочке: «25.III.44 г. Я пока не предпринимаю никаких шагов по поводу вашего возвращения, так как не было приема заявлений, а теперь стали их уже разбирать, но лично, очереди огромные. Может быть, вы вернетесь коллективно, для поступления в ВУЗы, или вас направят сюда на работу? Не знаю, как затребовать бабушку.

Вопрос специальности, конечно, очень серьезный, и зря поступать не следует. Все-таки надо такую, к какой имеешь большую склонность. Если ты думаешь о литературном факультете, то ведь это преподавательская деятельность. А мне меньше всего нравится химическое отделение. Лучше уж инженером водного транспорта, радио тоже интересно. Не забывай, какое у тебя сердце, и как ты падаешь в обморок в духоте, а там всегда могут быть вредные испарения. Надо тебе на воздухе работать. Сегодня мы в Библиотеке хоронили заведующего рукописным отделением Ив. Аф. Бычкова, члена-корреспондента Академии Наук*. Похороны были торжественные, я стояла в почетном карауле. Холод такой, что зуб на зуб не попадает. В Отделе, где я сижу восемь часов, самое большее 8° тепла, а приходится работать и в книжном фонде, где минус 8°. Снег летает в Отделе, так как все стекла выбиты. Сейчас все школьники-старшеклассники направлены на работу. Желаю тебе кончить учиться на отлично, это очень важно, и вернуться в этом году в Ленинград. Не трать времени на чтение пустых романов, ты еще хорошей литературы не знаешь, займись языками».

(6) От Милочки (без даты). «...Целыми днями занимаюсь немецким, но толку мало. Я все уроки учу быстро, а немецкий – три часа одно и то же, и все равно забуду. Читать, переводить и грамматику знаю, а вот рассказывать своими словами не умею. Не знаю, что делать? Не знаю, кончу ли на “отлично”, так как в школе теперь всевозможные новые реформы, отметки ставят не поймешь и как. Бабушка меня все уверяет, что не кончу, так как я все время хочу спать и устаю... Она меня все ругает, что я работаю пионервожатой и хожу на комсомольские собрания, но ведь это обязательная нагрузка.

К тебе, наверное, заходил папа – он сейчас в Ленинграде. Здесь еще много строительства, и его контора поедет, как говорят, только к осени. У нас сейчас не поймешь, что творится, так как Ева, узнав от бабушки, что она хочет ехать в Ленинград, по возможности, с папой, решила ехать со службой в Зеленодольск, а может быть, это очередная комедия. Но все это нам все равно.

С питанием у нас неважно, у вас все дешевле. Рады, что имеешь возможность есть хлеб с маслом. Поправляйся, скоро – через два месяца – я приеду. О специальности бросила думать, так как не знаю, куда идти... Будет видно. Хочу более женскую специальность, но ничего не могу придумать. Бабушка подарила ко дню рождения белую шелковую матроску с синей отделкой».

* Бычков Иван Афанасьевич (1858–1944) – библиограф, археограф, историк литературы. После окончания юридического факультета Петербургского университета с 1881 по 1944 гг. заведовал Отделением рукописных и старопечатных книг Публичной библиотеки. Провел огромную научную и техническую работу по систематизации рукописного фонда. Член-корр. Петербургской АН (1903), Российской АН (1917), АН СССР (1925). Продолжил издание «Писем и бумаг императора Петра Великого». Автор более ста публикаций.

(7) Милочке: «5.IV.44 г. Сегодня день ангела Лидии Васильевны. Всех вас поздравляю. Если Милочка завербует на работу с конторой, то ей придется не учиться, а работать. Здесь очень нужны люди для восстановления железнодорожных линий и построек, и могут отправить из Ленинграда дальше на работу, а ей надо учиться, и не знаю, что посоветовать.

Фрицы иногда прилетают, но мы их не боимся. Деньги берегу, рацион стоит дорого, да и папе посылаю. Покупаю немного: муку – 20 р[ублей за] 100 гр., картошка – 55-60 р[ублей за] кг., свекла и капуста – 40 р[ублей], крупа – 80-150 р[ублей за] кг. Я [питаюсь] в хорошей столовой, хлеб уже ем с трудом, если без масла. Уже явился вкус мирного времени, не стала любить густой суп, и кашу также. Начинаю копить для вас сладкое – отложила три печенья и пять конфет.

Я все узнала, что раз есть площадь, да еще и к матери едешь, то никуда дальше не отправят – приезжайте, жду. Целую».

(8) Милочке: «7.V.44 г. ...Завтра едет твой папа, и я посылаю с ним письмо тебе. Наконец-то начинаю верить, что месяца через два мы увидимся. Вы едете в Тихвин, а там уже до Ленинграда рукой подать. На бабушку я подала заявление, велели зайти через пять дней, а на учеников пока не принимают. Не огорчайся, выхлопчу тебя из Тихвина, как только ты кончишь учиться. Пока папа ездит в Новосибирск, ты, может быть, успеешь сдать экзамены. Это надо сделать, чтобы в Тихвин ехать вместе с папой. Папа устроился в Ленинграде, но будет бывать в Тихвине, поэтому было бы хорошо, если бы вы развели там огород – это даже необходимо. Почему ты папу не бережешь, не посылала к доктору – он очень кашляет. Папа советует тебе быть строителем, так как он в этом отношении поможет и учиться, и дальше советом. Это, конечно, хорошо, но мне бы больше нравилось, чтобы ты стала доктором.

Столовая очень плохая, я ничего не ем, очень жалею, что не взяла магазинной карточки.

У бабушки все необходимое из обстановки и постели сохранилось. Посылаю вам немного печенья и конфеток. Целую тебя, Мариночку и бабушку. Мама».

(9) Милочке: «18.V.44 г. Я теперь работаю с семи утра на восстановлении города. Сплю беспокойно и затеяла огород. Вчера пошла на рынок и побаловалась свежими карасями – три года не ела рыбы. Полкилограмма за 36 рублей – ела и урчала, как кот.

И первый раз купила стакан молока в обмен на хлеб, но больше молока покупать не буду – дорого – 90 рублей литр. Теперь на рынке все можно купить.

Подписалась на заем на 1000 рублей.

Мыла окна в Отделе, а ноги слабые, дрожат на высокой лестнице, устала».

(10) от Милочки – телеграмма: «ПОЛУЧИЛА АТТЕСТАТ ОТЛИЧНИКА. ЕДЕМ ТИХВИН».

(11) от Милочки (еще из Курьи): «27.V.44 г. ...Получили одно письмо за апрель и май. Мне было некогда писать, так как я каждый день сдавала испытания досрочно, сегодня уже получила аттестат, где написаны все отличные отметки и право поступить в ВУЗ без экзамена. В общем, получила путевку в жизнь. Должны были

выехать сегодня, но вагоны не подали – выедем завтра. Едем с эшелоном в Тихвин. Там насадим огород и – в Ленинград. Не верится, что мы отсюда уезжаем. Папа еще не вернулся из Новосибирска, должен вернуться на днях. Мамочка, ты постарайся взять нас с бабушкой в Ленинград! Вчера я ездила в город, у меня утащили портфель и 200 рублей, накопленных на подарки. Мне сначала очень захотелось спать, чтобы не уснуть, я встала, но голова закружилась, а потом я очнулась, а портфеля нет. Очень жалко! Бабушка совсем измучилась по рынкам, все деньги копит, все продает. Послала телеграмму».

(12) от Милочки (из Тихвина): «5.VI.44 г. ...В три дня перенесли мы на 1000 с лишним километров ближе к тебе, к Ленинграду, к дому. И уже в Тихвине. Еще совсем не устроились. Живем надеждой попасть в Ленинград. Папа приехал сюда вслед за нами из Новосибирска. Сегодня едет домой, возьмет мои документы и постарается устроить меня на работу в Ленинграде. Мы пока устраиваем огород – вскопали две грядки. Посадили картошку и другие овощи...

Доехали мы быстро и очень хорошо, с эшелоном Кировского театра. В вагоне только ели да спали. Тихвин – хороший городок. Сейчас здесь очень тихо, мало народа и на улицах и даже в кино. Мы с Маришей уже успели посмотреть «Иран». Квартирные условия хуже, чем в Курье: проходная комната, правда, хорошая, но ни кровати, ни стульев. Сидим или на вещах, или на полу.

Цены ниже, чем там, но тоже недоступные. Хлеб – 100 рубл[ей] (там – 150), молоко – 40 р[ублей] (там – 70), клюква – 3 р[убля] стакан, а в Молотове – 25 р[ублей].

С институтом еще не решила. Хотелось бы чего-нибудь послать с папой, да нечего».

(13) от Милочки: «29.VI.44 г. Дорогая мамочка, ты нас совсем забыла. Уже месяц мы живем в Тихвине, и папа сколько раз ездил, а ты не послала ни одного письма, мы очень удивлены, когда мы так близко и надо списываться. Я завтра иду на работу на подсобное хозяйство, а числа 8-го поеду в командировку в Ленинград, а там будет видно. Пиши нам скорее. Мне бы очень хотелось, чтобы ты меня встретила на Московском вокзале. Пиши сегодня же! Мила».

Милочке: «30.VI.44 г. Не писала (винюсь), так как со дня на день ждала решения по поводу моего заявления о тебе и бабушке, поданного мною в Райсовет. Папа давно не заходил, очевидно, уехал в Старую Руссу. Сегодня еду на огород в Стрельну и пишу в вагоне. Для меня удовольствие поехать на воздух. Только второй день лето, а то все шли дожди и было холодно.

Ездить могу только в выходной день, так как поезд идет утром, а возвращается вечером. Всю эту неделю буду выходить на работу в 7 час. утра и работать до 10 час. вечера, чтобы отработать 30 часов, положенных в месяц на восстановительные работы, и чтобы весь месяц не вставать к 7 часам. Жить буду в Библиотеке.

С дедушкой у меня оживленная переписка. Тетя Лиза заболела, лежит, а мне помочь некогда, да я и не умею, для нее как ни сделаешь, все не так.

Почему ничего не написала о здоровье Мариночки? Ведь она, бедняжка, так обожглась. Передай ей привет и поцелуй от меня.

Ты по приезду пойдешь в санпропускник, что будет довольно долго, а я вернусь домой нормально, к 6 часам».

(14) от Милочки – телеграмма: «ВЫЕЗЖАЮ ЛЕНИНГРАД ПОНЕДЕЛЬНИК УТРОМ ВСТРЕЧАЙ МИЛА».

И вот настал вождеденный день – должна приехать Милочка. Не виделись мы ровно три года. Даже странно, но я ничего не помню, кроме того, что страшно волновалась и не спала. Конечно, я поехала на вокзал встречать ее и была поражена, увидев взрослую, цветущую девушку – настоящую колхозницу.

Милочка тоже не помнит никаких подробностей своего возвращения в Ленинград. Помнит, что я потащила ее сразу же в Библиотеку, в штаб МПВО и там знакомила ее со множеством людей (моими товарищами) и она совсем запуталась в них. А потом я повела ее обедать в столовую на улицу Ракова, обещав угостить шпротами*. Ей послышалось «шпротами», и она всю дорогу облизывалась от приятного предвкушения, как сейчас съест парочку шпротов с хлебом. Увы, ей пришлось разочароваться: наши блокадные шроты не имели ничего общего с водной стихией и были не копченой рыбкой в масле, а сухими соевыми отжимками. К счастью, знаменитый ленинградский деликатес был подан под каким-то сладковатым соусом, и Милочка съела пресловутые шроты с удовольствием.

Приехала Милочка уже с твердым намерением поступать в университет, на химический факультет. Химией она увлеклась еще в восьмом классе, прочитала всю литературу, какая только была в местных библиотеках, а дома устроила лабораторию, где ставила опыты с реактивами, которые доставать было очень трудно. Просить в школе она стеснялась. Приходилось ездить в Пермь и искать нужное в магазинах и аптеках. Значительно позднее она рассказала забавный случай, происшедший с нею при таких поисках. Однажды, зайдя в аптеку, Милочка увидела в витрине маленькие металлические чашечки, которые показались ей удобными для ее работ, и она выбила чек на десять штук. Аптекарь поинтересовался, зачем ей так много надо? Милочка говорит: «Мне необходимо!» – «А вы знаете, для чего их покупают? Это – предохранение от беременности, женщины на матку надевают. Вам достаточно одной».

Было моей умной дочке в то время лет пятнадцать, и после такого пояснения она стала остерегаться приобретать что-нибудь для своей химии в аптеках.

Даже разорвавшаяся в руках пробирка, сильно поранившая Милочку и приведшая к мучительной операции – извлечению стекол из руки – не отвратила ее от химии.

Как отличница средней школы. Милочка была освобождена от вступительных экзаменов и должна была только пройти коллоквиум, что для нее было пустяком. Так как в то время деканом факультета был профессор Браун, муж сестры Евы Григорьевны, который очень приветливо отнесся к Милочке, она освободилась от своей обычной застенчивости и уверенно держалась на коллоквиуме. Ее безо всяких экзаменов приняли в Университет.

Итак, я стала матерью студентки.

* Шрот – концентрированный корм; побочный продукт маслоэкстракционного производства.

Московские новости не отличались разнообразием – старикам было очень трудно, а возвращение Тани (в марте 1944 г.) из эвакуации им помогло мало.

(1) От отца: «22.I.44 г. Дорогая Наташа, если ты умная, то сразу сообразишь, что я опять болел гриппом. Сегодня мне лучше, проспал подряд почти 48 часов. Никакой бутылки с жизненной водой я через Мишу не получил. (Не довез! – Н.С.). Таня тоже послала две посылки с вложением того же, тоже не получил – не везет! Я все думаю о том случае, когда снаряд попал в дом, где ты была, и не разорвался. Теперь, я надеюсь, таких случаев не будет (судя по информации) В столовой, где я получаю УДП (усиленное дополнительное питание), я удивляюсь иным – до чего заелись! То им масло горькое, и они не едят суп, или не доедают его, а мне все вкусно, и я вылизываю тарелку хлебом, и съел бы еще».

(2) «26.I.44 г. ...Сегодня от Тани два военнослужащих привезли посылочку с салом, купленным на твои деньги, но по их уходе Женя обнаружила пропажу 100 рублей, лежавших в папке на столе, и куска белого хлеба в полкилограмма. Ну и народ пошел!

Таня должна приехать в Москву 20 февраля».

(3) «29.I.44 г. ...Пришли масляные краски, доставишь мне большое удовольствие. За это я тебе что-нибудь нарисую, достойное и тебя и меня. Женя все задыхается – очень устает, а когда устает – грызет меня, грызет за разные промахи при выполнении хозяйственных дел, которых очень много, а следовательно, где-нибудь обязательно проштрафишься.

Каждый день благодарю тебя за теплые вещи, как в раю, за исключением пиджака, который хорош, но я его не могу приспособить».

(4) «16.II.44 г. Вчера был праздник. Володя приехал совсем, вот первая радость, так как мне приятно иметь около себя близких людей, а Володя может быть и полезен (дровишек раздобыть, картошки), а то мы оба с Женей слабосильные стали. Вторая радость – Володя привез и мы распили маленькую бутылку водки, закуска была жалкая... еще он привез чудесной махорочки. Я хвастал твоими подарками.

Женю ты ими совсем подкупила, она и раньше к тебе благоволила, а теперь превозносит на все лады. По сравнению с ее родственниками, твое и Танино ко мне отношение – прямо небо и земля. Там уж заботы и ласки не встретишь, и мне очень приятно за вас».

(5) «25.IV.44 г. ...Про себя могу сказать, что живется тяжело, но и другим не легче. ...В помещении на службе 10°, дома все стены покрыты плесенью в палец толщиной, поневоле захиреешь.

Обессилел, ушел из цеха, где работал все время на ногах. Хотел совсем уйти, да начальник предложил место кассира. Теперь я занят временной работой, но что будет со мной завтра, не знаю. Сейчас, с теплом, начинаю оживать, а то – десять дней грипп, один день здоров.

Продал как-то картину Боклевского в комиссионный магазин за 150 рублей, а на днях увидел ее в антикварном с оценкой 2500 рубл. Так пользуются иные люди ошибками дураков!»

Володя приехал в Москву 15 февраля, а дней через двадцать должна была приехать и Таня с Сашей. С ее приездом папа стал хуже относиться к Володе, но вряд ли полностью справедливо, – на него действовали Танины жалобы.

Володя – хороший (не безупречный) семьянин, всегда старался побольше зарабатывать. Но Таню оскорбляло, что ей он давал деньги только на хозяйство, и этого ей едва хватало на питание – одеться уже было не на что. Себе же Володя ни в чем не отказывал – как-то построил катер, который обошелся в бешеные деньги, а потом был брошен в Чернигове, впоследствии покупал самые дорогие радиоприемники, магнитофоны (правда, нужные ему по работе) и т.п.

(6) «21.V.44 г. ...Перешел из цеховых рабочих в надомники. Работа интересна, не надо бежать к половине девятого, но первый же месяц принес разочарование: рисую, вернее, набиваю по трафарету, но довольно сложному, с растушевкой – занимает много времени, норма большая, а я работаю медленно. Всего за полмесяца заработал 150 рублей. Заболели глаза от растворителя, да так, что трудно работать (гнойный конъюнктивит). Пока лето и открыто окно, работать еще можно, хотя темновато и сушить негде, зимой же будет трудно.

Подумываю даже о месте ночного сторожа, вот до чего я дошел, каждый день думаю, что впору помирать. Живу за чужой счет, а это никому не пожелаю. У Тани тоже дела плоховаты. У Саши третье воспаление легких. Целую неделю был в клинике, но признали, что пока туберкулеза нет. Таня живет тем, что продает продукты через Женю (скопил в Коканде), а что будет, когда они кончатся? Володя получает оклад, которого может хватить на 2-3 дня, но ты напрасно обвиняешь его в лени. Таня была нервна, а стала еще нервнее и резче, но в отношении меня добра выше меры, норовит сунуть чего-нибудь поесть, и это не от излишков, сама сидит голодная. Вся ее еда – немного картошки и 300 гр. хлеба».

(7) «6.VI.44 г. ...Володей я был всегда доволен, а теперь начинаю разочаровываться. Я был уверен, что он-то о семье позаботится. Он сам не доест, а семье прищипит. Но какая-то в нем непрактичность и беспечность. Таня, когда он болел, все допродавала, и теперь, при виде ее наряда (единственного) сердце облилось кровью. Володя, скажу прямо, имеет нахальство совеститься с ней ходить, так как она, видишь ли, недостаточно хорошо одета.

Мы пьем чай с сахарином. Молока никогда не покупаем.

Сейчас Женя сидит – завивается. Завтра идем в Большой театр на “Щелкунчик” – первый раз за весь сезон. Ходили сегодня в кино на “Джунгли”».

(8) «13.VI.44 г. Вчера лег в 4 часа, а сегодня встал в 5 час. утра – все эти дни работаю с утра и до ночи, чтобы закончить к сроку партию картинок, а то получка была бы совсем грошовая, и уклон от нормы велик. Работа меня увлекает, на работе хвалят, но мне, грешным делом, не нравится, я хочу много лучше.

Из твоих писем и действий я убедился, что ты бодр, больше чем я думал, но и переменчива, как “ветер мая”. Давно ли ты писала, что Миша такой-сякой, а теперь вы с ним уже друзья. Я всегда считал его хорошим человеком, и если имел против него зуб, то за разрыв с тобой. Описание вашего пиршества с Мишей показывает,

что ты заботаешься об обстановке за счет своего желудка, даже угощение его (довольно скудное) показалось тебе пиром.

А я живу так: в 8 час. стакан горячей воды с сахарином и кусок хлеба, днем – сковородка картошки (5-6 штук), три стакана кофе с сахарином, два куса хлеба. В 8 час. вечера обед, сегодня был суп с маленьким кусочком баранины (паек) и чищенная картошка с чуть-чуть мясных консервов. Вечером чай с сахарином, белый хлеб.

Тетки поступают с тобой неблагоприятно, мужчины стали эгоистами (как и все люди), все это верно, но не надо резких выражений ни в письмах, ни в речах – это не по-джентльменски..., это не идет к женщине, а к тебе в частности...

Таня переезжает в Малаховку на дачу. Мальчонка поправился, мать сшила ему длинные брюки и повязала бант. Большой шалун, но все у него как-то мягко, приятно выходит. Сейчас толстый и розовый, очень смышленный, постоянно смешит своими изречениями. Насобирав букетик травки и послал мне в подарок. Володя на работе с утра до вечера.

Я все время говорю: «Моя Наташа прежнюю Татьяной стала». Я горжусь вами обеими тем более, что Женины родственники (сестры и племянница) ведут себя хуже чужих. Достаточно сказать, что когда Женя не дала племяннице денег (не продались в срок вещи), то та ей плюнула в лицо. И моя дура готова (родственные шишки более нормы) все ей простить...

Теперь о посылке. Ты пишешь, посылать нечего, а сама собрала весь дом, особенно неприятны твои финики – лишаешь себя сладкого без нужды... Взвоят твоя Людмила Филипповна, когда увидит пакет».

(9) От Тани: «28.VI.44 г. ...Не разоряй себя дарами, но благодарю. Для тебя передала отцу мешочек с изюмом – 2 кг 680 г. В этом месяце легче, Сашу спасла от туберкулеза, он сейчас веселый, бегаёт. Володя получил паек домой, а это много даёт. Нет расхода на дрова. Живу в Малаховке, так как Саше необходим воздух, и здесь он сам бегаёт. Дача бесплатно от военной школы. Дача хорошая: электричество, радио, близко от станции; электропоезд и метро до дома – 1 час 30 минут».

(10) От отца: «12.VII.44 г. ...Твоя посылная, Людмила Филипповна, нам очень понравилась. Очень приятная, милая ленинградка. Мне было приятно слушать ее дифирамбы тебе. Получить от такого культурного человека, как она, такие высокие оценки, какие она высказала очень искренне, конечно, очень ценно. Мне раньше не было случая слышать о тебе что-либо (кроме неприятных сообщений), так что это было мне и приятно, и неожиданно. Сама же ты так скромна, ни разу ни о своей роли, ни об отношении к себе не писала.

Нет времени порисовать. Сажу целый день со своими грушами».

(11) «7.VIII.44 г. ...Людмила Филипповна произвела на меня действительно приятное впечатление: простота, симпатия, культурность, передай ей мой глубочайший привет и пожелание всего хорошего.

У нас сейчас ужасный беспорядок. Суетня не даёт Жене прибраться. Таня каждый раз норовит сунуть мне хоть немного денег, подложить картошки, овощей. А уж что-нибудь против ей не скажи, сейчас вскипит, но я тверд – свое мнение высказываю до конца, причем знаю, что потом она его примет к руководству».

(12) «29.VIII.44 г. (О Милочке): По карточке очень трудно представить себе человека, скажу лишь, что Милочка – вылитый папаша и всегда выходит сердитая, так что я даже боюсь. Думаю, что в жизни она добрее, чем на портрете. В следующий раз пусть попробует вспомнить что-нибудь веселое... Желаю Милочке успеха на выбранном ею почетном поприще химика, надо только, чтобы это дело ей нравилось. Желаю ей открыть новые законы, заткнув Менделеева за пояс. Очень приятно иметь внучку столь добродетельную, и рад за тебя, что ты в ней имеешь утешение, а не огорчение.

У меня радость – наконец получил пенсию по возрасту. Невелика – 150 р. Обещали еще в сентябре обед по УДП, но лопнула моя надежда... Удушье каждый день, и сердечные капли не помогают. Вот уже и осень пришла, я надеялся, что до зимы война кончится.

Ходите ли в театр? Что читаете? Привет теткам. Лизочка что-то стала мне мало симпатична».

(Приписка Евгении Николаевны, о Милочке): «Славную Милочку горячо целую и бесконечно радуюсь, что она всеми хорошими качествами так высоко оценилась в наших глазах, желая, чтобы такой же чистой душой она осталась долго, и чтобы нашелся в будущем чудесный отрок, полюбивший всей душой и оценивший все ее прекрасные качества. Как высоко можно оценить, что она в разлуке с Вами не восприняла от чужого, возможного влияния какие-нибудь дурные качества, и оценила все Ваши заботы, трудности и любовь Вашу к ней.

Я целый день мотаюсь по городу, добывая средства к жизни или добыча продуктов, а два раза в неделю тащусь с тяжелыми сумками за город к Тане, что она и ценит, а Саша очень любит».

(13) Милочке от дедушки: «Милая Милочка, поздравляю тебя и желаю тебе успеха в жизни и ученье. Завидуешь тебе: как был бы я счастлив на твоём месте. До сих пор мне хочется учиться. Сейчас захотелось мне изучать польский язык. У меня очень плохая память, и это усложняет изучение языков.

Ты, конечно, очень рада, что снова живешь в Ленинграде. Будешь писать, опиши те чувства, которые ты испытала, попав в Ленинград после той дыры, в которой ты прожила последние три года.

Очень жду от тебя письма об университете. Волнует ли он тебя, симпатичны ли тебе студенты, интересны ли профессора, что трудно, что легко? Сейчас иду на переговоры относительно поступления на место, вперед знаю, что не возьмут. Вот до чего дожил твой старый дед».

Письма с фронта:

(1) От Льва Ник[олаевича]: «7.II.44 г. Поздравляю моего Натика с днем рождения!.. Как твоё здоровье? Теперь для тебя и для всех ленинградцев тяжелые дни миновали, будешь поправляться. Я глубоко верю в то, что в этом году обязательно увидимся... Заняты подготовкой к последним решительным боям. Настроение хорошее, чувствую себя физически и морально хорошо. Очень хочется домой, в Ленинград. С каким наслаждением я бы приехал к тебе хоть на пару дней. Я среди “лона природы”, которое надоело до чертиков. Твой Л.».

(2) От Гусейна: «6.V.44 г. Милая Наташа, вновь начала заниматься молчанием и томить душу некоторых военных. Что случилось с тобой? Почему не пишешь? Мысль об одиночестве терзает меня, особенно потому, что живу в условиях, известных тебе больше, чем кому-либо. Из дома писем все нет и нет. Где Рустам, не знаю. Мое настроение нуждается в хорошей поддержке, а поддержку, как видно, ожидать неоткуда... Пиши почаще, жду с нетерпением. Гусейн».

(3) От Льва Ник.: «7.VI.44 г. ...Поздравляю с началом открытия второго фронта, который, безусловно, на много должен сократить войну. Для нас, да и для всех это большое и радостное событие. Как мы завидуем вам, что у вас есть радио, – вы можете узнавать в тот же час, а мы узнаем только из газет... Мы сейчас опять слезаем со стационара и встаем на колеса – вперед, вперед!

Второй день у нас тепло (как ни странно) и можно ходить раздетым.

Теплее здесь не бывает. Ну, пока все, моя дорогая и любимая. Крепко тебя целую и надеюсь, что будешь писать мне часто... Л.».

(4) От него же: «14.VI.44 г. Меня радуют твои письма. Я их жду с нетерпением. За все это тебя ждет хороший подарок...

У меня кругом лес и лес. Иногда болото. Собачий холод, снег еще не весь растаял. Люди все те же, свежих нет. Насчет выпить – ни гу-гу. Вообще я стал настоящим монахом. Зато здесь круглые сутки светло как днем, и когда нет облачности, светит солнце, но “светит, а не греет”. Личного времени почти нет. Все время на работе. Пишу во время дежурства глубокой ночью. Все спят, светит солнце, и даже над ухом поют какие-то пичужки. Ну, а ты как живешь, моя неисправимая оптимистка? Ты можешь мне писать все и, конечно, откровенно. Мне кажется, мы никогда ничего не скрывали друг от друга. Как твой Гусейн? Ну, вот, мой Натик, будь у меня умницей, как всегда. Если будет тяжело, не падай духом, и пиши мне. Посылаю тебе произведение местной флоры – лучшего ничего нет. Сохрани его, он сделал очень большое путешествие, чтобы передать тебе мой поцелуй и привет. Жду писем, крепко целую. Лева. На днях буду в боевых действиях».

(5) От него же: «5.VII.44 г. ...Знаешь ли ты, где я нахожусь сейчас? Могу загадать тебе загадку: на Севере, ближайший город включает в себя четыре буквы А. (По-видимому, Кандалакша – Н.С.). Работы много, преподаю разную всячину. Ждем сигнала к выступлению. Ни кино, ни книг, вообще ничего нет. Очень хочется идти вперед, на запад. Очень хочу к тебе, хоть на пару дней. Твой Л.».

(6) От него же: «14.VII.44 г. ...Я часто думаю о тебе и о том, как тебе, наверное, достается. Нужно и работать, и об огороде думать, и вести хозяйство и пр. Твои письма мне очень нужны, именно нужны, получая их я прямо отдыхаю и чувствую себя совсем хорошо. Твой Л.».

(7) От Гусейна (без даты): «...Сегодня ухажу в бой. События в Финляндии тебе хорошо известны. Мы получили приказ не выпустить немцев из Финляндии, так что ведем с ними активные бои на уничтожение или капитуляцию. Что будет, сказать трудно, но чувствую себя хорошо, бодро. Думаю, что выдержу и это испытание... Я очень доволен, что мои строки дошли до сознания Милочки. По-прежнему прошу передать ей сердечный привет. Пиши, жду с нетерпением...

В случае чего, запроси командира части 01428 А. Гусейн».

Это было последнее письмо Гусейна. С войны он не вернулся.

Мне о его гибели написал гораздо позднее, по-видимому, его товарищ, Георгий Владимирович Зеленков, который сообщил, что Гусейн был убит в бою 2 февраля 1945 года.

Лидия Васильевна осталась в Тихвине без Милочки, она решила дожидаться результатов своей огородной деятельности, и аккуратно писала письма:

(1) «20.VII.44 г. ...Ходила за ягодами, набрала черники стаканов 40 и продала на 200 рублей, а вот уже два дня дома, болят очень ноги, все ползком в лесу, да в присядку, вот и отнялись, а завтра опять собираюсь за ягодами, а Марина сегодня ушла, а вчера пришла почти с пустым, уж находилась, а первый раз много принесла».

(2) Без даты: «...Милочка, пиши, милая, о себе, как ты привыкаешь в Ленинграде, как питаешься, как порешила с Институтом?

Я проживу до осени, а там увидимся. Пиши чаще. С Маринкой очень не ладим, без Евы все ругались. Ирку бедную с голоду морила, сколько раз плакала из-за этого – все чтобы выхвалиться, что мало израсходовала. Вот стерва-то растет...»

(3) Без даты: «...Картошку начинаем копать, слава богу, дождались. За ягодами все-таки изредка хожу, очень далеко, к[ило]м[етров] 14, а близко нет. Стала поспевать брусника, еще не ходила, а черники очень много... нести тяжело, насилу придешь, сушить негде, вялила – все перетаскают, а продавать – дешево (3 р. стакан). Я очень рада, что ты довольна работой. Ева хочет ехать, и папа приедет в первых числах сентября, но мне еще надо остаться, недели на две, если можно будет отсрочить пропуск. До свидания. Твоя бабушка».

Наконец, вернулась в Ленинград и Лидия Васильевна. Поселилась она у меня и, не желая быть в тягость, стала искать работу. В конце концов она устроилась в Театр музыкальной комедии, не премьершей, а уборщицей. Тем не менее, это дало Милочке возможность часто ходить на оперетты, откуда и пошло ее увлечение легкой музыкой.

Эта театральная жизнь способствовала тому, что Милочка изучила всех артистов труппы, больше всего ей нравились Колесникова и Свицерский. Она стала собирать открытки с портретами артистов.

В Москве конец года был очень тяжелым, что отражено в письмах.

(1) От отца: «25.IX.44 г. Пришла беда: Евгения Николаевна опасно больна, в больнице, температура 38-40°, что при ее истощенном организме – смерть. Мечтаю об одном: самому заболеть и окончить свою грустно-гнусную жизнь. Мне и тяжело и грустно. Служба тяжелая, все время на ногах в физической работе. Встаю в 5 ч. 15 мин, в 5 ч. 30 мин. уже выхожу, темно, холодно. Домой, вернее, в больницу, добираюсь около 4 час., потом в столовую, по разным делам, дома – уже в восьмом часу. Надо согреть поесть, приготовить на службу, в больницу; ложусь в начале 11-го. Подкармливает меня Танюшка, заботливо присылающая на завтрак какой-нибудь бутерброд, один раз в неделю я еду к ней на весь вечер. Не легко в 68 лет скакать целый день из угла в угол – в поезде, в метро стоишь.

На этой службе лучше, так как получил уже 36 кг. картошки».

(2) От Тани: «7.X.44 г. ...пишу о новом несчастье отца. Если Евгения Николаевна будет жива, то это будет чудо. Отцу трудно со стула встать, а он мечется. На его последней работе надо сидеть с утра до ночи, чтобы заработать пустяк, а краска еще и глаза разъела, а теперь начались простои – нет материала, и стали часто браковать работу, хотя он очень хорошо делает. У Володи освободилось место – выдавать инструменты: рабочая карточка, 600 рублей, и рано освобождают, но эта работа ему тоже тяжела, и он вот-вот свалится.

Я запуталась с дачей, так как в городе мне каждый день обходится очень дорого, (топливо и пр.) и Сашка связывает. Езжу к Володе за обедом и вожу отцу завтрак и немного дров и пр. Володя перейдет на работу в Москву, меня это устраивает, так как бегать в холод по поездкам не просто. Целую, Таня».

(3) От отца: «17.XI.44 г. ...Евгения Николаевна выдерживает температуру второй месяц. Чудесный человек погибает из-за своего характера, боясь остаться без всего на черный день, она с утра до 4-х часов дня бегала, голодная – некогда было поесть. Уезжая в больницу, она оставила мне письмо, в котором просила простить ее, что она, благодаря глупой голове, не кормила меня как следует и не умела хорошо и разумно обставить свою и мою жизнь, “если умру, побереги себя, сколько положено”».

(4) «26.XI.44 г. Дорогая Наташа, получил твое жизнерадостное письмо, очень рад, что хоть у тебя-то дела хорошие. У Евгении Николаевны 39,5, врач сказал: положение тяжелое, приходит каждый день. Я изнемогаю от физической и нравственной усталости. Хлеба не хватает, подкупаю дней через пять по килограмму, а это 50 рубл. Обхожусь своим заработком, ничего не продавая. Если Евгения Николаевна умрет, останусь гол, как сокол, так как все движимое и недвижимое имущество отдам ее сестрам, так как оно родительское, они на него всегда претендовали, я же не хочу ничего чужого. Комната у меня – сырой подвал.

Вера Николаевна ухаживает за мной и Женей, как мать родная. Все ее грехи против сестры поражают несоответствием...».

В сущности, в Москве произошло чудо – Евгения Николаевна к концу года поправилась, вернее сказать, выжила, – поправляться она стала значительно позднее.

Закончу 1944-й год письмами Льва Николаевича:

(1) «23.XI.44 г. Привет тебе, мой Натик, из далеких, далеких мест. Мои координаты таковы, что дальше, в прямом смысле – ехать уж некуда. Забрались мы сюда не так давно, надолго ли – неизвестно. Кругом скалы, растительности нет никакой. Сильные ветры, и, представь себе, нет снега, и даже не холодно – Гольфстрим тому причиной. Чувствую себя удовлетворительно. Безумно скучаю о людях, о Ленинграде, музыке, литературе... Работа, как всегда, сумасшедшая. Единственное удовольствие – несколько часов сна, если они бывают. Живем в походных условиях: сегодня здесь, а завтра – там. Спим по-военному: кругом одна шинель, а под головой – полевая сумка. О тебе часто думаю, чего нет сейчас с твоей стороны, со времени прибытия к тебе других членов семейства. Прошу хоть изредка вспоминать о моем существовании. На днях был в Норвегии; очень интересно.

Очень ценим весточки от родных, учти это. Л.».

(2) «18.XII.44 г. Поздравляю своего дорогого Натика с Новым Годом! Крепко его целую и желаю... Очень жалко, что не могу встретить Новый Год в Ленинграде, с Натиком, своим старым любимым другом. Надеюсь, что мы увидимся и отпразднуем встречу. Нахожусь в стране полярной ночи, северных сияний. Езжу на оленях. Часто вспоминаю своего Натика. Натика, веселого, жизнерадостного, не унывающего никогда. Если бы мне немного твоих качеств! Крепко целую. Лева».

1945 год

Война ушла далеко на Запад, письма Льва Николаевича говорили о скором окончании ее. В Библиотеке началась почти нормальная жизнь. Милочка целые дни проводила в Университете, но, как я и думала, химический факультет оказался для нее физически трудным, хотя занималась она с удовольствием и отметки имела хорошие. Особенно нравились ей лекции Сергея Александровича Щукарева, который, по ее словам, умел так прочесть лекцию по химии, что создавалось впечатление, что речь идет о каком-то сказочно-прекрасном мире.

Я вновь привыкала к своей взрослой дочери. Многие в ее манерах меня корбило, а ее только веселило. Например, она считала вполне возможным в свои 18 лет допускать в своей речи выражения: «Мне не горе», «воображуля», «больно-то мне надо», «опсихеть, как вкусно». Меня она иногда поощрительно называла «Молодчик».

Письма Льва Николаевича:

(I) «17.01.45 г. ...Я понимаю, что тебе не до друзей – все мысли, очевидно, около семьи, дома. Однако надеюсь, что все же ты меня не забудешь, ведь нас связывает почти половина жизни, а это не шутка. Ведь так, мой Натик? Скоро будет четыре года, как я живу в соприкосновении с природой, причем – различной – довольно ее! В первый же день приезда забегу к тебе на службу. Там мы познакомимся вновь, и немедленно отправимся праздновать нашу встречу. Хватит интересного, что пересказать! Кстати, ты мне буквально ничего никогда не пишешь о своих сердечных делах – стесняешься, или просто излишняя скромность? Может быть, кроме бабушки с дочуркой, есть и дедушка с усами? Я накопил немного – тысяч десять. Каждый месяц посылаю маме.

Живу на берегу Баренцева моря, среди скал. Жизнь сложная. С каким бы наслаждением пошел бы воевать на южные действующие фронты. Главный наш враг здесь – паршивый климат: ветры, снежные заносы (которые бывают только здесь и в кино) и морозы до 30°, но с ветром...

О таких местах я и понятия не имел. Кроме того, учусь и учу других. Лекции читаю на технические и политические темы. Живем скученно, в немецких землянках, холодных. Землянки эти, среди огромных скал, выглядят молекулами.

Каждая твоя фраза доставляет мне удовольствие – учти это! Мое дело беспокойное, хотя и интересное. Уже около двух лет я работаю начальником ремонтных мастерских автомашин. Неприятностей много. С питанием не плохо...»

(2) «30.I.45 г. ...Начались крепчайшие морозы с сильным ветром. Кругом снег, а на небе – северное сияние. Пятидневку хожу больной: простужена грудь и сильная слабость, но я в приподнятом настроении жду конца войны. Возможно, в этом году и увидимся... Напиши о жизни в Ленинграде, как живет народ?».

(3) «5.II.45 г. ...Я рядом с городом П., севернее четырех А – догадываешься? Часто смотрю на твои карточки и думаю, как было бы хорошо быть сейчас с тобой».

(4) «23.II.45 г. ...Да, Натик, наши жизни все время переплетаются, и, кроме матери, роднее тебя у меня никого нет. Я немного одичал. Сейчас для меня было бы верхом блаженства сидеть в настоящей комнате, за столом с чистой скатертью, с электрическим светом, в тепле, читать книгу. Или лежать и слушать музыку. Как я о ней безумно скучаю.

Я вполне поправился. Теперь о твоей дочке: мне очень приятно и я очень рад тому, что она выросла в такую прекрасную девушку, и у вас с ней много общего. Сожалею, что она настроена по отношению ко мне скверно. В этом, безусловно, виню только самого себя. У нее естественное чувство ревности. К сожалению, когда я ее узнал, она была чуть побольше куклы, а я был слишком молод. Единственно хотел бы, чтобы в то время у меня было побольше ума. Тогда и моя “шалопутная” жизнь текла бы иначе. Жаль, что люди становятся умнее тогда, когда ум уже не так нужен, когда дело идет к старости. Здесь я еще раз намекаю на самого себя».

(5) «21.IV.45 г. ...Поздравляю с днем Первого Мая. Мне придется, хотя бы мысленно, побыть около тебя в этот день. У нас глубокая зима. О войне узнаю только из газет. Надоело здесь безумно, хочется шума, выстрелов, Германии. Очень часто думаю о тебе. Натик мой, пришли свою, хотя микроскопическую карточку – как ты выглядишь сейчас. Мне бы хотелось, чтобы моя мама была с тобой – я был бы спокоен. Она все болеет, без ухода, без ласкового слова. Напиши, что ты говоришь обо мне Милочке? Напиши твое мнение, когда увидимся? Насколько ты ошибешься? Я от всех отвык, кроме тебя и нашей дружбы. В день Первого Мая я все время буду мысленно около тебя. А ты мне напишешь, как ты его провела – хорошо? Целую крепко».

(6) «6.V.45 г. Через месяц будет четыре года, как я на фронте. Развлечений нет, только изредка играю в шахматы...».

Лев Николаевич, действительно, мало знал о ходе военных действий – за несколько дней до Победы он собирался отмечать свой «юбилей» на фронте.

Мать Левушки, находившаяся в эвакуации, тоже иногда писала мне. Привожу для образца одно из ее писем 1945 года:

«6.II.45 г. Ваше письмо меня бесконечно обрадовало... Я всегда считала Вас за очень чуткого и отзывчивого человека. Как мне благодарить Вас и Ваших милых тетушек за желание прислать мне вызов! Здесь жить трудно, особенно морально. Народ дикий, неграмотный, моральных качеств никаких. Знают только слово “дай” и красть. Мы постарели, огрубели, но закалились. Я ношу воду от двух до пяти коромысел в день, по сугробам. Дороги отсутствуют. Почти ежедневно ездим в лес по дрова на корове. Сами пилим и таскаем в глубоком снегу, и необуты. И обувь, и платье – все порвалось...

Я передлевой очень виновата – уехала и его разорила, так как в Ленинграде, наверное, все расхищено, а здесь все прожито.

В этой дыре жизнь не дешевая. Я плачу за сырой угол, где стоит моя койка, – 100 рублей, а спит нас в комнате пять человек. Морозы стоят 40-50°.

Вы так редко мне пишете, что я решила, что Вы вышли замуж и Вам не до меня... Г. Смирнова».

Московская жизнь тоже входила в нормальное русло, но отец, от тяжелых переживаний, пал духом. Присутствие Тани, в силу ее характера, тоже не способствовало его спокойствию. Утешал внук, которому дед отдавал много времени, сочиняя стишки и рисуя картинки, которые он так любил, вообще, его снова потянуло на стихи.

От отца (без даты): «За свою долголетнюю жизнь я очень мало сделал, чтобы мои дочери были хорошими и любовно ко мне относились, – это незаслуженный подарок судьбы...

Работа паршивая (архив экспонатов) – надо и таскать тяжести, и область незнакомая, и дело неинтересное... Хотят меня перевести в библиотеку на справочно-информационную работу. Очень бы хотелось, но не знаю, справлюсь ли там – надо писать аннотации.

На днях страшно расстроился: электричества нет, а коптилка и лампы не действуют. Подумал, хорошо бы успокоиться. ...25 февраля повезу Евгению Николаевну из больницы. Два месяца пил из экономии кофе без сахара. Не выдержал, начал пачку и блаженствую. Хожу, согнувшись в три погибели – поясницу ломит.

Ходите ли вы в театр?»

(Письмо от Евгении Николаевны, без даты, из больницы): «...У Шурика зимой была безумная работа (по совету Тани). Вставал в шестом часу, ехал за город по Казанской дороге, замерзая в поезде, к четырем возвращался. Сейчас поступил в Оргметалл, но трудно, со многим надо знакомиться. Так ослабел, что пишет: “Кажется, не доживу до твоего возвращения из больницы”. Шурик возвращается от меня домой в 8 часов вечера и начинает себе что-нибудь варить. Спасибо, сестра Вера иногда ему сварит, но дров у нас тоже несколько поленьев... Шурик болел девять дней и запустил свою болезнь из-за меня».

От отца: «5.III.45 г. Милочка, очень бы хотелось тебя повидать. Твоя мать и тетки не нахвалят тебя. Я ужасно рад».

«13.III.45 г. ...Я не знаю, как тебя благодарить! Ни о каких-либо подарках, даже в мыслях, не мечтаю... Спички кстати (15 спичек всего в доме). Сегодня жду Михаила Павловича к обеду, хотел прийти. Интересно! принесет ли водку, так как поллитра я уже не получил. Все-таки, несмотря на все его фокусы, он мне симпатичен».

«10.IV.45 г. ...Благодарю за замечательный вид Академии Художеств, долго смотрел на него, переживая в воспоминаниях свое детство. Квартира, где я жил, была в бельэтаже, рядом с квартирой ректора Академии, потом мы жили во втором дворе, что через сад...

Наталья СЕЛУЯНОВА. Семейная хроника Селуяновых

После ухода семьи Промысловых стирал белье, мыл пол. У Танюшки губа не поправляется, такой желвак, что ужас! (Таню укусило в Средней Азии какое-то насекомое, болезнь оказалась затяжной, долго пугали, предполагая рак, язву и т.п. – Н.С.).

Почему тебе вливают глюкозу?».

От редакции. На этом оканчивается переплетенный том «Семейной хроники Селуяновых», переданный О. Илюшкиной автором; продолжение отсутствует.

О созерцании Вселенной как творения Божия. О добродетельной жизни

О созерцании Вселенной как творения Божия

Когда взираю я на небеса Твои – дело Твоих перстов, на луну и звезды, которые Ты поставил, / то что́ есть человек, что Ты помнишь его, и сын человеческий, что Ты по-сещаешь его? (Пс. 8, 4–5)

Возвел я очи свои на небо, которое, подобно чистому зеркалу, со славой осияло звездами землю, и в удивлении сказал: «Если звезды сияют с такою славой, то насколько более праведные и святые, творившие волю святого Бога, в тот час, когда придет Господь, воссияют неизреченным светом спасительной славы!».

Преп. Ефрем Сирин (ок. 306–373)

Не для того дана ночь, чтобы мы во всю ее спали и бездействовали. <...> Посмотри на хор звезд, на глубокую тишину, на великое безмолвие, и удивляйся делам Владыки твоего. <...> Если взглянешь на небо, испещренное звездами, как бы бесчисленным множеством глаз, то получишь совершенное удовольствие, помыслив тотчас о Создателе.

Свят. Иоанн Златоуст (ок. 347–407)

Открылась бездна, звезд полна;
Звездам числа нет, бездне дна.

Песчинка как в морских волнах,
Как мала искра в вечном льде,
Как в сильном вихре тонкий прах,
В свирепом как перо огне,
Так я, в сей бездне углублен,
Теряюсь, мыслями утомлен!

<...>

Скажите ж, коль пространен свет?

И что малейших дале звезд?

Несведом тварей вам конец?

Кто ж знает, коль велик Творец?

Михаил Ломоносов (1711–1765)

Взгляните вверх <...> и размыслите, как и из чего составлена вселенная, чем была до своего устройства и как называется она теперь. Все устроилось по порядку <...> Порядок устроил вселенную, порядок держит и земное, и небесное, порядок у существ умопредставляемых, порядок в вещах чувственных, порядок и у ангелов, порядок в звездах, в их движении, величине, взаимном отношении и светлости.

Свят. Григорий Богослов (ок. 320–389)

Всякая разумная природа <...> стремится <...> из красоты и благоустройства видимого мира познать Бога, употребить зрение руководителем к незримому, но в великолепии видимого мира не потерять из виду его Творца.

Свят. Григорий Богослов

Ищи Бога – но не ищи, где обитает Он.

Авва Сисой Великий († 429)

Две вещи наполняют душу всегда новым и все более сильным удивлением и благоговением, чем чаще и продолжительнее мы размышляем о них, – это *звездное небо надо мной и моральный закон во мне*.

Иммануил Кант (1724–1804)

О добродетельной жизни

Знание добродетели вложил Бог в нашу природу, но осуществление ее предоставил нашей свободе. Если бы Бог все сделал даром природы, мы остались бы без венцов и наград. Ибо совершенства естественные служат к похвале и чести не обладающих ими, а Давшего их.

Свят. Иоанн Златоуст

[Душа] человека незлобивого и кроткого <...> похожа на вершину горы, где веет легкий ветер и куда падает чистый луч, откуда льются прозрачные струи потоков и где встречаешь множество прекрасных цветов. <...> Здесь или певчие птицы сидят вверху на ветвях деревьев и кузнечики, соловьи и ласточки стройно воспевают какой-то один концерт; или тихий ветер, слегка касаясь ветвей деревьев, часто производит звуки, похожие на звук флейты или на крик лебедя; или луг, покрытый розами и лилиями, которые склоняются друг к другу и отливают синевой, представляет как бы синее море в минуту лёгкого волнения. <...> Посмотришь на розы – и точно увидишь раду; посмотришь на фиалки – и точно увидишь вол-

нующееся море; посмотришь на лилии – и точно увидишь небо. <...> Здесь человек находит для себя отраду и отдых, так что скорее считает себя на небе, чем на земле. Есть здесь и другой звук – когда вода непринужденно катится с вершины по расселинам и, слегка ударяясь о встречающиеся камешки, тихо журчит и такую разливают сладость по нашим членам, что скоро и сон, от которого невольно опускаются члены, нисходит на глаза наши. <...> А ведь душа великодушного человека несравненно приятнее, чем эта уединенная местность!

Свят. Иоанн Златоуст

Добрый человек есть как бы мысль Божия.

Преп. Ефрем Сирий (ок. 306–373)

Никто не может быть доволен той ступенью совершенства, до какой преуспел; и кто чем чище будет духом, тем более видит себя нечистым, более находит причины к смирению, нежели к возношению; и чем скорее стремится к высоте, тем более видит, что ему еще больше остается, куда стремиться.

Преп. Иоанн Кассиан Римлянин (ок. 360–435)

Многие живописцы изображают на иконах Христа, но редкие уловляют сходство. Так христиане суть одушевленные образа Христовы, и кто из них кроток есть, смирен сердцем и послушлив, тот более всех похож на Христа.

Преп. Антоний Оптинский (1795–1865)

Лучше жить со зверями, нежели с людьми худого поведения. Лучше пребывай с коршунами, нежели с человеком корыстолюбивым и ненасытным. Лучше будь другом убийце (в надежде исправить его), нежели любителю споров. Лучше беседуй со свиньей, нежели с чревоугодником, – свиное корыто лучше прожорливых уст. Лучше живи с прокаженными, нежели с гордыми. Пусть тебя гонят, ты не гони; пусть тебя распинают, ты не распинай; пусть обижают, ты не обижай; пусть на тебя клеветают, ты не клеветай; будь кроток, а не ревностен во зле.

Преп. Исаак Сирий (VII в.)

Лучше, будучи добрым, во мнении других считаться худым, нежели, будучи худым, иметь славу доброго.

Свят. Григорий Богослов

Не желай, чтобы все делалось так, как ты хочешь, но желай, чтобы оно было так, как будет, и таким образом будешь мирен со всеми.

Преп. Дорофей, авва Палестинский (505–565)

Живи попроще – и Бог тебя не оставит.

Преп. Лев Оптинский (1768–1841)

...Стяжи дух мирен, и тогда тысячи душ спасутся около тебя.

Преп. Серафим Саровский (1754 или 1759 – 1833)

Мы должны жить на земле так, как колесо вертится: только чуть одной точкой касается земли, а остальными непрестанно вверх стремится. А мы, как заляжем на землю, и встать не можем.

Преп. Амвросий Оптинский (1812–1891)

...Нравственность, не вытекающая естественно из полноты нашей религиозности... есть или просто добропорядочность, или дело инстинкта, или – очень часто – нестерпимая фальшь.

Иерей Александр Ельчанинов (1881–1934)

Главное в жизни – всегда делать людям добро. Если не можешь делать для людей добро большое, постарайся совершить хотя бы малое.

Свят. Лука Крымский (1877–1961)

О мультфильмах и ценностях

В прежние идиллические времена проблема детского досуга хоть и вызывала определенный интерес, однако никакого ажиотажа вокруг себя не создавала. Когда по телевизору идут всего две программы, а по вечерам мамы кричат в форточку: «Вить, беги домой, мультик начался!», когда нет в природе ни компьютерных игр, ни интернета, ни самих компьютеров вкупе с мобильными телефонами, у ребенка и выбора-то не существует. Школа плюс спортивная секция, плюс музыкальная школа, плюс изостудия или танцы. И, конечно, чтение.

Детская литература была развита замечательно, впрочем, как и детское кино. Большие хорошие писатели часто уходили в детскую тематику, как во внутреннюю эмиграцию, погружались в теплые волны детских рассказов и повестей, а то и переводов мировой детской классики. Книжки выходили многотысячными, если не миллионными тиражами, – и вот парадокс, их все равно не хватало. Знаменитую эпопею Волкова «Волшебник Изумрудного города» можно было достать только по большому благу или у спекулянтов. Мы и знать тогда не знали о каком-то там Фрэнке Бауме и какой-то там стране Оз, а Волковым зачитывались. Были – и много! – другие авторы. Носов и его Незнайка (кстати, тоже позаимствованный из комиксов канадского художника Кокса Палмера о маленьких домовых – брауни). Астрид Линдгрен и ее повести о Карлсоне и Пеппи Длинныйчулок. Лев Кассиль – «Кондуит и Швамбрания»; Пантелеев и Белых – «Республика ШКИД». Гайдар, Маршак, Бианки, Чуковский, Осеева, Успенский, Катаев, Каверин... И можно перечислять дальше.

Книжки эти, когда-то читанные-перечитанные, дряхлеют в одиночестве. Увы, то ли я не смогла привить своим детям любовь к чтению, то ли все мы оказались заложниками глобального процесса компьютеризации... Современные дети окружены настоящим информационным океаном. Соцсети, ютуб, кино, телевидение, компьютерные игры, – до книг ли?

И все же прорывы случаются. Вот, к примеру, семитомник Джоан Роулинг о приключениях Гарри Поттера был проштудирован – и не раз – и дочкой, и сыном.

Конечно, большую роль в этом сыграла реклама, а также вышедшие по книгам фильмы. И все же, положив руку на сердце, давайте признаем: если бы «поттериада» была написана плохо, вряд ли бы она покорила сердца миллионов детей, живущих в самых разных уголках мира. А что значит «плохо»? Во-первых – неумело с писательской точки зрения, а во-вторых – если бы книги эти учили детей чему-то плохому. Но в их основе все та же христианская мораль, которая свойственна лучшей детской литературе любой эпохи, даже и советской – конечно, со всеми идеологическими оговорками. Буратино, разумеется, весьма далек от Пиноккио, но и тот, и другой отчаянно борются со злом и побеждают его...

Однако далеко не все разделяют эту точку зрения. Многие родители не спешат покупать своим детям книги Джоан Роулинг. Их можно понять: магия, колдовство, мистика – это темы, идущие вразрез с религиозным воспитанием. А есть ли альтернатива? Думается, есть.

Например, книги Юлии Вознесенской (Окуловой). Ее книги часто называют «православным фэнтези». Конечно, они адресованы, скорее, юношеству. А книга «Путь Кассандры, или Приключения с макаронами» стала лауреатом конкурса произведений для детей и юношества «Алые паруса» в номинации «Проза». Пишет Вознесенская легко, с юмором, но на очень серьезные темы. И хотя в ее книгах много приключений и удивительных поворотов сюжета, главной целью автора было, несомненно, приобщение читателей к христианству, если угодно – некое литературное миссионерство.

А вот вышедший недавно полнометражный мультфильм «Дети против волшебников», созданный по мотивам одноименной книги некоего Никоса Зерваса, вызвал недоумение. И с точки зрения качества (во время просмотра иногда казалось, что ни один приличный художник просто не захотел иметь дела с создателями мультфильма, потому на экране такая уродливая картинка). И с точки зрения текста.

Пишут, что автор трилогии «Наука побеждать», по первой книге которой и был поставлен мультфильм, Никос Зервас (или тот, кто скрывается за этим псевдонимом), изначально метил своими книгами в Гарри Поттера. В его произведениях есть прямые отсылки на книги Роулинг, не говоря уже о перекличке имен и тем. Первым делом Зервас превращает школу магии и колдовства в мрачную обитель зла, в которой учат вовсе не магии, а человеческим порокам – жадности, безнравственности, жестокости. Затем делает всех волшебников отрицательными персонажами, да не просто отрицательными! Они представляют собой «бездуховный Запад», мечтающий сокрушить Россию, в частности, уничтожить какую-то удивительную «русскую (византийскую) защиту». Оказывается, Лига магов и колдунов уже захватила весь мир, и только Россия пока сопротивляется – благодаря упомянутой защите. Но в защите появилась брешь, когда в свет вышли книги о Гарри Поттере, и теперь главные герои книги – подростки из Суворовской академии – вступают в бой с колдунами.

Сюжет как сюжет, скажете вы. Ну фантазия у автора такая, что тут вредного? Да, пересказ не передает того неприятного и даже гадкого ощущения, которое воз-

никает при просмотре фильма (читать книгу я даже не рискнула). Бесмысленные диалоги, напыщенные и статичные герои, блеющая музыка, шовинистская главная идея – о превосходстве русских над другими людьми.

Но что меня шокировало больше всего, так это регулярные прямые обращения главных героев к Богу, к Богородице – и немедленный ответ с небес в виде луча света и неременной помощи. В одном случае эту помощь олицетворяли всплывшие атомные подлодки с российским триколором – вместе с невольно всплывшей в памяти цитатой: «Хотят ли русские войны?».

Примитивный посыл авторов мультфильма превращает саму идею общения с Богом в подобие дешевого телешоу по типу «вопрос-ответ».

Ксенофобия, насилие, идеологическая памфлетность – вот что сразу бросается в глаза, если не отвлекаться на некачественную мультипликацию и беспомощность сценария. Таким оружием защитить православные ценности – да и любые другие ценности – думаю, невозможно.

Мне было стыдно смотреть этот мультфильм. По многим причинам, но прежде всего из-за того, что я четко осознала, в какую жуткую пропасть упал общий уровень бывшей советской мультипликации.

Что же делать?.. Может быть, просто вернуться к хорошим и добрым книжкам моего детства? К Крокодилу Гене и Чебурашке? Вряд ли получится. Современным детям нужны современные сюжеты. Но найдутся ли авторы, с одной стороны – любящие детей, а с другой – умеющие писать и снимать интересно, честно и в полном соответствии с христианскими ценностями? Ведь нет ничего труднее, чем писать для детей. И настоящие писатели об этом знают...

Встреча в пустыне

Казалось бы, единственным местом встречи для этих двух несхожих поэтов может быть журнал, альманах, но никак не общая на двоих книга. Медитативная, открытая ветрам мировых традиций поэзия Андрея Грицмана. И парадоксальные в своей афористичности, укорененные в силлаботонике стихи Бориса Херсонского... А между тем, два автора решились на такой шаг – и на свет появились «Свитки»*.

Объединило их Священное Писание.

«Данные стихи ни в коей мере не являются пересказом Библии, – предупреждает в предисловии Андрей Грицман, – скорее, это поэтическая интерпретация, стихи, написанные на темы Библии, отражение».

Библейские мотивы и сюжеты в «Свитках» – не средство создания образа, не культурный фон, не способ орнаментировать или мифологизировать лирику. Библейские события переживаются и Херсонским, и Грицманом как нечто совершающееся в настоящем времени, как то, что накладывается на окружающую реальность. Правда, происходит это у двух поэтов по-разному.

Рассказчик Херсонского как будто говорит с нами изнутри библейского времени. Он словно сам был свидетелем создания воды, тверди и животных, очевидцем Всемирного потопа и исхода из Египта, участником плавания Ионы.

И был вечер. И было утро. День четвертый. И Бог возгласил тогда:
Душу живую, пресмыкающихся, да произведет вода,
и птицы пернатые да полетят по тверди небесной при помощи крыл!

И все стало так, как Бог говорил.

(«Сотворение животных»)

И если некоторые тексты представляют собой лишь поэтическое переложение той или иной главы из библейских книг, то другие оказываются чем-то вроде ветхозаветных апокрифов. Фараоны превращаются у Херсонского в человечков с рыбьими головами, утонувшие во время Потопа люди – в обитателей морских глубин, а души умерших – в пчел, которые «мельтешат и жужжат» в доме Давидовом.

* Грицман А., Херсонский Б. Свитки. Библейские стихи. – Калифорния: NUMINAPRESS, 2016. (Библиотека журнала «Интерпоэзия».)

Интересней всего стихотворения, где библейские фигуры облачены в одежду и повадки людей из двадцатого века. Где библейский сюжет разворачивается на фоне будничных и узнаваемых примет недавнего прошлого.

Если ты великан в плаще – чтоб завязать шнурки
на черных ботинках, нужно согнуться и попытеть.
И души тех, кто принял смерть от твоей руки,
мелькают в глазах снежинками. Нужно впредь

с утра измерять давление. Над верхней губой
подстриженные усики. Снизу слышен сигнал.
Это ЗИС чернолаковый, прибывший за тобой,
весть подает, чтобы враг тебя не догнал.

<...>

Хлопает дверца машины. Город мелькает в окне.
Дальше – предместья. Потом начались луга,
козы, коровы, рощица в стороне,
синяя речка, пологие берега.

Отпустив машину, идет великан в плаще,
мир таков, каков есть, и быть не может иным.

Вот, вдали пастушок крутит камень в праще,
и овцы жмутся друг к другу облаком шерстяным.

(«Из жизни Голиафа»)

Столь же обыден и узнаваем герой стихотворения «Жертвоприношение Авраама». Его зовут Абрам, он работает завмагом, любит играть в домино и читать у окна передовицу.

Но Голос звучит, виденья перед глазами
стоят, зачем – не понимая сами.
Тот же Голос, который сказал «Изыди»!
Куда изыди? Правнуки – к той же Изиде,
в страну кирпичей и корзин, откуда
не выбраться, если не будет чуда.

Абрам берет нож, которым резали булку,
кричит в окно: «Исаак! Айда на прогулку!».
И уходит с сыном вверх по наклонному переулку.

Стихотворения в полукниге Бориса Херсонского тематически сгруппированы: несколько подряд – о сотворении мира, потом два – об Адаме, затем – серия вариаций на тему Потопа... После вольных переложений псалмов и цикла «Из Екклесиаста», в финале, следуют три новозаветных стихотворения. Пожалуй, самое убедительное из них – «Радует, ликует пророк Господень Исайя...». В нем, как на перематываемой вперед пленке, вновь мелькают приметы разных эпох и представлений о мире, но все они увиденны из одной-единственной точки отсчета, прозрачного кокона, сердцевины вселенной.

...Мария думает: Что мне цари, с ужасными их дарами,
что январь с детскими праздниками, рождественскими пирами...

<...>

Лишь звезда сияет, и будет сиять до зари,
и, звезде навстречу, Младенец светится изнутри.

У Андрея Грицмана иные отношения с библейским временем. Не столько библейский сюжет вбирает, втягивает в себя приметы нашей эпохи, сколько наш герой – современник – насквозь пронизывается ветхозаветным светом и ветром. Он стоит с непокрытой головой посреди пустыни до тех пор, пока пение ветра не начинает упразднять время и не делает неразличимой границу между мирами.

Но есть хлеба для скорбных и чужих,
дошедших из долин до тех предгорий,
где человек и зверь пьют сальный, терпкий дым
тех наслаждений, что приносят горе.

Но мы в том месте, где дарован нам
в кувшине глиняном необозримый свет.
Дохнёт покоем тихий ветер сна,
прошелестит по глянцева листе,

по ивам вдоль ручья, по нам, по всей родне,
по листьям пальм и принесет к апрелю
весть о земле, о молоке, о дальнем дне,
когда мы выйдем наконец на волю.

(«Левит, 21:1–24:23»)

Центральная тема «Библейского цикла», который открывает грицмановскую половину книги, – это исход, вечное странствие в поисках недостижимой родины, обетованных земли и языка (что для поэта, возможно, одно и то же), всегда ускользающих, тающих где-то в мареве на горизонте.

Та же неприкаянность, неосуществимость Дома – и вместе с тем его постоянное присутствие в воздухе – растворена и в завершающих книгу стихотворениях.

Между Амманом, Рамаллой, мошавом, каменным морем
тронет художник полутона и оттенки.
В темных углах полотна мерещится горе.
В этих местах ты в полуметре от бездны.

К ночи за восемь минут остывает пустыня.
Пора бы домой, но удаляемся мимо.
В ветре гортанном слышалось дальнее имя
в трех блокпостах по долине
от Иерусалима.

(«Псагом»)

Пустынные пейзажи Святой Земли, Синая, Иордании – идеальный фон для блокпостов, автобусов, компьютеров, телевизоров. Для нелепых обломков цивилизации, странных артефактов, непонятно каким ветром занесенных в это торжественное пространство, по которому только что ступали Моисей, Аарон, Самуил...

Современный человек не менее странен в этой пустыне. Она не может напоить и приютить, но примиряет его с потерями и неприкаянностью. Здесь, где сходятся времена и страны, где оживают воспоминания, можно бесконечно ловить отблески огней утраченного дома и отголоски родных имен.

Непоправимы образы и вечны.
В известняке – квадрат окна:
там юный мой отец
в йешиве вечером
один застыл
над книгой до утра.

За каждой дверью –
дремлющая бездна,
прикрытая восточным покрывалом.
Как декорация –
все бесконечно близко:
Крым, Иордания, горизонтальный месяц.
Я вышел из кафе, из-под навеса,
но бабушки лицо в толпе пропало.

(«Иерусалим»)

Присущие поэтике Андрея Грицмана нарочито неточные рифмы и сбивающийся, спотыкающийся посреди строки ритм как нельзя более органичны для этой книги, с ее порывистым ветром и растворяющей предметы и расстояния библейской пустыней.

Два непохожих автора в развевающихся на ветру дорожных плащах встретились на ее бескрайних просторах, поклонились друг другу – и продолжили путь, каждый в своем направлении.

Александр ДЖУМАЕВ

Двойной портрет в интерьере ушедшей эпохи

Об издании воспоминаний Галины Герус-Козловской

Козловская Г.Л. Шахерезада. Тысяча и одно воспоминание / Составители Т. Кузнецова и Н. Чудова. Предисл. Н. Громовой. – М.: Издательство АСТ: Редакция Елены Шубиной. 2015. – 555 [5] с., илл. («Мемуары – XX век»)

Алексей Козловский: Воспоминания. Статьи. Документы. Стихотворения. // Редактор-составитель С. Матякубова. – Ташкент: Musiq, 2015. – 324 с., илл., CD.

Не часто бывает, что литературное наследие одного автора выходит в свет, почти одновременно, в разных странах. Так случилось с воспоминаниями Галины Лонгиновны Герус-Козловской (1906–1991) о ее муже – замечательном ташкентском композиторе, дирижере, педагоге и музыковеде Алексее Федоровиче Козловском (1905–1977) и об их общих друзьях-современниках. Книги появились в один год, с небольшим перерывом во времени – сначала в Москве, а затем в Ташкенте. «Виной» ли тому отмечавшееся в 2015 году 110-летие А.Ф. Козловского или случайное стечение обстоятельств – не столь уж и важно. Существенно другое: этот случай вновь связал, но теперь уже символически, распавшуюся культурную общность: два главных города в судьбе двух творческих людей – Москву и Ташкент. Работа по составлению и изданию книг шла параллельно, причем независимо. Редакторы-составители в обоих городах, не зная друг о друге, невольно вступили в «противоборство» за оставленное наследие. Каждый предложил свое отношение к авторскому тексту воспоминаний, свою концепцию книги и ее структуру, по своему расставил акценты в ней.

Хотя в основу обоих изданий легли одни и те же воспоминания Галины Лонгиновны, каждая из книг представила одну из двух «сторон» этого счастливого творческого дуэта. Московская – о судьбе Галины Герус-Козловской, и она соответственно озаглавлена «от первого лица» – «Шахерезады»¹. Ташкентская – преимущественно о композиторе Козловском, что также отражено в названии. Обе книги открывают воспоминания Козловской, – по замыслу редакторов-составителей, своего рода «гвоздь» проекта. Однако в одном случае (в Ташкенте) прижизненный

авторский текст сохранен почти в неприкосновенности, а в другом (в Москве) – он подвергнут значительной редакции.

На этом различия между двумя публикациями не заканчиваются. Дополнительные разделы, включенные в московскую и ташкентскую книги, уже полностью не совпадают. В ташкентском издании, о котором будет сказано ниже, преобладают материалы, имеющие прямое отношение к А.Ф. Козловскому. В московском, с которого мы начнем наш обзор, к первой части («Воспоминания») добавлена значительная по объему «Переписка и воспоминания современников». Воспоминаниями поделились Александр Александрович Мелик-Пашаев, сын советского дирижера Александра Шамильевича Мелик-Пашаева (1905–1964), редактор-составитель Татьяна Кузнецова, литературовед Ирма Викторовна Кудрова (внутри текста «Вместо предисловия» к переписке с Галиной Лонгиновной) и американский этномузыковед Теодор Левин. Все остальное – обширное эпистолярное наследие Г.Л. Козловской, переписка с современниками – друзьями, родными и близкими по душевному складу людьми культуры. Это Татьяна Кузнецова, Минна Шмелькина, Владимир Сосинский, Ирма Кудрова, Валериан Герус, Евгений и Елена Пастернаки, Михаил Давыдов, Геннадий Абольянин, Анна Фэвр-Дюпэгр, Людмила Чудова-Дельсон, Генрих Нейгауз, Валерий Молдавер.

Вторую часть книги открывает короткое вступительное слово («История в письмах») одного из редакторов-составителей московского издания, Татьяны Кузнецовой, входившей в круг близких друзей Козловской в последние годы ее жизни. Кузнецова рассказывает о своем знакомстве и дружбе с Галиной Лонгиновной, приводит двенадцать ее сохранившихся писем, перемежая их своими воспоминаниями и заметками-комментариями. Составитель готовила письма, «наслаждаясь их прекрасным выразительным языком, а также не менее прекрасной душой этой женщины, которая в Ташкенте дружила с Анной Ахматовой»². Она по достоинству оценила литературное дарование и масштаб личности Козловской.

Все ее 12 писем я бережно храню и очень ими дорожу. От своих писем к ней у меня осталось только несколько черновых набросков, но это и не так важно. Важны ее мысли, чувства, точность и образность языка и обстоятельные ответы на все мои вопросы. Эти ее письма я с некоторыми комментариями предлагаю вниманию читателя и думаю, что многие будут так же захвачены обаянием, гармоничностью и возвышенным строем этой души, как это случилось в свое время со мной³.

Все включенные во вторую часть книги письма, как и редакторские комментарии к ним, содержат множество ценных сведений и фактов для исследователей истории культуры советского периода, музыкальной культуры Узбекистана, жизни и творческой деятельности Алексея Федоровича Козловского и его современников⁴.

Письма Галины Лонгиновны – творчество блестящего литератора-стилиста, глубокого и тонкого знатока европейской и русской культур.

Как-то в разговоре она сравнила себя с зубром, у которого нет сородичей или они где-то далеко, и она воспринимала это как свою большую трагедию. Очень переживала, что утеряны те нити, которые держали духовную культуру и связывали людей⁵.

К духовным нитям принадлежала и личная переписка. Из опубликованных писем Галины Лонгиновны видно, какие усилия она прилагала и как «принуждала» своих единомышленников-современников к постоянному эпистолярному диалогу. Упреки и «требования» не отделялись короткими записками, а писать ей подробные письма о себе и своем творчестве, мы находим во многих ее письмах к разным адресатам, в частности к Владимиру Брониславовичу Сосинскому (1900–1987), писателю, человеку сложной и необычной судьбы⁶.

В своих письмах Галина Лонгиновна выражала личные чувства, переживания и мысли о собственной судьбе и судьбах родных и близких ей людей. Ее долгая и сложная жизнь, богатая яркими событиями, потрясениями, давала к тому богатый и обширный материал. Но письма для нее не только средство утешения. В них присутствует внутренне напряженный, а временами и драматичный диалог современников эпохи, в особенности представителей старшего, ее поколения, переживших революцию, эмиграцию, репрессии, войны...

Нам заповедан грех отчаянья, – писала она Владимиру Сосинскому, – и, пока мы живы, надо одолеваять его, но где взять силы и что и кто пошлет надежду? Что делать всем бедным людям? Жмуриться и закрывать глаза и ждать, что в миг единый ты взлетишь и станешь прахом по чьей-то воле. Как люди ни жалки и глупы, но такого вознесенья я бедным овцам не желаю. Простите мне, мой друг, мои совсем не рождественские мысли и слова. Как я скорблю, что недостаточно верю в Бога, раз ни в чем не нахожу утешения и успокоения!⁷

Во многих письмах Галина Лонгиновна вновь и вновь возвращается к счастливым и печальным, а временами трагическим, страницам жизни самого близкого ей человека – Алексея Федоровича Козловского. Тема эта резко усиливается после внезапной смерти Козловского 9 января 1977 года.

У нас была прекрасная жизнь. Господи! Как писать в прошедшем времени?! Он был блистательным человеком и музыкантом огромных дарований, талантом, которым по праву могла гордиться Россия. Вместо этого она отправила его в этот край, изломала его судьбу, и он испил всю чашу унижения и печали, которые делают человека – человеком⁸.

Стремление защитить собственный внутренний мир и творчество своего выдающегося мужа от бесцеремонных внешних вторжений, глубокое разочарование в порядочности некоторых своих современников соседствует с надеждой на понимание и дружеское участие. Из письма Минне Шмелькиной⁹ (от 6 октября 1964 г.):

В жизни все меньше и меньше остается тех, кого искренно можешь любить, и еще меньше, кем глубоко восхищаешься в искусстве¹⁰.

Этому же адресату (письмо от 20 июня 1965 г.):

Не ответила Вам на Ваше последнее письмецо, потому что пришло оно в самые черные дни болезни Алексея Федоровича. За этот год ему пришлось много пережить тяжелого, он расстался со своим оркестром, который его любил и любит по-прежнему, но некоторые формы современного гангстеризма не под силу порядочным людям. Он много настрадался, и это все едва не стоило ему жизни. Алексей Федорович в марте очень захворал, и я положила его в стационар

с давлением 240 на 145. <...> Будем топить свою тоску в стихах, стараться не дать иссякнуть в сердце доброте и благожелательности к людям. Очень часто что-то их облик становится неприглядным, и хочется от них отвернуться надолго. Все с большей силой люблю зверей, деревья, утра и повечерья, острее погружаюсь в воспоминания виденного и слышанного в жизни и все еще хочу, как говорил поэт, «древность мира высмотреть вполне»¹¹.

В московском издании найдено удачное решение – объединить под одной обложкой воспоминания и переписку. Переписка во многом приоткрывает завесу над невысказанным, недосказанным. То, что по разным причинам Галина Лонгиновна не могла и не хотела включать в свои воспоминания, памятуя об их публичном предназначении, отразилось в письмах. Но даже в них она сохраняла определенную «конспирацию», не всегда называя конкретные имена. Как-то в одной беседе Галина Лонгиновна сказала: «Для меня было большой трудностью рассказывать в воспоминаниях о врагах и гонителях Алексея Федоровича, эти эпизоды поданы в завуалированном виде, намеками. Самым мучительным был вопрос об Ашрафи, который я никак не могла преодолеть»¹². Наконец, было решено вообще не упоминать о нем в мемуарах ни одним словом. Этот человек слишком много стоил для жизни Алексея Федоровича». И далее она, как бы обобщая свой собственный печальный жизненный опыт, добавила: «Людям честным всегда было жить трудно. И те, кто живет с чистыми руками, обречены на постоянное издевательство»¹³.

Из писем мы узнаем множество интереснейших подробностей и признаний человека пристрастного – о жизни и творчестве композитора, тонких наблюдений над его стилем, «расшифровку» малоизвестных и неизвестных его замыслов, историю появления тех или иных сочинений. Здесь же, рядом с Алексеем Козловским, многие дорогие для ценителей культурного наследия имена: Анны Ахматовой, Марины Цветаевой, Пастернаков, Лидии Чуковской, Фаины Раневской... О каждом из них, как и о многих других, Г.Л. Козловская рассказывает что-то свое, исключительно личное и в письмах, и в «Воспоминаниях».

В ташкентском издании, в отличие от московского, отсутствует эпистолярная часть. Подбор материалов для разделов книги (следующих после «Воспоминаний» Галины Лонгиновны) связан почти всецело с личностью А.Ф. Козловского. И это естественно для ташкентского контекста. В истории музыкальной культуры Узбекистана деятельность этого композитора занимает исключительное место. Музыка Козловского, его творческий метод, его педагогическая работа оказали заметное влияние на развитие композиторского искусства. Однако смею утверждать, что наследие А.Ф. Козловского еще не оценено в полной мере. Секреты его творчества, его опыт глубоко проникновенного освоения национальной традиции ждут своего открытия и заинтересованного изучения, они могут быть полезны молодому поколению музыкантов. Идея издания материалов о Козловском, включая его собственные научно-методические труды, уже давно вынашивалась в стенах Ташкентской государственной консерватории, где композитор долгие годы преподавал. Инициатива принадлежала исследователю творчества Козловского ташкентскому музыковеду Ларисе Красуцкой; однако по разным причинам публикация так и не состоялась¹⁴.

В ташкентское издание, подготовленное редактором-составителем Светланой Матякубовой, включены (помимо собственно воспоминаний Галины Лонгиновны) воспоминания о Козловском современников и учеников – Бориса Арапова, Икрама Акбарова, Халимы Насыровой, Лазаря Ремпеля и Феликса Янов-Яновского; несколько не публиковавшихся ранее статей и докладов композитора, а также его воспоминания о С.Н. Василенко, автобиография и личные документы; краткие наброски и заметки музыкально-теоретического характера из архива композитора; стихотворения Алексея Федоровича; воспоминания С. Матякубовой о Козловской; список произведений А.Ф. Козловского, хранящихся в различных фондах Узбекистана. К изданию приложен компакт-диск с записями его сочинений и другими материалами.

О каждом из этих материалов можно было бы говорить отдельно. Но мы коснемся коротко лишь статей и докладов композитора, которые оставались малоизвестными, если не сказать неизвестными, не только широкому кругу любителей классической музыки, но и специалистам-музыковедам. Все они, за исключением одной статьи («Отражение тембров узбекских народных инструментов в симфоническом оркестре»), опубликованной еще в 1961 г., находились в архиве автора¹⁵.

По свидетельствам Галины Лонгиновны и самого Алексея Федоровича, им был подготовлен цикл докладов музыкально-исторического характера по композиторской технике. Часть из них, по-видимому, и попала в настоящий сборник. Они характеризуют Козловского как композитора-мыслителя и музыкального теоретика высочайшего уровня, принадлежавшего, несомненно, к плеяде выдающихся мастеров XX века. Свобода в обращении с музыкальным материалом самых разных исторических эпох, феноменальное знание музыки, абсолютное владение всеми тонкостями композиторской техники, выразительными средствами симфонического оркестра...

С великими мастерами прошлого Козловский разговаривает на равных, обращая внимание на неточности и странности в их партитурах, возникшие по небрежности и недоразумению и осевшие в этом виде на долгие годы в исполнительской практике. Разве не повергают в смущение, например, следующие строки из его доклада «О начертании партитур» (1952 г.):

Чрезвычайно важно, начиная партитуру, всякий раз взглянуть на окончание предыдущей страницы и не доверять своей памяти. Иначе могут получиться ошибки, вроде следующих случаев в партитурах Чайковского (конец сцены дуэли в опере «Евгений Онегин» и конец 1-й части 4-й симфонии)¹⁶.

И подобных примеров в его статьях немало, на них основаны некоторые его практические выводы и рекомендации начинающим композиторам.

Козловский обладал феноменальной музыкальной памятью, что позволяло ему «держать в голове» и при необходимости воспроизводить любое музыкальное произведение, а также легко фиксировать самые сложные и непривычные для европейского уха музыкальные интонации и ритмы. В статье «О некоторых особенностях узбекских ритмов» (1968 г.) композитор так вспоминает о своем погружении в стихию музыкальной жизни узбекского народа:

Памятной мне весной 1936-го года, очутившись в Узбекистане, я с головой погрузился в освоение нового для меня узбекского фольклора. Волна прекрасной самобытной музыки, необычной для уха, «воспитанного» на европейской классике, захлестнула меня.

Я делал записи на тоях, на пестро кричащих в те годы базарах (в особенности на Хадре, в Старом городе), записывал музыку во время представлений кукольного театра, носил свою записную книжку всегда при себе. «Улак» – козлодрание, сопровождавшееся народным ансамблем, образцы народного музицирования на свадьбах и тоях, протяжно интонируемые выкрики разносчиков на базарах, доносящийся из ближней мечети намаз муллы, призывы канатоходцев, крики молочников по утрам в переулке, – все тут же фиксировалось, ничто не ускользало от молодого восторженного внимания. Впереди мерещились образы будущей оперы¹⁷.

Ученик А.Ф. Козловского, ныне один из видных композиторов Узбекистана Муштафо Бафоев как-то рассказал мне такую историю о своем наставнике:

...У него была фантастическая память. Однажды я принес ему свое сочинение. Он поиграл и говорит, что ваша мелодия напоминает такое-то место из «Симфонических танцев» Рахманинова. Я стал возражать и говорить, что не смотрел это сочинение Рахманинова. Тогда Алексей Федорович сказал: Возьмите там, на полке вон ту партитуру, откройте такую-то страницу и поиграйте. Я взял, открыл и стал играть. И, действительно, оказалось, что моя музыка очень близка этому фрагменту из сочинения Рахманинова¹⁸.

Ташкентское издание по многим своим составляющим можно рассматривать и как ценное учебно-методическое пособие для композиторов и музыковедов. В то же время собранные в нем материалы к биографии А.Ф. Козловского позволяют по-новому взглянуть на нашу недавнюю историю и переоценить культурное наследие советской эпохи с позиций нового знания.

Более подробно следует остановиться на «Воспоминаниях», как основной, центральной части в обеих изданных книгах. Наличие двух вариантов текста – московского и ташкентского – позволяет провести сравнение между ними и выявить различия. Ташкентский текст «Воспоминаний» Козловская лично подарила музыковеду Светлане Матякубовой еще в процессе работы над ним¹⁹. Такое доверительное отношение автора к своему будущему редактору-составителю не случайно. Светлана – самый близкий друг Галины Лонгиновны в последние годы ее жизни. Между ними установились искренние отношения, взаимная дружелюбность и любовь. Осенью 1990 года Светлана познакомила с Галиной Лонгиновной и меня, введя, таким образом, в круг немногих собеседников-друзей, которым Г.Л. разрешала навещать ее и общаться. И мне довелось воочию увидеть совершенно необычные, духовные отношения, сложившиеся между двумя женщинами. Галина Лонгиновна говорила о Светлане как о «доброй хранительнице моей жизни и неизменном друге». А в одном из последних писем (от 12 декабря 1990 г.) она обращается к Светлане: «Сейчас я живу твоей любовью ко мне, и я принимаю ее как последнюю великую радость. Пусть Бог пошлет нам много дней, чтобы мы успели подарить себя друг другу, как хочется душе»²⁰.

Благодаря неустанным заботам Светланы, ее просьбам и увещаниям, Галина Лонгиновна, преодолев состояние депрессии, вернулась к своим воспоминаниям

(над которыми начала работать в середине 1980-х гг.) и завершила их. Правка первой версии воспоминаний была закончена в середине октября 1990 года, а затем они были переправлены в Москву. Ташкентские друзья Галины Лонгиновны получили возможность ознакомиться с отдельными фрагментами воспоминаний еще в рукописи, до передачи их в издательство²¹.

Именно этот, первоначальный текст и лег без каких-либо изменений в издание, подготовленное Матякубовой, о чем составитель и предупреждает читателя: «Текст “Воспоминаний...” Г.Л. Герус-Козловской публикуется без вмешательства в структуру изложения, при этом максимально сохранен стиль автора»²².

Иной подход предложен в московском издании, где имеется своя история поступления текста «Воспоминаний» Галины Лонгиновны к редакторам-составителям²³. Здесь текст Козловской был подвергнут значительной редакторской правке, проходившей уже, очевидно, без участия самого автора (скончавшейся в Ташкенте 6 сентября 1991 г.). Прделана огромная работа, которая не может быть охарактеризована в полном объеме в настоящей публикации. Разумеется, труд литературного редактора – естественная и необходимая часть доиздательского процесса. Однако нам представляется, что в этом случае должны быть сделаны необходимые оговорки. Но ни во вступительном слове Натальи Громовой, инициатора издания, ни в последующей статье составителей книги Татьяны Кузнецовой и Натальи Чудовой не оговаривается характер проделанной редакторской работы, степень вмешательства в авторский текст Галины Лонгиновны, не отмечаются существенные изменения, которые были внесены в него редактором. Нет таких указаний и в постраничных примечаниях, как и нет практикуемых в подобных случаях отточий в квадратных скобках.

Редактор подверг текст «Воспоминаний» сокращениям едва ли не на каждой их странице. В основном были сокращены небольшие фрагменты, которые уточняли, дополняли либо дублировали мысль автора. Их удаление в целом не повлияло на содержание авторского текста «Воспоминаний», наоборот – сделало его более динамичным и цельным.

Однако во многих случаях были изъяты и более крупные фрагменты текста, которые, как правило, заключали в себе своего рода «лирические» или «философские отступления» автора, представляя собой рассуждения или наблюдения обобщающего характера. Нередко, не имея прямого отношения к событийной стороне повествования, они говорили о мировоззрении, выражали жизненную позицию автора «Воспоминаний».

Приведу несколько характерных примеров. Так, из текста была исключена небольшая преамбула (предисловие) Галины Лонгиновны к «Воспоминаниям», раскрывающая понимание ею своих авторских задач. Интересно, что одна фраза из этого не вошедшего в книгу предисловия приведена во вступительной статье редакторов-составителей: «В предисловии к своей книге Галина Лонгиновна пишет: «Мне хотелось отметить ту поэзию в самой жизни, которая лепит и творит художника, определяет развитие его духовной жизни»²⁴.

А вот как выглядит это предисловие в полном виде:

Мне бы хотелось дать на этих страницах не фактографический перечень мест и событий, а попытаться проследить, как и при каких условиях формировалась личность музыканта и человека. Мне хотелось отметить ту поэзию в самой жизни, которая лепит и творит художника, определяет развитие его духовной жизни. Это ни в коем случае не значит, что человек пассивен в своем становлении. Наоборот, чем одареннее художник, тем активнее он воспринимает мир и тем легче шлифуются грани его таланта.

Человек невозможен без среды, поэтому я буду попутно рассказывать о людях, встречавшихся на жизненном пути Алексея Федоровича и сыгравших ту или иную роль в его жизни. А так как жизни не бывает вне времени, то пусть Время также станет действующим лицом в этих воспоминаниях²⁵.

Вот и еще несколько примеров подобных сокращений:

На странице 21 исчез следующий текст:

Мало кому из музыкантов выпала такая удача, такое счастливое стечение обстоятельств, которое так плодотворно и многообразно влияло на формирование А.Ф. Козловского как музыканта и художника. Я имею в виду погруженность в стихию музыки с первых дней его жизни.

На странице 22, где говорится о музыкальной жизни дореволюционного Киева, редакторы убрали следующее наблюдение автора:

Это было время, когда люди не могли удовлетворять свою жажду музыки механическими записями, как в наши дни. Они активно музицировали, для них акт присутствия на концерте или опере был актом торжественной сопричастности к событию праздничному и особому. Им неведомо было включение и выключение музыки на любом месте ее звучания.

Таких примеров много. Некоторые из них касаются нелицеприятной (или напротив – высокой) оценки действий или творчества тех или иных деятелей культуры, особенностей их характера, поведения в быту и т.п. Во многих случаях такие «мелкие» детали выражают субъективное мнение Козловской, но оно, несомненно, имело право на сохранение в истории.

Кроме того, первоначальный текст «Воспоминаний» был подвергнут значительным внутренним перестановкам, а также новому структурированию за счет введения новых названий для разделов. В некоторых случаях такие нововведения не нарушают, а облегчают восприятие текста (например, введение заголовков «Режиссерский дебют в Театре Станиславского» (с. 44) или «Симфоническая сюита “Лола”» (с. 76)). В то же время редакторы сняли отдельные дополнительные пояснения в заглавиях разделов (например, исчезли даты 1915 – 1920 годы в заголовке «Поющие селения Украины»; поясняющая фраза «Годы ученичества» из заголовка «Когда зазвучал город безмолвствующих колоколов»).

В целом все изменения и сокращения, как и новое название книги («Шахерезада. Тысяча и одно воспоминание») можно отнести к попыткам «отшлифовать» авторский текст, приспособить его к требованиям книжного рынка.

Некоторые неточности допустили авторы-составители московского издания и в своих вступительных статьях. Укажем лишь на некоторые. Так, в статье Т. Кузнецовой и Н. Чудовой «Поиски и находки» сообщается (с. 17), что оперу Козловского «Улугбек» во время войны поставил Соломон Михоэлс. На самом деле постановку

осуществил находившийся в эвакуации в Ташкенте ленинградский оперный режиссер Эмануил Иосифович Каплан; Михоэлс же был в то время директором театра. Приезд в Ташкент Ахматовой в ноябре 1941 года в приведенном смысловом контексте воспринимается как принудительная ссылка (см. с. 18: «Так получилось, что этот восточный город, в который ссылали отверженных, стал ее судьбой, а жизнь в нем – богатым событиями и откровениями временем»). Хорошо известно (и авторы издания сами упоминают об этом в других местах), что Ахматова была эвакуирована в Ташкент через Москву вместе с другими деятелями культуры.

В текст «Воспоминаний» были введены неизвестные ранее фрагменты и дополнения (так, например, на с. 74 приведено стихотворение Козловского «Старый город», которое отсутствовало в первоначальном тексте «Воспоминаний»).

Авторы-составители во многих случаях снабдили текст полезными постраничными примечаниями, в которых приведены необходимые пояснения о тех или иных лицах, фигурирующих в основном тексте, о датах событий и т.п. К сожалению, в ташкентском издании таких примечаний явно недостаточно, и это ощущается при чтении текста. Отметим также, что в московском издании есть и примеры уточнений и исправлений ошибочных фактов, закрававшихся в текст автора «Воспоминаний». Так, например, на с. 22 ташкентского издания приведен фрагмент, в котором явно ошибочно фигурирует А.Ф. Козловский, тогда как здесь должен быть (по контексту) его учитель Н.Я. Мясковский («Когда Алексей Федорович приходил на концерт какого-нибудь знаменитого дирижера, он обычно садился где-нибудь в стороне, на крайнем стуле, с партитурой в руках, и никто из знакомых или учеников не мог подумать о том, чтобы окружить его говорливой толпой, как это было с другими профессорами»). Эта ошибка исправлена в московском издании (на с. 39).

Обе книги не противостоят и не отрицают друг друга. Они, скорее, достаточно органично друг друга дополняют и образуют в сумме значительный и ценный историко-культурный и музыкальный материал. Чтение их способно доставить глубокое интеллектуальное наслаждение, оно незаметно затягивает и погружает читателя в атмосферу культурной жизни промелькнувшей сложной, трагической, но по-своему прекрасной и неповторимой эпохи.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Мы не считаем применение в московском издании имени в форме «Шехерезада» (вместо «Шехерезада») ошибочным, но все же отметим, что и в известном стихотворении Ахматовой, посвященном Герус-Козловской («Заснуть огорченной...» из цикла «Луна в зените»), и в некоторых письмах Галины Лонгиновны имя приводится как «Шехерезада».

² Кузнецова Т. История в письмах // Козловская Г.Л. Шехерезада. Тысяча и одно воспоминание / Составители – Т. Кузнецова и Н. Чудова. Предисл. Н. Громовой. – М.: Издательство АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2015. – С. 196.

³ Кузнецова Т. История в письмах... – С. 197.

⁴ Об А.Ф. Козловском см. также: Виткович В. Круги жизни. – М.: Молодая гвардия, 1983. – С. 7–8, 43–50, 112–120, 213; Вызго Т.С. Алексей Козловский. – М.: Музыка, 1966; Джаббаров А., Соломонова Т. Композиторы и музыковеды Узбекистана. Биографические очерки. – Ташкент: Изд-во литературы и искусства им. Гафура Гуляма, 1975. – С. 110–112; Жабборов А.Х. Узбекистон басткорлари ва мусикашунослари. Маълумотнома. – Тошкент: Янги аср авлоди, 2004. – С. 173–177.

⁵ Матякубова С. Галина // Алексей Козловский: Воспоминания. Статьи. Документы. Стихотворения // Редактор-составитель С. Матякубова. – Ташкент: Musiq, 2015. – С. 305.

⁶ См.: Козловская Г.Л. Шахерезада... – С. 257–308.

⁷ Там же. – С. 295 (из письма Владимиру Сосинскому от 24 декабря 1979 г.).

⁸ Там же. – С. 261 (из письма Владимиру Сосинскому от 21 января 1977 г.).

⁹ Шмелькина Минна Соломоновна (1909–1995) – солистка балета Большого театра СССР. Жена дирижера А.Ш. Мелик-Пашаева, мать А.А. Мелик-Пашаева. (См.: Козловская Г.Л. Шахерезада... – С. 250.)

¹⁰ Козловская Г.Л. Шахерезада... – С. 251.

¹¹ Там же – С. 253.

¹² Вопрос о взаимоотношениях А.Ф. Козловского и композитора М. Ашрафи (1912–1975) еще не получил освещения в музыковедении и истории музыкальной культуры Узбекистана.

¹³ Запись беседы автора статьи с Галиной Лонгиновой Козловской (20 октября 1990 г.). Рукопись в архиве автора статьи.

¹⁴ Предполагалось издать такой сборник к 90-летию, а затем – к 100-летию А.Ф. Козловского. Проект издания в разных вариантах был включен в список перспективных изданий серии «Культура Средней Азии в письменных источниках, документах и материалах» Института «Открытое Общество» – Узбекистан.

¹⁵ «О некоторых особенностях узбекских ритмов», «О начертании партитур», «О некоторых изустных традициях и коррективах исполнения», «Первые попытки отражения звучностей народных инструментов средствами симфонического оркестра в русских партитурах доглинкинского периода», «Некоторые параллели между стилевыми особенностями партитур XVIII и начала XIX веков (до становления принципов колористического мышления)», «Определение принципов работы композитора над эскизами оркестрового произведения (на основе опыта русских классиков). Несколько страниц автографа “Золотого петушка”».

¹⁶ Алексей Козловский... – С. 163.

¹⁷ Там же. – С. 147–148.

¹⁸ Запись беседы автора с Мустафо Бафоевым (25 января 2002 г.). Рукопись в архиве автора статьи.

¹⁹ С. Матякубова пишет: «Экземпляр воспоминаний “Дни и годы одной прекрасной жизни” Г.Л. Герус-Козловской были подарены редактору-составителю в дни нашей дружбы. Они легли в основу настоящей публикации “Воспоминаний о Козловском”» (Алексей Козловский... – С. 4).

²⁰ См.: Алексей Козловский... – С. 308 и 309. О начале дружбы с семьей Матякубовых и об отношении Галины Лонгиновны Козловской к С. Матякубовой см. также в ее письме Татьяне Кузнецовой (от 19 октября 1990 г.): Козловская Г.Л. Шахерезада... – С. 241.

²¹ Предполагалось, что рукопись будет издана отдельной книгой в издательстве «Советский композитор», преобразованном в начале 1990-х гг. в издательское объединение «Композитор». Однако у «Композитора» не было возможности опубликовать книгу воспоминаний Г.Л. Козловской целиком, и оно издало фрагменты в трех номерах журнала «Музыкальная академия» (бывшая «Советская музыка») за 1994 год: Козловская Г. День, прожитый в солнечной прелести // «Музыкальная академия». 1994. № 1. – С. 81–84; Она же. Дни и годы одной прекрасной жизни. Воспоминания о композиторе Алексее Козловском // «Музыкальная академия». 1994. № 3. – С. 40–54; Она же. Дни и годы одной прекрасной жизни. Воспоминания о композиторе Алексее Козловском // «Музыкальная академия». 1994. № 4. – С. 110–114.

²² Алексей Козловский... – С. 4.

²³ См. об этом: Кузнецова Т., Чудова Н. Поиски и находки // Козловская Г.Л. Шахерезада... – С. 14.

²⁴ Там же. – С. 18.

²⁵ Алексей Козловский... – С. 5.

АВТОРЫ НОМЕРА

ДЖУМАЕВ Александр – музыковед, востоковед. Кандидат искусствоведческих наук. Автор более 150 научных статей, опубликованных в Узбекистане, Великобритании, Германии, России, США. Живет в Ташкенте.

ДОРОФЕЕВ Роман – религиовед, автор исследований по истории православия и других религий в Средней Азии. Проректор Ташкентской духовной семинарии. Живет в Ташкенте.

КАЛАУС Лилия – писатель, журналист, книгоиздатель. Проза публиковалась в журналах «Дружба народов», «Новая Юность», «Крещатик» и др. Участник 3-го Ташкентского фестиваля поэзии (2003 г.). Живет в Алма-Ате.

КОТЮКОВА Татьяна – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела сравнительно-исторических исследований стран постсоветского пространства Института всеобщей истории РАН. Живет в Москве.

ЛАПШИНА Елена – поэт. Автор трех книг стихов. Публиковалась в журналах «Арион», «Дружба народов», «Новый мир», «Октябрь» и др. Лауреат поэтической премии «Московский счет». Живет в Москве.

МУРАТХАНОВ Вадим – поэт, прозаик, критик. Автор пяти книг стихов. Публиковался в журналах «Арион», «Дружба народов», «Звезда Востока», «Октябрь» и др. Лауреат поэтической премии «Московский счет». Живет в Подмосковье.

ОЗМИТЕЛЬ Екатерина – религиовед, искусствовед. Доктор исторических наук, автор трудов по истории православия в Киргизии. Живет в Москве.

Иеродиакон Михаил (СТОЛЯРОВ) – журналист, пресс-секретарь Ташкентской и Узбекистанской епархии. Живет в Ташкенте.

ТАЛАЛАЙ Михаил – историк, кандидат исторических наук. Лауреат Макарьевской премии (2013). Автор многих статей в российских и итальянских периодических изданиях по истории Русской Церкви в зарубежье и истории русской эмиграции. Живет в Милане.

Содержание журнала «Восток Свыше» за 2016 год

СТИХОТВОРНЫЙ КАМЕРТОН

Бахыт КЕНЖЕЕВ. «В замочной скважине колеблющийся свет...». – № 1-2 (XL). С. 5.

Надя ДЕЛАЛАНД. «Слава Тебе, показавшему мне свет...». – № 3 (XLI). С. 5.

Елена ЛАПШИНА. «От земли поднимутся холода...». – № 4-1 (XLII). С. 5.

СООБЩЕНИЯ. СОБЫТИЯ. ДАТЫ

Календарные страницы *главного редактора*

Самаряныня. 1950 лет преставления мученицы Фотины (Светланы) самаряныни (20 марта ок. 66 года). – № 1-2 (XL). С. 6-9.

Два Феодора. 225 лет преставления преподобного Феодора Санаксарского (19 февраля 1791 года) и 15 прославления праведного воина Феодора Ушакова (23 июля 2001 года). – № 3 (XLI). С. 6-9.

Оптинское чудо. 175 лет преставления преподобного Льва Оптинского (11 октября 1841 года) и 125 лет преставления преподобного Амвросия Оптинского (10 октября 1891 года). – № 4-1 (XLII). С. 6-10.

Новостные страницы *иеродиакона Михаила (СТОЛЯРОВА)*

«Радость слова», освящение храмов, интернет-канал «Восток Свыше». – № 1-2 (XL). С. 10-12.

Память святителя Луки (Войно-Ясенецкого), новые хиротонии, выпускной акт Семинарии. – № 3 (XLI). С. 10-12.

Выставка «Радость Слова», фестиваль колокольного звона и 25-летие Свято-Владимирского храма. – № 4-1 (XLII). С. 11-12.

Тема: К 25-летию государственной независимости Узбекистана (1991–2016)

Игумен Нектарий (БЛИНОВ), протоиерей Сергей СТАЦЕНКО, Юрий ФЛЫГИН. Православная церковь в суверенном Узбекистане: итоги и перспективы. – № 3 (XLI). С. 13-19.

ИЗ ИСТОРИИ ЦЕРКВИ В СРЕДНЕЙ АЗИИ

Ольга ХОДАКОВСКАЯ. «Как мелко, глупо то, чего я домогался...» Взлеты и падения епископа Сергия (Лаврова). – № 1-2 (XL). С. 13-24.

Архимандрит Иринарх (ШЕМАНОВСКИЙ). Дневник о разгроме Иссык-Кульского монастыря. Публикация Екатерины Озмитель. – № 1-2 (XL). С. 25-53; № 3 (XLI). С. 20-47, № 4-1 (XLII). С. 13-29.

Тема: Туркестанские обновленцы

Роман ДОРОФЕЕВ. Начало обновленческого движения в Среднеазиатской епархии. 1923–1924 годы. – № 3 (XLI). С. 48-58.

Роман ДОРОФЕЕВ. «Последний бой» протоиерея Брицкого. – № 3 (XLI). С. 49-59; № 4-1 (XLII). С. 30-64.

Тема: Ташкентские монахини (1950-е–1980-е годы)

Наталья БЕЛЕВЦЕВА. Ташкентский круг сестры Иоанны (Рейтлингер). – № 3 (XLI). С. 75-83.

«Что представляет собой нынешняя ташкентская зима?..» Письма архиепископа Михаила (Чуба) архимандриту Борису (Холчеву) и монахине Маргарите (Лавровой). Публикация О. Илюшкиной и Е. Абдуллаева. – № 3 (XLI). С. 84-101.

ТУРКЕСТАНОВЕДЕНИЕ

Туркестанские странствия Бронислава Громбчевского. Предисловие и комментарии Татьяны Котюковой, перевод с польского Ирины Шестопаловой. – № 1-2 (XL). С. 54-69.

Роман ПОЧЕКАЕВ. «Под ближайшим руководством резидентства...» Временное правительство, Бухарский эмират и Хивинское ханство. – № 1-2 (XL). С. 70-79.

Из истории Туркестанского восточного института (1918–1923). Публикация Рубена Назарьяна. – № 1-2 (XL). С. 80-84.

Светлана ЖУКОВА. Самаркандские портреты (Из архивных фондов Самаркандского краеведческого музея). – № 3 (XLI). С. 102-109.

Тема: Средняя Азия в мемуарах русской эмиграции

Всеволод СТРАТОНОВ. Туркестан. Главы из воспоминаний «По волнам жизни». Публикация, предисловие и примечания Татьяны Котюковой. – № 4–1 (XLII). С. 65–93.

Борис ШИРЯЕВ. «Здесь жилось тогда много вольнее...». Воспоминания о Средней Азии 1920-х – начала 1930-х годов. Публикация, предисловие и примечания Михаила Талалая. – № 4–1 (XLII). С. 94–125.

ИСКУССТВО ПАМЯТИ

Наталья СЕЛУЯНОВА. Семейная хроника Селуяновых. Публикация О. Илюшкиной. – № 1-2 (XL). С. 98–114; № 3 (XLI). С. 110–114; № 4–1 (XLII). С. 126–141.

Виктор МОИСЕЕНКО. Бабуля. *Сырдарьинские этюды.* – № 1-2 (XL). С. 115–120.

СОБЕСЕДНИК

Протоиерей Валентин НИКОНОВ: «Надо еще заслужить, чтобы нас “отцами” называли...» – № 1-2 (XL). С. 85–90.

Юрий ФЛЫГИН: «Стремиться к максимальной объективности, но при этом не провоцировать ненависть...» – № 1-2 (XL). С. 91–95.

ПЕРЕВОДЫ

Святой Зотик Константинопольский, слуга прокаженных. *Перевод с греческого, предисловие и примечания Алексея ПЕРНБАУМА.* – № 1-2 (XL). С. 121–129.

Евангельские истории в произведениях средневековых арабо-мусульманских историков. Из *Kitāb al-Umam wa al-Muluk* («Книги народов и царей») ат-Табари. *Перевод с арабского и примечания Камола ШАНИЯЗОВА.* – № 1-2 (XL). С. 130–141.

Метафрастово Житие святой великомученицы Варвары. *Перевод с греческого, предисловие и примечания Алексея ПЕРНБАУМА.* – № 3 (XLI). С. 115–123.

ЛУГ ДУХОВНЫЙ

О страстях. О молитве. – № 1-2 (XL). С. 142–144.

Об уме и учении. О Церкви и богослужении. – № 3 (XLI). С. 124–127.

О созерцании Вселенной как творения Божия. О добродетельной жизни. – № 4–1 (XLII). С. 142–145.

ПРОЗА

Игорь БЕВЗЕНКО. Преображение. Рассказ. – № 1-2 (XL). С. 96–97.

ОБЩЕСТВО. ЛИТЕРАТУРА. ИСКУССТВО.

Размышления над Евангелием:

страницы протоиерея *Сергия СТАЦЕНКО*

Что хотел сказать нам Господь своим Вознесением? – № 1-2 (XL). С. 112–114.

Социальные страницы *Лилии КАЛАУС*

О мультфильмах и ценностях. – № 4–1 (XLII). С. 146–148.

Литературные страницы *Вадима МУРАТХАНОВА*

Между анекдотом и притчей. – № 1-2 (XL). С. 169–171.

«Карамзинский проект» Бориса Акунина. – № 3 (XLI). С. 134–137.

Встреча в пустыне. – № 4–1 (XLII). С. 149–152.

Тема: Поэзия и Вера

«В прозе гораздо больше теологической путаницы...» На вопросы ВС отвечает критик и литературовед Ирина РОДНЯНСКАЯ. – № 1-2 (XL). С. 150–155.

«Был мой собственный путь...» На вопросы ВС отвечает поэт Марина БИРЮКОВА. – № 3 (XLI). С. 128–133.

Страсти по Рублёву. Круглый стол к пятидесятилетию фильма «Андрей Рублёв»

Инна КУЛИШОВА, протоиерей Сергей СТАЦЕНКО, Алексей УСТИМЕНКО, Ирина ЯЗЫКОВА, Санджар ЯНЫШЕВ. – № 1-2 (XL). С. 156–168.

РЕЦЕНЗИИ

Иерей Александр КОЛОТОВКИН. «Горе мне, если не благовествую...» – № 3 (XLI). С. 138–141.

Александр ДЖУМАЕВ. Двойной портрет в интерьере ушедшей эпохи. *Об издании воспоминаний Галины Герус-Козловской.* – № 4–1 (XLII). С. 153–162.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал «Восток Свыше» принимает к рассмотрению на предмет публикации материалы (статьи, эссе, воспоминания, художественную прозу, архивные документы) по следующим темам: история Православной церкви (в целом и в Средней Азии в частности); Православие в современном мире; Православие и Ислам в межрелигиозном и межкультурном диалоге; история, культура, этнография Средней Азии.

Материалы принимаются в электронном виде (в формате Microsoft Word) по адресу: vostok_svyshе@mail.ru.

Поскольку в штате редакции не предусмотрен оператор компьютерного набора, материалы в виде рукописи принимаются только в особых случаях в порядке исключения.

Проверка редакционной почты — каждый понедельник. Редакция высылает на указанный автором электронный адрес краткое уведомление о получении рукописи. В течение двух недель с момента отправки уведомления автору отправляется второе письмо — о принятии материала к публикации либо об отказе.

Все материалы, поступающие в редакцию, проходят экспертизу с целью исключения плагиата.

Редакция также не принимает к публикации прежде опубликованные тексты (в печатных изданиях или интернете); исключение может быть сделано только для материалов, существенно переработанных (например, снабженных новыми комментариями или примечаниями).

В некоторых случаях редакция может обратиться к членам редакционного совета для внутреннего отзыва. Присланные материалы не рецензируются; материалы, полученные в виде рукописи, не возвращаются.

В случае отказа в письме указывается его основная причина; редакция оставляет за собой право не вступать в дальнейшие письменные или устные переговоры с автором отклоненного материала.

В отдельных случаях редакция может предложить автору доработать материал (сократить, дополнить и т.д.) либо принять сокращения, предлагаемые ею.

После редактуры и корректуры автору высылается последняя версия материала на утверждение. Автор в течение не более пяти календарных дней знакомится с этой версией и присылает в редакцию письменное подтверждение и (или) версию с последней авторской правкой, выделенной цветом.

В случае неполучения ответа редакция оставляет за собой право опубликовать материал без подтверждения.

Гонорары авторам не выплачиваются; предоставляется один авторский экземпляр журнала. Иногородним или зарубежным авторам авторский экземпляр передается с оказией или высылается по почте.

Номера «Востока Свыше» реализуются в церковных лавках при православных приходах Узбекистана. Полная электронная версия журнала (PDF) доступна на официальном сайте Ташкентской и Узбекистанской епархии (<http://pravoslavie.uz/archdiocese/departments/dioceses/ePress/Easter/Archive/index.php>); электронная версия каждого номера выкладывается не ранее, чем через три месяца после выхода тиража журнала (и не позднее выхода из типографии следующего номера).

Требования по оформлению статей

Шрифт Times New Roman, кегль в основном тексте – 12, в сносках – 11. Междустрочный интервал единичный.

Буква «ё» используется только в тех случаях, когда замена на «е» недопустима (например, в фамилиях); во всех остальных случаях – только «е».

Годы обозначаются арабскими цифрами, а не словом (например, «в 1960-е годы», а не «в шестидесятые годы»). Века обозначаются римскими цифрами. Слова «год», «век» и их производные пишутся полностью; в сносках могут сокращаться («г.», «в.»).

Для выделения цитат используются кавычки-елочки («...»). Если внутри цитаты имеются заковыченные слова, они помещаются в кавычки-лапки ("..."). Пропуски в середине цитат отмечаются многоточием в угловых скобках (<...>), в начале и в конце – многоточием.

Цитаты из Священного Писания Ветхого и Нового Завета приводятся в Синодальном переводе; ссылки на них состоят из сокращенного обозначения в круглых скобках библейских книг и указаний на главы и стихи. Пример: (Мф. 5, 47); (Мк. 2, 5-7).

Указания на другие использованные источники приводятся после цитаты или упоминания в виде концевой сноски. Знак сноски (¹, ², ³ и т.д.) ставится перед знаком препинания (точки, запятой, точки с запятой), кроме многоточия.

Сноски оформляются следующим образом:

Для цитаты из книги:

Успенский Л. Богословие иконы Православной Церкви. – Переславль: Изд-во братства во имя св. князя Александра Невского. 1997. С. 104.

Для цитаты из статьи в журнале:

Веселовский Н.И. Новые материалы для истории Кокандского ханства // Журнал Министерства народного просвещения. 1886. Ч. 248. С. 175.

Для цитаты из статьи в газете:

Алексеев В. Житие отца Василия // Комсомолец Узбекистана, 2 марта 1966 г. С. 3.

Для цитаты из собрания сочинений:

Бунин И.А. Из записей // Бунин И.А. Собр. соч. в 9 тт. Т. 9. – М.: Художественная литература, 1967. С. 288–289.

Для цитаты из сборника статей:

Флыгин Ю.С. Туркестанский восемнадцатый год. Своеобразие конфессиональной ситуации // I Пасхальные чтения. Традиции дружбы народов России и Средней Азии на протяжении веков. Сб. мат. – Бишкек, 2013. С. 106.

Харджиев Н.И. Неизданная книга Маяковского «Для первого знакомства» // Харджиев Н.И. Статьи об авангарде. В 2 тт. Т. 2. – М.: РА, 1997. С. 150.

Для цитаты из изданной за рубежом книги:

Bardaisan. Book of the Laws. Ed. H.J.W. Drijvers. – Assen: Van Gorcum, 1965. P. 61.

Для цитаты из архивного источника:

Архив Ташкентской и Узбекистанской епархии (АТУЕ). Оп. 2. Д. 15. Л. 4.
Государственный архив города Ташкента (ГАГТ). Ф. 30. Оп. 1. Д. 315. Л. 21об.

Для цитаты из Интернет-источника:

Никольская Т.М. Иконописный образ, его семантика и символика // Аналитика культурологии. 2011, № 1 (19) (URL: www.analiculturolog.ru/journal/archive/item/670-icon-painting-the-image-of-his-semantics-and-symbols.htm)

Восток Свыше
Духовный, литературно-исторический журнал
Выпуск XLII
№ 4, 2016, октябрь-декабрь – № 1, 2017, январь-март.

Главный редактор **Евгений Абдуллаев**
Литературный редактор **Лейла Шахназарова**
Верстка и дизайн **Александра Аносова**

Журнал зарегистрирован в Агентстве печати и информации Республики Узбекистан
Reg. № 02-15

Подписано в печать . . . 2017 г.
Печать офсетная. Формат 60x84¹/₈. Тираж 1000.
Заказ № (от . . . 2017).

Адрес редакции: Ташкент, 3-й тупик Азимова, 22.
Телефон 233-33-21.

Отпечатано в ИПК «GLOSSA»
100015, г. Ташкент, ул. Авлиё-Ота, 93.

www.pravoslavie.uz

ISSN 2010-5568